

«ГОД»

* * *

*Я боюсь просыпаться,
Все проблемы кажутся вечными,
Утром опять быть как все,
А внутри изувеченным.*

18 мая 2006 года, первый из дней, когда жизнь для меня полностью перевернулась.

В этот день я проснулся с жуткой болью в пояснице. Еще с начала апреля меня мучили постоянные боли внизу спины, и я думал, что простудил почки.

Четвертого апреля, в день рождения сестры, я вернулся из Англии. В Лондоне в этот раз я постоянно передвигался на метро (так быстрее, и метро там, в довольно неплохом состоянии) и, учитывая постоянные сквозняки в «андеграунде», я естественно склонялся к мысли, что меня просто продуло. Для Лондона это обычная ситуация. Жара в вагонах и сквозняки на эскалаторах. Мэр Лондона постоянно напоминает с плакатов и билбордов о том, что неплохо бы взять в дорогу бутылку питьевой воды, так как под землей жарковато, и, естественно, власти британской столицы делают все возможное, чтобы миллионы жителей Англии и еще большее число туристов не погибли от перегрева в подземелье.

Лекарства не помогали. Несколько дней подряд я пил то кетанов, то ибупрометдальшенепомню, то еще какие-то обезболивающие. Они помогали, но ненадолго. Через несколько дней я вышел на стабильные три таблетки в день. К простым неприятным болевым ощущениям подключились и галлюцинации от боли. Каждую ночь, около четырех утра начиналась жуткая боль, которую нельзя было унять таблетками. Это было очень интересное состояние. Вначале боль была несильной, но я понимал, что это лишь начало. Я принимал позу поудобнее, чаще всего, ложась на бок, подзывал свою собаку и обнимал ее. Почему-то присутствие любимого живого существа помогало, боль была меньше. Через некоторое время «представление» начиналось. Усиливалась боль в пояснице и я сам того не осознавая, начинал стонать. Мой пес не выдерживал моих стонов и спрыгивал с кровати вниз, а я, почувствовав, что в постели стало просторней, переворачивался с одного бока на другой, надеясь, что это уменьшит боль. Дальше, в какой-то момент я просто отключался и проваливался куда-то...

Это был другой мир. Это было то, что невозможно описать словами. Это было недалекое будущее в кроваво-оранжевых облаках, и я в этом будущем был пилотом самолета-истребителя. Шла третья мировая война. Я видел ее развитие, я смотрел новости, я видел, как гибнут люди, и сам этому способствовал. Неприятное ощущение, вначале.

У этих галлюцинаций были две интересные особенности. Первая заключалась в том, что на следующий день я появлялся именно в том временном отрезке, на котором прервалось мое предыдущее видение, и я мог дальше «любоваться» тем, что творится в этом мире. Вторая особенность заключалась в том, что я мог переключаться между реальной жизнью и тем бредовым состоянием, в котором я находился. Однажды во время очередной галлюцинации и жизни в другой реальности я получил какой-то десятизначный код, который я должен был передать одному высокостоящему должностному лицу. Дальше случился забавный случай: я «проснулся», записал этот код в телефон, и погрузился обратно в тот мир. Эти цифры до сих пор хранятся у меня, возможно когда-нибудь пригодятся.

И такое происходило ежедневно.

18 мая утром я направился к отцу. По дороге понял, что не могу больше терпеть боль, она становилась все больше и больше. Я попросил сестру вызвать скорую, но там объяснили, что будет лучше, если я съезжу (если я в состоянии) в поликлинику, которая находится возле меня и сдам анализы. Я так и сделал.

Показания крови были такие, что пожилая врач удивилась и сказала, что за весь период ее работы она не видела ничего подобного. Мне выписали направление к какому-то очень известному врачу, специалиста в области медицины, которая звучала как ругательство. Дальше больница, компьютерная томография, пятидесятилетний врач с холодным взглядом (наверное, много пришлось повидать в жизни) осматривающий меня, его нахмуренное лицо и десятки снимков моего организма. Зачем это все? Я ведь просто застудил почки, или что еще там есть возле поясницы. А потом он сказал: – «У меня еще два пациента. Подожди здесь». Когда врач освободился, он позвал меня к себе в кабинет.

– Садись.

– Нет, спасибо, я постою.

– Присядь, – он долго посмотрел на меня.

Я сел на стул. Врач был по другую сторону стола. В его руках были снимки, сделанные во время томографии и ультразвукового обследования.

– Ты взрослый человек и я думаю, что можем говорить открыто. Согласен?

– Да.

У меня вспотели ладони, и я понимал, что сейчас мне скажут что-то не очень хорошее. Сразу представились уколы, таблетки. Как же я не люблю это все.

– Я не полностью уверен в диагнозе, так как у меня немного другая область работы, но по полученным снимкам отчетливо видно, что у тебя в теле есть две опухоли. Одна в районе поясницы (врач показал мне ее на снимке), а другая в области средостения (последовала еще одна фотография). С учетом всех остальных факторов можно почти точно сказать, что у тебя лимфома.

– А это что такое?

– Это то, чего бы ты не хотел.

– А если поконкретнее.

– Это онкологическое заболевание лимфатической системы.

– У меня рак?

– Я сейчас дам тебе телефон одного врача, он хороший специалист в этой области. Позвонишь ему и скажешь, что ты от меня. И не медли. Звони сегодня же. У него сейчас совещание, позвони ему часа в четыре и договорись о встрече.

Дальше врач записал мне номер телефона и расписал, что такое лимфома и какие бывают последствия. Я его не очень слушал. В голове крутилось «рак лимфатической системы» и при этом я не хотел верить в то, что это случилось со мной. Я пытался думать о том, что врач ошибся, и завтра, когда я поеду к рекомендованному мне специалисту, мои опасения не оправдаются, и максимум, что я услышу это «простудил почки». Но чем дальше, тем отчетливее я понимал что диагноз, которым меня предварительно наградили, может оказаться правдой. Эти два более светлых пятна на фотографии, сделанной ультразвуком, не были связаны с почками. Почки не находятся возле легких, а у меня порой бывали боли и там.

И я испугался. Я испугался так, что меня затрясло, как будто я простоял без куртки на морозе пару часов. Я понял, что не успею всего того, что я хотел, что многие ценности, которые были у меня в жизни, на самом деле они не настолько важны. Мне показалось, что все вокруг счастливы и довольны жизнью, и никто на самом деле не знает как же это важно, когда ты здоров. Мне было страшно. Многие мысли пришли чуть позже, но они не сильно отличались от того, что я испытал в самом начале. Что самое плохое – пришло ощущение, что мы не вечны. Что не все зависит от нас.

Я попросил своих родных оставить меня на некоторое время в покое и дать мне просто подумать обо всем. Я сел за руль машины и поехал куда-то за город. В это же время я позвонил врачу и договорился о встрече завтра днем.

На следующий день все начало проясняться. Доктор сказал, что у меня лимфома и нужно взять анализы для выявления стадии. Для этого мне необходимо заполнить какие-то бумаги, принести страховку и паспорт и явиться со всем этим в регистратуру.

Всю пятницу я мотался по разным инстанциям, еще не понимая, зачем мне все это нужно.

Выходные прошли тихо...

В понедельник днем я приехал в больницу, направился в регистратуру, представился и дождался своей очереди. Атмосфера в больнице была довольно суровой, люди с беспокойными лицами и постоянно снующие туда сюда медсестры, как официантки в хорошем ресторане.

Я заполнил бумаги и когда собирался уходить услышал: – «А Вы куда?»

– Я? Домой.

– Никаких домой. В палату сейчас же, – строгим голосом сказала медсестра.

– Я не могу. У меня дела, и вещи я с собой не взял.

– Родные или друзья привезут. Ваш врач мне сказал, чтобы я вас отвела в палату сегодня же.

– Извините, но я не могу.

– Идемте, там разберетесь. Подпишите вот здесь и здесь.

Я поставил две подписи и решил, что проследую за медсестрой в палату, а потом тихо уйду домой.

Меня привели в палату, где лежал мужчина лет шестидесяти, очень общительный и располагающий к себе. Он сразу поздоровался и начал рассказывать, что здесь происходит и как тут лучше устроиться. Я посмотрел на него с улыбкой:

– Я тут ненадолго. Да и вообще я сегодня еще не ложусь сюда. Мне надо только анализы сдать.

– Эх, молодой такой.

Это прозвучало с таким сожалением и жалостью что мне стало неловко и страшно. Нет, я тут не останусь.

Во время этих размышлений в палату вошла женщина в белом халате, примерно тридцати пяти лет, и подошла ко мне.

– Добрый день.

– Добрый.

– Я ваш доктор, меня зовут Маргарита, – представилась она.

– Олег.

– Олег, я сразу хочу вам сказать, чтобы вы не относились к своей болезни легкомысленно. Доктор Юргутис ознакомил меня с диагнозом. Это очень серьезно. Но при всем этом, вы должны понимать, что шансы на положительный результат очень велики.

– Я не отношусь к этому легкомысленно. Я прекрасно понимаю всю серьезность ситуации (как же я врал).

За следующие несколько минут доктор убедила меня, что мне необходимо остаться в больнице и что завтра же будут сделаны первичные анализы.

Я остался в двухместной палате на пятом этаже, рядом с забавным мужчиной, который рассказывал о своей учительской деятельности в школе и о том, как каждое лето он на своем катере плавал по рекам в Московской области. Через пару часов ко мне приехали отец с сестрой, и привезли «домашнюю» одежду. Таковой у меня не было. У меня не было даже тапочек, и я разгуливал по больнице в туфлях. Скорее всего, я был самым стильным пациентом за всю историю больницы.

Весь вечер я думал о том, что произошло за последние несколько дней. Я все еще относился к данной ситуации как к какой-то игре. Я не мог поверить, что такое может случиться со мной. С кем угодно, но не со мной. Я ведь не такой. Похоже что такой... С этими мыслями я лег спать.

Интересно, многие ли люди могут вспомнить такое утро, когда они просыпались от того, что им вставляли шприц в вену и брали кровь. В 6 утра, каждое утро. Я это помню.

В семь утра мне сказали, что сделают биопсию. Я не знал, что это такое и врач объяснила мне, что у меня вырежут лимфатический узел и возьмут его на пробу.

– Меня резать будут?

– Будет лишь маленький разрез.

– А шрам останется?

– Шрамы украшают мужчину. Не так ли?

– Не совсем. Мне шрамы не очень нужны. А где резать будут?

– На шее, вот здесь (Маргарита нажала на выделяющийся лимфатический узел), тут самое удобное место.

– Прекрасно, – сказал я расстроено, – просто замечательно.

– Скоро придет хирург, он все объяснит.

Мы не попрощались.

Мой сосед по палате начал рассказывать, как все происходит, как увозят на операцию, как переодеваются и как все выглядит в операционной. Я его не слушал, лишь время от времени поддакивал, создавая вид, что заинтересован его монологом. Скорее всего, ему просто надо было выговориться, а я был прекрасным слушателем в его понимании.

Через минут двадцать пришел хирург, мужчина лет тридцати пяти с сильными руками. Он поговорил со мной, вероятно пытаясь снять мой возможный страх, повертел мою голову, поставил шариковой ручкой крестик на моей шее и сказал: – «Скоро подойдет медсестра».

Дальше последовала стандартная процедура для больницы. Я уселся в коляску, меня провезли до лифта и мы спустились на три этажа ниже, в операционную. Первое, что я почувствовал в операционной – это холод. Какое-то ощущение траурной торжественности и научной фантастики. Помещение, заполненное непонятными мне приборами, люди в халатах, осторожные взгляды. При этом для всех окружающих моя ситуация казалась простой ежедневной реальностью. Если бы я смотрел больше сериалов на медицинскую тему мне, наверное, было бы более спокойно. По крайней мере, более понятно.

– Как себя чувствуете? – окликнул меня хирург.

– Нормально. Интересно у вас тут.

– Это поначалу, – он улыбнулся, – проходите и ложитесь сюда.

Я подошел к операционному столу и, брезгливо морщась, улегся на него.

– Холодно.

– Через пару минут теплее будет, – сказала медсестра

Дальше мне объяснили, что будут делать, как будут колоть, и что будут резать. Врач сделал мне два укола в шею и сказал, что через минут пять начнет операцию.

– Так чувствуете?

– Нет.

– А так?

– Тоже нет.

Теперь я понимаю, что, скорее всего, произнося эти слова, он тыкал в меня скальпелем.

Во время операции, напротив меня сидела медсестра, которая следила за жизненными показателями: пульсом, давлением и еще какими-то данными, о которых я не имел ни малейшего понятия, но которые она периодически сообщала хирургу. Мне было скучно. Операция должна была длиться около часа, и я не знал чем занять себя в это время. Мне разрешили лежать с правой стороны, и я лежал, повернув голову влево. Медсестра сидела слева от меня, и в ее очках отражалось то, чем занимался хирург. Я видел, как мне делали разрез и как отделяли лимфатический узел, как текла кровь и лимфа. Было довольно неприятное зрелище, но в тоже время, было даже немного интересно.

В какой-то момент я почувствовал, что в том месте, где вырезают узел начало покалывать. Я сказал об этом доктору.

– Не может быть, – ответил он, – мы сделали два укола.

– А вот сейчас вы что-то отрезали, – сказал я, почувствовал боль.

– 30 миллиграмм лидокаина, быстро, – сказал доктор одной из медсестер.

После укола боль прошла. И я лишь впоследствии чувствовал, как мне прижигают рану.

Мне помогли подняться с операционного стола, спросили, не кружится ли голова, как я себя чувствую, и помогли пройти к коляске. Я чувствовал себя превосходно и отказался садиться в кресло. Медсестра очень удивилась и попросила все же сесть, поскольку ей очень сильно влетит, если меня, разгуливающего после операции, увидит кто-нибудь из докторов. В палате я переоделся, пообщался еще раз с хирургом, зашедшим меня навестить, и отправился на еще одну быструю и не очень страшную (как мне бесстыже соврали) процедуру.

Кому брали костный мозг из кости, когда наркоз не срабатывает? Результат – крик и мат на весь корпус, два согнутых стальных поручня, дыра в спине и слезы из глаз. Такой физической боли я еще никогда не испытывал. Даже сейчас, вспоминая о той процедуре, у меня возникает подсознательное желание куда-нибудь спрятаться.

А через час, пообщавшись со всеми докторами и дождавшись, когда они оставят меня в покое, я, незаметно выбравшись из больницы, за рулем ехал домой. Было неудобно поворачивать голову. Все было довольно неплохо, мешал лишь огромный бинт и пластырь, приклеенный на шею.

Вечером я, перемазанный какой-то оранжевой жидкостью, с громадным пластырем в пол шеи, ужинал с другом в своем любимом ресторане и даже не подозревал о том, как эти несколько дней и пара последующих изменят мою жизнь. Те мысли о себе и образе жизни, о жизненных ценностях и понятиях, которые сформировались и позже укрепились «благодаря» этому событию, они поменяли меня.

Бывает в жизни точка невозвращения. У меня она была.

Через несколько дней (некоторые из которых я провел в больнице) я получил анализы, и врач мне сказала, что при моей стадии единственное, что может мне помочь – это химиотерапия. Я отнесся к этому с пониманием, но каким-то своим. Сейчас лечиться в больницу на несколько месяцев, а потом еще подвергнуться лучевой терапии я не был готов. У меня была куча незаконченных дел, обязательства перед клиентами и планы на будущее. Из-за всего этого я решил немного подождать, подождать два три месяца, уладить все свои дела, а потом заняться здоровьем. Я помню, что даже писал в своем блоге, что с июля перехожу жить в виртуальное пространство, имея ввиду что, буду лежать в больнице с компьютером и вживую меня никто не увидит.

10 июня я должен был лететь в Китай на завод, принадлежащий одному из людей, с которыми я сотрудничал. Поездка была полностью спланирована, но из-за сложившихся обстоятельств и того, что мне было рекомендовано хотя бы несколько недель побыть в Литве, она не состоялась. В принципе все дела были решены позже по телефону и во время онлайн конференции, но неприятный осадок и осознания некоторых ограничений – это было очень неприятно, мягко говоря.

Для себя я решил, что неприятный диагноз не повлияет на мою обычную жизнь, и продолжал делать все то, что делал раньше, возможно даже с большим усилием. Это нужно было для того, чтобы доказать самому себе и всем окружающим что ничего не изменилось в моей жизни и все точно так же, как и было до этого.

Снова появились клубы, рестораны, девушки и всё остальное. Маленький пластырь телесного цвета на правой стороне шеи не мешал мне работать и дальше наслаждаться жизнью с еще большим рвением.

Правильно говорят «чем хуже у тебя дела, тем лучше ты должен выглядеть». Я в точности следовал этой фразе. Но где-то внутри появилась какая-то непонятная пустота и странное, ранее не появлявшееся чувство. Что это именно, я еще не мог понять, но оно пугало меня своим постоянным присутствием.

9 июня, в пятницу, одна моя знакомая праздновала день рождения. Моя подруга Марина попросила меня пойти вместе с ней. Марина была чуть старше меня, очень эффектно выглядела, была замужем и растила маленькую дочку.

Я познакомился с ней в одном из многочисленных ночных клубов Клайпеды, куда я зашел со своим другом. Простояв некоторое время, общаясь со своими знакомыми, я увидел загорелую брюнетку с длинными черными волосами. Она была похожа или на испанку или на итальянку, поэтому я был немного удивлен, когда она позвала меня по-русски:

– Иди сюда! – девушка улыбнулась и показала на свободное место у столика.

Я сказал знакомому, что скоро продолжим разговор, и направился к брюнетке.

– Марина, – представилась девушка.

– Очень приятно. Олег

– сегодня праздную день рождения. Побудь здесь. Хочешь выпить?

– Нет, спасибо. Я если только очень недолго.

– Ну, смотри сам.

Марина представила меня своей компании, мы немного пообщались, обменялись телефонами и договорились встретиться на днях.

Дальнейшее наше общение было очень интенсивным и забавным. Мы были как два любовника, которые любят друг друга платонически. При этом мы были готовы заняться сексом в любую минуту, но понимали, что это разрушило бы наше непринужденное общение (хотя, может, мы ошибались). Мы целовались, время от времени, всячески возбуждали друг друга, но до самого секса не доходили. При этом никто не знал о таких мелких шалостях, все считали, что у нас просто хорошее общение. По-другому и нельзя. Она замужем, довольно известна, ей не нужны возможные неприятности.

Однажды, когда я лежал в больнице, она приехала ко мне и сказала:

– 9 июня ты мой.

– В смысле? – я улыбнулся

– Помнишь Бригиту, вы познакомились на моем дне рождения, такая блондинка, сидела справа от тебя?

– Да, вроде припоминаю, а что?

– У нее 9 июня день рождения и мы с тобой идем.

– Я же ее совсем не знаю.

– Зато ты знаешь меня, и я хочу пойти туда с тобой.

– А кто еще будет?

Марина назвала нескольких людей, среди которых были известные фамилии, но я никого не знал лично. Всего получалось около двадцати человек.

– Я же никого из них не знаю.

– Да я тоже знаю, может пять-шесть, не больше. Не важно. Будем вдвоем тусоваться. А Бригита классная, она тебе понравится.

– А как же я со шрамом?

– Да ерунда, хочешь, я тоже себе пластырь нацеплю?

– Будем двое больных на празднике жизни? – я усмехнулся

– Мы им такое устроим, мало не покажется.

– Ну да, знаю. Опять выпьешь и ко мне полезешь.

– Никак нет, – она произнесла обиженно. – Ты как раз и будешь за мной следить, чтобы я не напилась. Это будет твоя обязанность на вечер. Почетная обязанность. – Марина утвердительно кивнула головой.

Создавалось такое ощущение, что она строит какие-то планы на этот день рождения. Просто классно провести время – это не то. Может, наконец, совратить меня? Я невольно улыбнулся.

– Ок, буду. Только пить будешь только тогда, когда я скажу. Поняла?

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, – она сложила ладони перед лицом и немного склонила голову.

– Умница дочка, – я приобнял ее и поцеловал в висок.

9 июня я проснулся в два дня. На пять вечера был запланирован поход в солярий. До этого я съездил в цветочный магазин неподалеку и заказал букет для именинницы. Оставил 50 евро и сказал, чтобы к 7 вечера он был готов. Забрав его в полвосьмого, я позвонил Марине и, услышав «давай скорее, мы уже ждем тебя», направился на празднование дня рождения Бригиты.

Дальнейшие воспоминания вспыхивали в моей памяти на протяжении двух дней, и постоянно обновлялись.

– Пили много...

– Была одна красивая девушка, которая весь вечер была со мной (не понимаю, зачем). Вспомнил, что в клубе был фотограф одной из газет, мой хороший знакомый, он нас фотографировал. Много фотографировал. Это опасно, так как, по рассказам, я вовсю целовался с этой девушкой.

– Ходил играть в казино, помню, что проиграл все, что было, снял с карточки еще денег и больше не ходил.

– Первый в туалете, на моей кредитке. Показалось, что ничего не почувствовал. Оказалось, что плохо казалось.

– Девушкам белого не давали, только парням. Девчонки ходили и спрашивали «Есть у тебя еще?». К их несчастью или счастью – было.

– Среди 12 девушек, пять были с силиконом в грудях и не знаю, сколько с чем-то еще в губах. Девчонок прозвал «силиконовыми подружками».

– Только сейчас вспомнил... Была же моя хорошая подруга, и я с ней танцевал и общался... Надеюсь, ничего не наделал плохого. Не звонит. Значит ничего плохого...

– В казино двое друзей были... Кому же я деньги давал?

– Марина меня не совратила. Это хорошо.

– Ближе к пяти утра все решили поехать в другой клуб, где уже были накрыты столы. Я вспомнил, что моя машина стоит метрах в семистах от казино и клуба, где мы находились, и также вспомнил, что в ней лежит телефон. Решил пойти, а не поехать за ним. Когда я озвучил эту мысль, какая-то девушка пошла со мной. Дошли. Сел за руль, доехал обратно. Забрал еще 3 человек – именинницу, подругу и еще одного парня и решили поехать домой. Хорошо, что полиции не было.

Самое интересное, что сейчас, вспоминая те моменты, понимаю, что не был пьян. Странно.

– Дома продолжалась попойка. В клуб никто не поехал, все поехали домой. Народ потихоньку начал разъезжаться по домам. Мне предложили остаться, я сказал, что живу в 50 метрах отсюда. Именинница закричала: – «Так мы соседи, обязательно заходи ко мне!» и расцеловала.

– Наслушался пьяных рассказов парней о семейной жизни. Не понравилось. Поговорил с одной очень красивой девушкой, которую все называют «принцесса». Ее муж в это время на кухне что-то громко рассказывал. Она сказала, что уже двое детей есть, что все хорошо. При этом, периодически, ее избивает муж. Тоже мне, «все хорошо».

Многие уже пошли спать, стало как-то противно. попрощался с именинницей, которая уже лежала в постели, и поехал домой.

Поднимаясь домой, наверх, подумал вслух «Мдаа, погуляли».

Я приоткрыл глаза и попытался сообразить, сколько же сейчас времени и почему так светло. Но едва я потянулся за телефоном, как меня словно ударили по голове чем-то тяжелым и тупым. «Ну и нахерачился же ты, Олег» - я почему-то обратился сам к себе как к другому человеку. Откинув одеяло, я попытался сесть на кровать. Болело все. Ныли мышцы, откуда-то обнаружился синяк на локте, а в носу была засохшая кровь. Но хуже всего было не это. Самым ужасным было то, что некоторые моменты прошлого были для меня белым пятном. Я не помнил некоторых девушек, я не помнил, как я оказался в туалете с одной из них, и самое страшное, я не знал, кто это все видел трезвыми глазами и может, впоследствии, рассказать мне об этом.

В сидячем положении, как ни странно, я почувствовал себя лучше. И тут настал тот момент, после которого или понимаешь, что весь дальнейший день тебе будет херово, либо последствия вчерашнего веселья не сразу дадут о себя знать. Это момент, когда ты поднимаешься с постели и встаешь на ноги. Если возникает ощущение, что тебя в это время кто-то еще раз пытается огреть обухом по голове – считай, что день пропал. Но если ты встаешь, и в голове ничего не звенит слишком сильно – считай, тебе повезло.

У меня какая-то странная и приятная особенность организма. У меня практически не бывает похмелья. Но я всегда морально к нему готов. И сейчас, пытаюсь встать, я прикрыл глаза с мыслями «вот сейчас будет...», но ничего не было. Я выпрямился, открыл глаза и уже более бодрой походкой направился в ванную.

Часа через полтора я уже сидел в тени дубов на летней террасе одного из многочисленных ресторанов. Рядом толпой прогуливались туристы, родители выгуливали своих отпрысков, и мамы с папами уже не держались за руки. Уже несколько лет не держались.

Я сидел за самым крайним столиком, и рассматривал сквозь солнечные очки прохожих. Я завидовал им, потому что им было хорошо, а на меня все сильнее скатывалась тяжесть вчерашней ночи. И все эти флэшбеки из прошлого, которые вспыхивали непонятными картинками, лишь ухудшали мое настроение.

Я попросил стакан яблочного сока у официанта и много льда. Когда он уже уходил, я окрикнул его еще раз:

– Слушай, у вас же частенько приходят люди, которым утром, после тяжелой ночи бывает не слишком хорошо.

– Да, бывает.

– У меня не слишком много опыта в таких ситуациях, – на моем лице читалось полное бессилие, – думаю у тебя больше. Принеси мне что-нибудь, от чего мне будет лучше, – я улыбнулся.

– Я могу предложить...

– Нет, не надо, – я прервал его, – я не хочу знать, что это будет, просто неси.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Придумай сам.

Я тяжело вздохнул и осмотрелся. За соседним столиком сидела пожилая семейная пара, вроде из Германии. Такие любят, выйдя на пенсию, поколесить по Европе. Они были одеты в типичную одежду немецких туристов – мужчина в светлые брюки и рубашку, при этом на голове была кепка с эмблемой Michelin, а женщина была в легком белом костюме. Они ели что-то мясное и пили красное вино. От одного взгляда на алкоголь меня передернуло.

– Тяжелая ночь?

Я повернулся туда, откуда, как мне показалось, донеслась фраза. Рядом с моим столиком, только по ту сторону ограждения прошла девушка, которая вроде бы шла ко мне, но чтобы

зайти на территорию ресторана, ей нужно было обойти небольшие, аккуратно подстриженные кусты.

– Да, немного, – я повернул голову в другую сторону, по ходу девушки.

Девушка обошла кусты и направилась ко мне. Сейчас я смогу рассмотреть ее полностью. Она сразу мне показалась прекрасной и необычной, но это относилось не только к ее внешнему виду. В тот момент я искренне думал, что каждый, кто смог пережить вчерашнюю ночь, уже сам по себе супергерой и сверхчеловек. Но почему-то я не думал, что большинство людей этой ночью просто спокойно спали. В тот момент моя логика была где-то далеко.

– Ну, как себя чувствуешь после вчерашнего? – спросила она, садясь рядом и небрежно бросив телефон на стол.

– Я нормально. А мы знакомы? – я был полностью ошарашен таким поворотом событий.

– А ты не помнишь? А с кем я вчера уехала домой? Ты же сам пригласил меня утром позавтракать. Вот я и шлепанцы надела, и полотенце на пляж в машине лежит. Давай, заканчивай завтрак, и поехали загорать.

Мой мозг отказывался соображать. Ко мне подходит красивая брюнетка, в топике и в шортах и говорит, что я с ней договаривался о чем-то, и, что я с ней вчера куда-то ехал. Я попытался немного прояснить ситуацию.

– Подожди, ты хочешь сказать что я и... Как тебя зовут?

– А ты не помнишь, Диана меня зовут.

– Очень приятно. Так ты говоришь, что, я с тобой вчера куда-то уезжал из клуба и договорился сегодня поехать загорать?

– Олег, ты не помнишь, что вчера было? Все, о чем мы с тобой говорили, все, что между нами было, – девушка начала хихикать.

– Если честно, то нет, – я чувствовал себя абсолютно подавленным, думая о провалах в памяти, и начал нервничать.

В этот момент девушка начала смеяться и из-за кустов послышался заливной мужской смех и показался какой-то мужчина, в котором я не сразу узнал Дмитрия.

С Димой мы были знакомы около года, мы пересеклись однажды в клубе, а потом на строительной выставке. С тех пор мы часто проводили время вместе на всевозможных вечерах, где-то в городе и иногда тусовались в клубах. Впрочем, также и во всех других местах, откуда можно было бы уехать с хорошенькими девушками. Вполне возможно, наше клубное времяпровождение могло перерасти в дружбу, но других точек соприкосновения, кроме беззаботного отдыха, у нас не было.

– Меньше надо пить. Иначе вообще память отшибет, – продолжал смеяться Дима.

– Мы день рождения праздновали, – я попытался оправдаться.

Он перелез через кусты и уселся рядом с нами.

– Диан, ты супер. Я чуть было сам не поверил. А ты, Олег, в следующий раз помни с кем домой уезжаешь, – они опять рассмеялись.

– Вот говнюк. Да, и ты тоже, – обратился я к девушке, – вы когда это все подстроили? Да и как ты узнал, что я здесь?

– Я тебе привез то, что ты мне вчера одалживал. Сами же договорились, в час пересечемся. А Дианку я тут уже встретил, решили тебя разыграть.

– А, так это ты вчера был. Дим, я серьезно почти ничего не помню. Я ничего такого не сделал?

– Не, все нормально было. Я уже потом понял, что ты на утро и половину не вспомнишь.

У меня в голове опять пронеслись пара кадров со вчерашнего вечера, и я картинно поморщился. Хоть вспомнил, кому деньги давал.

– Кстати, это Диана, это Олег.

– Да мы уже как бы знакомы, – девушка вновь рассмеялась.

– Да, Дим, мы же домой вчера вместе, как бы уехали, шутники блин, – я только сейчас начал отходить от такого разворота событий, но на самом деле все еще думал, что, возможно, они разыграли меня еще раз. Что может, я точно с ней вчера общался. Алкоголь – зло. Не буду

больше пить. – Завтракать будете? У меня сегодня пополнение финансов, – я похлопал по конверту, который передал мне Дима.

– Не радуйся толщине, там просто купюры мелкие. Да и мне пора уже, мы с парнями через час за город, на шашлыки едем. Тебя не приглашаю, ты и так больной после вчерашнего.

– Ну, ясно. Я тебе еще припомню.

Дима рассмеялся своим залиvistым баритоном, – все Олег, давай. Диана, ты как?

– Я позавтракаю, наверное. Если мой ночной странник не против, – она посмотрела на меня.

–Я за.

–Хорошо тогда, созвонимся, – сказал Дима. Мы обменялись с ним рукопожатием, и он ушел.

В это время появился официант с тарелкой супа.

– Это вам, должно помочь, – сказал он.

Диана заказала салат из морепродуктов и минеральную воду без газов.

Понемногу, я стал приходить в себя. Солянка и литр яблочного сока привели меня в чувства, и я даже смог вспомнить большую часть из вчерашнего. Оказалось, что все не было так плохо, как я представлял. «У страха глаза велики» – и это действительно так. Я боялся не того, что я сделал, а того, что я думал, я вчера сделал.

Диана оказалась очень интересной собеседницей, и ко всему этому еще и очень красивой девушкой. Я уже мог объективно оценить ее красоту, заодно представив, как бы она смотрелась в вечернем платье, в повседневной одежде, и, конечно же, без нее. Я был крайне рад, что она не видела меня вчера, и, что более важно, не знала о моих вчерашних похождениях. Во мне она видела хорошего парня, с которым ей на тот момент было интересно и спокойно.

Мы закончили завтракать и решили, что сегодня нам еще не стоит расходиться. У Дианы не было никаких планов на день, а у меня и подавно. Я взял еще бутылку минеральной воды с собой, расплатился, и мы поднялись из-за столика. Меня немного качнуло влево, но я не подал виду, что это вообще произошло. На секунду мне показалось, что это не последствия вчерашнего дня рождения, а какое-то проявление той болезни, которую нашли меньше месяца назад. Я прогнал эти мысли из головы. Это было легко, так как передо мной была интересная девушка, и что странно и приятно – несмотря на все ее внешние качества и сексуальность, мне не хотелось с ней сразу же ложиться в постель.

За этот день произошло многое. Вначале мы прогулялись по торговому центру, изображая пару влюбленных, но до каких-то интимных проявлений или поцелуев дело не доходило. И как только на нас переставали смотреть окружающие – мы тотчас превращались в обычных знакомых. Потом я оставил свою машину у дома, и мы передвигались на ее RX350. Через некоторое время мы поехали покататься на картингах, где она врезалась в меня на одном из поворотов, после чего мой синяк на локте стал пунцовым. В завершении нашей мини гонки, мы сфотографировались на память, держа шлемы в руках – высокая брюнетка в грязно-желтом топике, грязно-бежевых шортах и я, высокий брюнет в грязно-белой рубашке и в каким-то образом сохранивших нормальный (чистый вид) джинсах.

После этих гонок мы сидели на скамейке и наблюдали за тем, как дети гоняют на картах. До этого мы сдали шлемы и перчатки и купили лимонный Gatorade.

– А ты неплохо водишь, – утвердительно кивнула Диана.

– У меня в прошлом году на этой трассе рекорд круга среди любителей был, катались иногда с друзьями. Да и ты ничего. А как для девушки – так вообще потрясающе.

– Давай только без этих сравнений «для девушки». Только не о вождении.

– Не вопрос.

Я улыбнулся и посмотрел вперед. Скоро должен был наступить вечер. Было около семи часов вечера, и уже не ощущалось той дневной жары, которая была еще несколько часов назад.

– Олег, я немного проголодалась, даже не так, она сделала паузу, и продолжила более уверенным голосом, – я очень голодна, поехали, покушаем.

– Я бы с удовольствием, но в таком виде я никуда не поеду, если только какой-нибудь шашлык на даче есть. Ты на себя посмотри, грязнуля, – я вытер грязь с пальца об ее руку. Диана наигранно отвернулась, – надо одежду поменять и в душ.

– Ты где живешь? Там, где машину оставлял? – спросила она меня

– Да, а ты?

– А я тут неподалеку, кстати.

– Ну, пока я доеду до дома и приму душ, и пока увидимся еще, какой час с лишним точно уйдет, – сказал я.

Диана покрутила бутылку лимонада в руках и собиралась что-то сказать, как я понял, что нужно как-то развить эту тему. – Или я могу купить футболку или майку какую-нибудь в магазине неподалеку, тут ведь есть такие, должны быть.

– Да, тут центр торговый есть.

– Ну вот, я переоденусь в машине, и подожду, пока ты душ примешь. От меня вроде не так сильно еще воняет, – мы засмеялись.

– Если будешь себя хорошо вести, то можешь у меня душ принять.

– Ты серьезно?

– Да.

– Я же не буду отказываться, – я улыбнулся.

– А и не надо. Только без всякого. Я не каждого встречного к себе в дом впускаю.

– Обязуюсь вести себя в лучших традициях английских джентльменов.

– Поехали, джентльмен. Вонючка ты, а не джентльмен сейчас, – Диана улыбнулась, взяла фотографию и, подзывая меня, направилась к машине.

«Блин, от меня ж потом пахнет», – подумал я, понюхал себя, и направился за ней.

Мы заехали в магазин, я купил зубную щетку и темно-синюю майку с оранжевыми швами “St. Oliver” себе, питьевую воду и коробку “Rafaello” для Дианы, и вернулся в машину. От магазина до дома было, по ее словам, минут семь езды. В машине я больше смотрел на нее, стараясь, чтобы она этого не заметила. Но время от времени мы пересекались взглядами и с улыбкой их отводили. Это была одна из ситуаций, когда видишь, что всё будет, что даже сам секс – он уже начался. А физическое его проявление, это лишь вопрос времени.

В общении иногда наступает такой момент, когда ты явно понимаешь «все, уже все будет хорошо». Он может наступить через пару минут после знакомства, а может наступить через несколько часов, это не важно. Важно самому его прочувствовать и видеть, что и девушка видит то же самое. Это часто выражается в невинных взглядах, в легких касаниях или глупых придуриваниях, или в том, что называется “butterflies in stomach”, не важно, у каждого свое. У меня это просто понимание что все, все уже есть. В этот момент появляется какая-то близость и нежное отношение к девушке. То, что может и не случиться во многих случаях даже при физическом сексе.

Интересно, а чувствовала ли Диана то, что и я?

Я заметил, что по дороге перестали попадаться многоэтажные здания, и появился район частных домов. Мы сделали еще несколько поворотов и подъехали к двухэтажному дому с аккуратно подстриженным газоном. Диана не заехала в гараж, а поставила машину возле забора.

Я забрал вещи из машины и мы, по каменистой тропинке посреди газона, направились к двери.

– Красиво тут снаружи, – сказал я.

– Ага, – ответила Диана и открыла дверь.

Зайдя внутрь, я увидел большую прихожую, и по правую сторону виднелась гостиная, в которой был диван и кресла из белой кожи, а посередине стоял стеклянный журнальный столик. Прямо от меня была кухня, которая, как я увидел позже, имела выход в гостиную и во двор. Слева была еще одна комната, заставленная книжными полками и фотографиями, и также лестница с тонким железным ограждением, ведущая на второй этаж.

– Туалет и ванна здесь, – Диана указала мне на дверь чуть впереди и справа, – а я к себе. Через пятнадцать минут, чтоб был готов. Чистые полотенца найдешь в столе.

С этими словами Диана скинула шлепанцы и пошла наверх. Я услышал, как она пускает воду в душе и закрывает дверь.

Такая молодая девушка. Сколько ей... 24-25 максимум. Свой дом, или родителей? Машина хорошая. Вроде одна живет. Как-то странно. Ладно, потом спрошу если что.

Я пошел в душ. Было приятно, что я оказался в первый же день дома у девушки, которая мне очень понравилась. И было вдвойне приятно, что это чувство, как мне казалось, взаимно.

Ополоснувшись, я надел новую майку и джинсы, а так же поменял трусы и носки, которые купил в магазине и прикрыл в машине майкой, чтобы Диана их не увидела. Те, которые были на мне, я переложил в пакет из-под новых, и выкинул их в мусорное ведро на кухне. Рубашку оставил на стиральной машине. Захочет – постирает и отдаст, если нет, пусть выкидывает.

Как же приятно было почувствовать себя «свежим человеком». Я выдавил пасту из тюбика, который нашел рядом с умывальником и начал чистить зубы. У меня привычка, не чистить зубы над раковиной. Я это делаю лишь в тех случаях, когда куда-то тороплюсь. В этот раз я решил пройти по первому этажу. Я свернул в комнату, которая была уставлена книгами, и подошел вплотную к полкам. Какие-то незнакомые люди на фотографиях. О, детская библиотека приключений! У меня дома такая же есть!

Я стоял с зубной щеткой в руке и еще так и не начал чистить зубы.

– Экономика, история, – говорил я про себя, смотря на книги, – что-то непонятное, еще что-то непонятное, опять романы. Тааак, о, Пастернак, поэзия.

В этот момент я услышал, как сверху спускается девушка. Я прочитал первое попавшееся четверостишие и в тот момент, когда она поворачивалась ко мне в комнату с вопросом «Готов?», я, оторвав взгляд от книги и томно посмотрев на Диану, сказал:

*Кругом семенящейся ватой,
Подхваченной ветром с аллеи,
Гуляет, как призрак разврата,
Пушистый...эээ... листок тополей.*

– Кто там гуляет? – она звонко рассмеялась.

– Ватин, – я подсмотрел в книгу, – если бы я еще знал что это такое, но. Но я знаю, – начал я хорошо поставленным и звучным голосом, каким декламируют стихи перед большим количеством слушателей, – что Борис Леонидович Пастернак родился в тысяча восемьсот девяностом году, в семье людей искусства. Его отец был художником, – немного ускорил я речь, – а мать, его мать была известной пианисткой и кто знает, – я опять заговорил медленно, – возможно если бы не она, то юный Борис бы никогда не увлекся музыкой. В доме часто бывали художники, писатели, музыканты.

– Bravo, – зааплодировала Диана, – ты все биографии знаешь?

– На самом деле, милая моя девушка, – я улыбнулся и выдержал паузу, – нет. В школе, вроде в одиннадцатом классе у нас был вечер творчества Пастернака, и я был ведущим. Это было вообще первое мое выступление на публике. До сих пор помню, как ноги дрожали, но что интересно, голос был очень хорош. Не ошибся нигде, сам собой доволен был, – я гордо закончил.

– Так ты талантливый ребенок был, – она одобрительно закачала головой.

– Ты еще не знаешь, какие я блины пек и как крестиком в четвертом классе вышивал на уроках труда.

Мы рассмеялись.

– Потом расскажешь. Поехали?

– Диан, я рубашку на стиральную машину кинул. Выкинешь потом.

– Домработница постирает, и я отдам.

– А, Окей. И еще, а это кто? Ты с родителями?

Я указал на фотографию, где была молоденькая Диана, лет шестнадцати, и взрослая пара – красивая женщина лет сорока и такого же возраста мужчина с русыми волосами.

– Да, – она сухо процедила. – Поехали.

Я понял, что сейчас расспрашивать ее не нужно. Еще много времени впереди.

– Сейчас, минуточку, зубы почищу.

Диана была одета в обтягивающие джинсы и туфли на очень высоком каблуке. Черная блузка, небольшие сережки с рубинами (наверное, это были рубины). Я смотрел, как она ведет машину, и искренне ею восхищался. На одном из перекрестков мы остановились на красный свет. Диана посмотрела на меня и улыбнулась.

– Что такое? – я кивнул ей

– Все хорошо, – она взяла мою руку и, наклонившись, поцеловала меня в щеку, – все классно.

Повернув на светофоре налево, мы направились в ресторан, который славился французскими винами. При этом там была очень хорошая морская кухня. А во внутреннем дворике играл музыкант на рояле и еще, если становилось прохладно, то, сидя на диванчиках, в которых было легко утонуть, можно было укрыться пледом.

Мы сели рядом друг с другом и накрылись пледом. Не из-за того, что было холодно, а как бы от комаров, которые изредка попадались. Хотя главной причиной было то, что таким образом то ощущение интимности, оно было сильнее.

Нам принесли красный «Marsannay» и каких-то морепродуктов. Вино уже не вызывало тех неприятных чувств и ощущений, которые были в первой половине дня.

За пару часов мы сменили всевозможные варианты сидения и лежания на диване, придя, в итоге, к выводу, что наиболее удобно нам будет, если я сяду чуть повыше и облокочусь на спинку дивана, а Диана прижмется ко мне, и я ее обниму. Время от времени мы попивали вино, и, уже заказав вторую бутылку, кормили друг друга тигровыми креветками, используя плед как большую салфетку. Один раз я даже попросил его заменить.

В тот вечер мы много говорили.

Я рассказал о себе. В три года уже сам читал себе сказки. А в три с половиной года мне вырезали аппендицит, и я очень этого боялся. Помню, как ко мне шла медсестра делать укол, я увидел ее, так как мы с другими детьми играли в коридоре, а папа лежал на моей койке. Я спрятался вниз и попросил меня не выдавать. Укол мне все-таки сделали, а я долгое время винил в этом своего отца. Рассказал, как в шесть лет меня забрала сестра из садика, и мы пошли в больницу навестить маму, которая тогда лежала там, и в тот день ее не стало. Я до сих пор помню крики сестры дома, и как ее успокаивали. А я, маленький не понимал этого всего и лишь писал на телефонных книгах (были такие красные) слово «мама». А в школу меня взяли в пять лет, потому что в детском саду, даже в старшей группе мне уже было скучно. В школе я читал быстрее всех и решал математические задачи старших классов, даже не зная теории, вернее я сам ее придумывал. Потом великое посвящение в пионеры, которое я застал. Мой год был последним, когда внучата Ильича получали красный галстук. На день рождения Ленина я болел, и меня, знаменосца школы (носил флаг на всех праздниках) отдельно от всех принимали в пионеры. Мне подарили цветы, которые я по дороге в класс, оставил где-то на батарее отопления. Дальше все спокойно, никаких особых осложнений в школе или во дворе. Играл в футбол, пару раз дрался. Хорошо пошли гуманитарные предметы, потом экзамены. К тому возрасту уже перестал играть на фортепиано и еще не начал на гитаре. Отец начал жить отдельно неподалеку от меня с сестрой. Виделись каждый день, но все же было неприятно, что его уже нет в одной квартире. Но появилось больше свободы, и никто уже не проверял домашнее задание. Хотя с учетом всех высших баллов по всем предметам – это и не нужно было. В последнем классе начал писать стихи и играть на гитаре, а за год до этого потерял на пляже девственность с девушкой, которая была старше. Окончил школу и поступил в два университета. На английскую филологию и юрфак, потом еще журналистика.

– А дальше работа, учеба, девушки и алкоголь? – спросила Диана.

– Типа того.

– А чем ты сейчас занимаешься? – Она сменила тему.

– Из того, чем я занимаюсь, тебя больше всего, будет интересовать одно, – я улыбнулся.

– И что же? – Диана немного приподнялась.

– Я обучаю, мужчин, клиентов, как соблазнять девушек и выстраивать с ними отношения.

Два года назад я прилетел в Лондон и только начинал работать ассистентом директора одного из ночных клубов на Пикадилли. Работа была интересная, но при этом не удавалось выспаться. Вообще не удавалось. В рабочую неделю днем приходилось решать всевозможные вопросы, связанные с персоналом, программой на вечер и просматривать кучу документов, а ночью – ночь была временем настоящей жизни. Друзья, девушки, алкоголь, вечеринки со звездами (британскими), и так до утра. Утром нужно было опять быть в форме и выглядеть на все сто. Самое интересное, что, несмотря на загруженность на работе, у меня получалось находить достаточно свободного времени для самого себя, чтобы побыть в одиночестве и обдумать некоторые аспекты своей жизни.

В то время мне иногда казалось, что жизнь только начинается и все будет именно так, как я захочу. Для этого стоит лишь немного напрячься, вовремя оказаться в нужном месте, сорвать большой куш – и всю оставшуюся жизнь все будет даже лучше, чем в мечтах. Все должно случиться само собой, только нужно подождать. И я ждал. Ждал усердно, ничего не делая, лишь выполняя необходимую работу и попутно развлекаясь в Лондоне.

В первый день моего приезда в Лондон, судьба свела меня с женщиной, по имени Дженифер, или Джен, как ее звали коллеги. Я только выходил из станции Paddington, куда меня привез экспресс из аэропорта Хитроу. Выйдя из огромного здания, и пройдя мимо ряда черных кэбов, с наклеенной рекламой мобильного оператора O₂, я свернул на Praed St. Ехать в гостиницу еще не хотелось, и я решил пройти пешком пару кварталов, посмотреть на город и на его жителей. Я разглядывал проходящих людей, которые выглядели намного жизнерадостнее и беспечнее всех, кого я встречал раньше. Естественно, попадались и поглощенные в себя и в свой внутренний мир прохожие, но в большинстве это были довольно открытые люди, как казалось на первый взгляд. У меня на правом плече был черный кожаный рюкзак, а в левой руке была ручка большого темно-синего чемодана, который двигался на двух маленьких колесиках. Среди толпы прохожих я выделил взглядом одну женщину лет тридцати пяти (ей было тридцать восемь, как выяснилось позже), которая шла в мою сторону. Она была одета в серый костюм и белую блузку, которая была расстегнута на пару верхних пуговиц, и под ней угадывалась красивая грудь. Я мог спокойно разглядывать ее через солнечные очки, которые были на мне. Она, как и остальные люди, не могла бы увидеть и проследить мой взгляд. Метров за пять до меня она замедлила шаг и повернула ко мне. Я улыбнулся и продолжил идти вперед, смотря в ее сторону. Она подошла вплотную:

– Good morning, – женщина обратилась ко мне

– Morning, – я еще шире улыбнулся и поправил лямку рюкзака.

– You look just fine.

– Thank you, you look great as well, – я снял очки. Мне было приятно, что такая женщина сделала мне комплимент.

– Oh, you got me wrong. I own a modeling agency, – она достала визитку и протянула ее мне, – I'd like you to come over tomorrow.

– Hmm, what for?

– You are a good looking young man, and I see we two may work something out.

– Eeeh?

– I'm talking about modeling.

– Yes, right, – я улыбнулся.

– Have you ever worked as a model?

– Never. Maybe I'll like it. – Мы рассмеялись.

– Maybe you will. I am Jennifer, – уже не незнакомка протянула мне руку

– Yes, your card says so. I'm Oleg.

– Nice to meet you Oleg. – Она улыбнулась, и я неловко рассмеялся.

– The pleasure is all mine.

– Give me a call at noon.

Мы распрощались, и я, пройдя еще квартал, сел в такси и поехал в гостиницу.

Дженифер оказалась интересной женщиной. В двадцать два она была вице-мисс Англии и студенткой University of Westminster. К тридцати она уже была разведена и растила трехлетнюю дочку, а также непродолжительно встречалась с мужчинами, искренне надеясь, что именно «этот» сможет заменить её дочке отца. А сейчас, в тридцать восемь она была совладельцем модельного агентства и также заведовала отделом моды в журнале Allure. Также она поняла, что чем дальше, тем сложнее найти мужчину, с которым было бы возможно быть на равных.

– Мужчине очень сложно быть с женщиной, которая более властна, чем он, и зарабатывает больше. И мне сложно доказывать такому мужчине, что я его не покупаю. А миллионерам я просто пара под стать. Никаких чувств, один расчет. Нам, современным

женщинам, – она выделила эти слова, – очень сложно действительно успевать везде. Приходится иногда чем-то жертвовать. И чтобы такой оставаться, приходится жертвовать любовью, – Дженифер растянула это слово, – а мне хочется любить, мне хочется возвращаться домой и ждать мужа, думать о нем весь день, писать ему глупые смс и знать, что он также хочет увидеть меня. А не шляется с какой-нибудь молоденькой студенткой. Так хочется найти кого-то, в кого можно было бы влюбиться без оглядки, – говорила она, – а это так сложно.

– Джен, ты ведь классно выглядишь, на тебя все мужчины смотрят, и очень хорошие мужчины, – я утвердительно кивнул, – сама ведь знаешь.

– Да, но после второго-третьего свидания я же вижу что они не совсем то. Как только я говорю про дочку, все убегают. Кому нужна тридцативосьмилетняя женщина с маленькой дочкой.

– Она уже не такая и маленькая, – возразил я.

Дженифер назидательным тоном сказала:

– Когда у тебя будут дети, то ты поймешь, что они в любом возрасте будут маленькими.

Однажды, после очередной фотосессии, мы всем составом поехали ужинать в небольшой ресторан. Светлые тона интерьера, аквариумы, встроенные в стены и мягкий голубой свет делали это помещение больше, чем оно было на самом деле. В самом конце вечера остались только мы с Джен и девушка, с которой я вместе фотографировался, Элишка, из Праги. Или, как мы ее называли – Лиз.

Мы уже выпили много вина, отмечая хорошую съемку и Дженифер, посмотрев на чешку, спросила:

– Олег, а кто из девчонок самая хорошая у нас?

Лиз смутилась, так как ее отношения с начальницей были только деловые, и даже этот ужин она воспринимала как проявление огромного доверия к ней. И к таким разговорам она не была готова. Я вначале не понял сути вопроса и назвал девушек, которые получали за показы больше всего.

– Нет, кто как женщины самые, как бы сказать, желанные. Ты же мужчина. Кто нравится?

– Джен, да все классные. Ты плохих не берешь.

– Stop licking my ass!

– Окей, так, – продолжая жевать, я взглянул на Лиз и начал улыбаться. В ответ она кинула вопросительный взгляд и приподняла брови. Я посмотрел на нее оценивающе, и повернулся к Джен, – знаешь, Мария, из Польши очень хороша, еще Кейт, та, которая для Lanvin фотографировалась, – Лиз молча удивленно смотрела на меня, так как я не назвал ее имя, хотя сегодня мы всю флиртовали. Наверное, если бы здесь была другая женщина, а не ее босс, ее реакция была бы более активной. Заметив эти сдержанные эмоции, я продолжил, – но самая секси – это Элишка.

– Я, – она наигранно удивилась, – да нет, что ты.

– Ты классная, знаешь как себя вести и у тебя потрясающая попка.

Мы все рассмеялись.

– Поняла? – строго спросила Джен. Лиз не нашлась что ответить. – Так, дети, – обратилась она к нам тоном учительницы, которая сейчас будет давать домашнее задание, – чтобы сегодня ложились спать вместе. Завтра проверю, – она рассмеялась, и мы следом, – давайте выпьем за это.

Впоследствии, Дженифер иногда просила меня рассказать про то, как у меня обстояли отношения с девушками в прошлом, какие мне запомнились, какие нет, и почему и с ними расхотелся. Но самым интересным для нее были мои рассказы о тех моментах, когда я уже понимал, что секс будет, и начинал разыгрывать ситуацию с девушкой так, как именно мне хотелось. Возможно, во время этих рассказов, она сама вспоминала похожие ситуации в своей жизни. Скорее всего, она проживала их со стороны девушек и ставила себя на их место. Мне казалось так из-за того, что в эти моменты она немного грустнела. У нее была такая же белоснежная улыбка и заинтересованный взгляд, но ее глаза становились печальными. Я часто

спрашивал ее, все ли нормально, может я что-то не то сказал? Она уверяла, что все прекрасно и просила продолжать рассказ.

После некоторых таких вечеров я, даже находясь один, начинал вспоминать свои прошлые отношения или общение с девушками, чтобы более красочно описать их Дженне. И даже начал выписывать некоторые отрывки в тетрадь, потом дописывать еще и еще, и со временем, у меня была краткая энциклопедия моей личной жизни. Я проживал некоторые ситуации, плакал, вспоминая о некоторых расставаниях, фантазировал, как бы могло быть, если бы тогда все получилось, и где бы я был сейчас. И что еще, я понял, что за это короткое время я суммировал все, что у меня получалось и не получалось с девушками в свою сознательную жизнь. Потом, через некоторое время, ко мне обратился один мой друг, с просьбой помочь ему в его ситуации. К своим тридцати годам у него получалось в жизни все, кроме хорошего общения с девушками. Он хотел в какой-то мере быть похожим на меня. Я рассказал ему то, что, на мой взгляд, ему было необходимо знать и, когда он на второй вечер абсолютно спокойно и довольно естественно уехал с достаточно красивой русоволосой девушкой, его признанию не было границ. Потом ко мне обратился его друг, от которого я получил гонорар за потраченное время и достигнутый результат, и через несколько таких встреч обо мне пошли слухи среди друзей и знакомых. А в дальнейшем, и среди тех, с кем мне только предстояло работать. Мои услуги по помощи в общении стали дорожать, и выстроился определенный уровень клиентов – довольно состоятельных мужчин примерно тридцати пяти лет и выше, которые хотели бы разнообразить свою жизнь или же хотели построить (или улучшить) отношения с конкретной девушкой. Один из таких клиентов, после общения со мной, предложил работать его личным ассистентом в компании ЕСІ. От такого предложения я не смог отказаться. Работа не требовала больших временных затрат, и я не был привязан к конкретному месту. В то же время мне стали доступны многие связи и контакты, о которых я раньше мог только мечтать. Это способствовало моему развитию и как человека, который обучает других (консультации с другими специалистами и экспертами в смежных областях), и также увеличило качество моих социальных сетей. Круг общения, люди, с которыми мне приходилось работать – они сами подстегивали меня и выносили меня на новый уровень. А мой босс, для которого я стал лучшим другом, буквально боготворил меня, так как его отношения с девушкой стали самым ценным, что было у него в жизни.

К этому дню, я также активно работал в сфере обучения построению отношений и общению с девушками. Сюда же входило и консультирование по выстраиванию жизни - лайфстайлу, как было модно говорить в США и Европе.

Я смотрел на Диану и ждал, как она отреагирует на мою фразу

– А, я это знаю, – спокойно сказала Диана и, сделав глоток вина, открыто улыбнулась и посмотрела на меня.

– Так... И ты весь день молчала и не говорила? Вначале утром меня разыграла, сейчас тоже издеваешься? – я сделал вид, что разозлился.

– Не, я просто хотела, чтоб ты сам сказал, вот и все. А узнала я – меньше надо светиться в прессе. У нас страна маленькая, все говорят. И Димка еще давно о тебе рассказывал.

– Вот говнюк. Надеюсь только плохое?

– Не дождешься, – она рассмеялась. – Сказал, что ты классный и чтоб я с тобой была поосторожней.

– Это почему же?

– Потому что умеешь сделать так, чтобы девушка с тобой хотела быть, – она пригубила бокал.

– Диана, я даю тебе честное слово, я ничего не делал, да и вообще у меня в мыслях ничего не было такого, – последнюю часть предложения я просто промямлил.

Не делал? А мне по-другому показалось, – Диана крутила бокал в руке и смотрела на меня.

Решив, что сейчас не совсем удобное время для продолжения такой беседы, я взял свой бокал:

– Давай лучше выпьем. И, пожалуйста, запомни, я с тобой абсолютно честен. Потом сама узнаешь, если сейчас не веришь. Давай я побуду немного эгоистичным, и выпьем за то, что мне очень хорошо с тобой.

– За это, с удовольствием.

На некоторое время мы замолчали, удобно устроившись на диване. Музыкант играл что-то свое, какая-то вариация классики. Было очень спокойно и тихо. Официанты незаметно появлялись и также незаметно исчезали. Третья бутылка появилась после того, как был замечен мой легкий кивок головой в сторону пустой бутылки.

Диана взяла мою руку и игралась с пальцами, а я уткнулся носом в ее волосы и иногда целовал их. Бывает затишье перед бурей, а бывает ощущение того, что сейчас произойдет та самая разрядка, которой является секс. В данном случае эта разрядка и сама ситуация вела к «официальному» взятию барьера, который нас еще разделял. Все было понятно давным-давно, просто нужно было дать ситуации созреть.

Дальше мы целовались, шутили, рассказывали друг другу смешные истории, приключившиеся с нами, и потом, я спросил про тех людей на фотографии, про ее родителей. Диана сделала большой глоток вина, прижала к себе мою руку и начала рассказывать.

Она была единственным ребенком в семье, хорошо училась, любила родителей, и те любили ее. После школы она отправилась учиться в Лондон, и два года назад вернулась назад в Литву. Тогда это и случилось. Отец возвращался на машине с работы, и забрал ее маму. Они уже направлялись домой, когда с второстепенной дороги вылетела машина и на скорости врезалась в их родителей. Мать погибла сразу, а отца придавило рулем. Он был в сознании и умер от потери крови через десять минут, когда пожарники уже разрезали кузов машины. Эти минут десять он видел бездыханное тело своей жены рядом с ним, и ничем уже не мог ей помочь. В течение следующих двух дней Диана поседела. И еще год с лишним красила волосы в черный цвет (который был раньше), закрашивая седину.

Ей осталась фирма ее отца, хорошие денежные поступления, и пустота. Она разошлась с любимым человеком, заперлась дома и несколько месяцев почти никуда не выходила. Читала все, что было дома, заказывала еду по телефону, спала сутками, не желая вставать с постели. Постепенно подруги и друзья вытащили ее в люди, она начала много времени проводить одна в путешествиях, и лишь недавно, та боль, которую она пережила, сменилась с чего-то острого, на, скорее, примирение с тем, что родителей больше не будет рядом.

– Раньше было сложно об этом говорить, а теперь уже просто как факт. Так что все нормально. Подай бокал, пожалуйста.

Мы продолжили разговор о наших общих знакомых, о друзьях и о том, что можно и нужно делать этим летом.

Было около полуночи, и мы уже думали о том, что пора собираться домой. Я сказал, что могу доехать до нее, оставить машину, и уехать на такси. Но, подъехав к дому, она пригласила меня домой, выпить еще вина. Уехал я лишь утром.

Июль. Поздний вечер. Ливень за окном. Я у нее дома. Сегодня я пододвинул диван к окну и открыл его. Мы хотели, чтобы было хорошо слышно, как капли разбиваются о подоконник и ступеньки. Диана в одних стрингах сидела на диване, а я лежал, положив голову ей на живот. Мы смотрели “Philadelphia”. Она глядела в экран и гладила меня по голове, запуская пальцы в волосы, и иногда ногтями проводила ото лба к затылку. В комнате горели несколько больших темно-бордовых свечей, по размеру они были похожи на большой кубик-рубик. Также включены четыре светильника на стенах, два по каждую сторону. Пара рядом с нами, и еще два в другом конце комнаты. Довольно длинные, и прикрепленные на уровне человеческого роста, они освещали лишь часть стены, (при этом свет полукругом уходил вверх) и потолок. Две лампы, которые находились ближе к нам, излучали спокойный бледно-желтый свет, а две дальние светили чуть заметно. Диане всегда нравилось смотреть вдаль комнаты, поверх стола, кресел, и дальше через окно. Там по вечерам она включала освещение, которое как бы продлевало все то, что находится внутри. Особенно красиво это выглядит, когда выход во двор, открыт. Огромные стеклянные двери, или окна, на самом деле не понять сразу, они сдвигаются в сторону, и веранда становится практически частью комнаты, увеличивая ее до размеров небольшого зала.

С того самого дня, как она осталась одна, Диана практически ничего не меняла в этой комнате. Она давно уже хотела сменить мебель и паркет, сделанные из полированного красного дерева. И перекрасить стены в другой цвет, вместо этого пастельно-кремового, как она сама его называла. Но каждый раз, когда она начинала об этом думать, что-то ее останавливало и говорило – «позже». Все оставалось также как и раньше. Интерьер был абсолютно законченным и гармоничным, если бы не некоторые детали.

На полках вдоль стен, а также на полу, стояли статуэтки и фигуры людей, которые отец привозил из множества путешествий. Особой его гордостью была бронзовая статуэтка из Италии, для которой даже было отведено специальное место – небольшое возвышение на полу. На него светили четыре маленьких направленных прожектора, вмонтированные в пол и стену. Статуэтка изображала молодую крестьянку в длинном платье с повязанным на голову платком. Она несла кувшин, обхватив его двумя руками. Диана, когда была моложе, ревновала эту статуэтку к отцу, потому что всем гостям в доме он в первую очередь показывал это бронзовое совершенство, которое он приобрел в одном из музеев в Мессине, а не знакомил их с дочерью. Именно это бронзовое изваяние, уже покрывшееся пылью, Диана хотела в первую очередь отнести в подвал.

Я приподнялся и потянулся к бокалу с вином, стоящему на столе. Аккуратно сделав глоток, лег обратно на диван, поворачиваясь на правый бок и целуя Диану во внутреннюю сторону бедра. На этом большом и очень уютном диване уже есть красное пятно и другого больше не нужно – однажды мы разлили вино, и, несмотря на то, что я очень тщательно его оттирал наутро – разводы остались.

Сегодня мы встретились лишь вечером, когда я забрал Диану из автосервиса, где она оставила свою машину. Что-то начало стучать в подвеске, и она решила отдать автомобиль на осмотр. После беглой проверки ей сообщили, что всё будет готово лишь к обеду завтрашнего дня. Мы договорились, что я отвезу ее завтра забрать машину, а утро она проведет со мной, на встрече с одним из клиентов. После этого мы поехали ко мне домой, я переоделся, взял костюм и рубашку на завтра, и мы направились на небольшую встречу, организованную моей подругой и ее мужем. Они недавно вернулись из своего медового месяца и устраивали у себя дома небольшую вечеринку, скорее даже ужин. Это была прекрасная возможность наконец-то представить Диану моим друзьям, так как уже месяца полтора, то один то другой меня спрашивали о смуглой брюнетке, с которой меня все чаще видели вместе.

Вкусно поужинав, наслушавшись историй и просмотрев небольшой фильм о медовом месяце хозяев, мы, наконец, распрощались и отправились домой. Как раз в это время начался

ливень, о котором можно было догадаться еще днем, когда стояла невероятная духота, и над морем стали собираться грозные облака.

Лишь после того, как мы вместе приняли душ, я передвинул диван и открыл бутылку красного полусладкого вина, купленного по дороге, лишь тогда мы почувствовали как устали за сегодняшний день.

Несмотря на полностью открытые окна и дождь, который только усиливался, в доме было достаточно тепло. Я повернулся к Диане, захватил губами сосок ее груди и посмотрел на нее.

– Что? – она посмотрела на меня и поцеловала.

– Не, ничего. Нравишься ты мне.

– Просто нравлюсь? – Диана напрашивалась на комплимент.

– Я от тебя без ума, сама знаешь.

– А я тебя просто обожаю, – она поставила бокал на стол, нажала на пульте на паузу, и немного подвинувшись, поцеловала меня в живот. – Я уже не представляю, как я могла жить без тебя. Мне кажется, что ты был всегда.

Я улыбнулся и провел ладонью по ее лицу. Она прижала мою руку к своим губам и поцеловала ее.

– А я и был всегда. Просто ты раньше этого не знала.

– Как я себе завидую.

– И есть чему, – я рассмеялся.

– Я знаю, – Диана довольно улыбнулась.

– Иди ко мне, – я приподнялся и сел на диван, посадив Диану на себя.

Она обняла меня, поцеловала в губы, поправила свои волосы, убрав прядь волос с боку за ухо, и, улыбувшись, сказала:

– Малыш, если мы сейчас начнем, то мы уже фильм не досмотрим, – она наигранно рассердилась.

– Ну и что, можем и потом досмотреть, тем более, я его уже смотрел.

– Так, так, так, – Диана положила руки себе на колени и нахмурилась, – а кто мне говорил, что не видел этого фильма, а?

– Я? – я соорудил невинное выражение лица, – я вроде говорил, что давно его смотрел.

– Ты говорил, что вообще его не видел.

– Ну, так, когда это было еще, давным-давно.

– Нахал, – Диана наигранно рассердилась, и в ответ на мое обиженное выражение лица, чмокнула меня в губы, после этого абсолютно серьезно добавила, – я просто обожаю тебя.

Она смотрела на меня так, как будто я был самым прекрасным человеком на свете. В ее взгляде читалось желание полностью отдаться мне, быть со мной, жить мной, делать все на свете для себя и для меня, рожать мне детей, быть самой лучшей женщиной на свете. Быть той, кого бы я любил и, естественно той, кто любит меня. Она смотрела на меня теплым любящим взглядом. И, что было странным и необычным для меня – за долгое время, я смотрел на нее также.

Но в этот момент у меня в голове проскочили не совсем радужные мысли насчет нашего возможного будущего, и я решил, что лучше переключиться и еще выпить вина.

– Давай еще вина, досмотрим фильм, и в постель, как тебе такая мысль? – я поцеловал ее.

– Давай.

– У нас вино закончилось, а я помню, покупал пару дней назад красное. Есть еще.

– Да, возле холодильника стоит на столе.

– Ок, – я начал подниматься, – сейчас принесу.

– Я сама, сиди.

Она резво соскочила с меня, поцеловала и грациозно, ступая лишь на пальцы, побежала в сторону кухни. Я с удовольствием наблюдал за ней.

У нее было, наверное, самое красивое тело, которое я когда-либо видел. Я сам просил ее несколько раз, чтобы после душа она не одевалась, а ходила без одежды, чтобы я мог ей любоваться. У нас за короткое время вошло в привычку, что вечером, когда мы знали, что

больше никуда не пойдём, и скоро будем ложиться спать, мы были без одежды, или в нижнем белье.

Это интересным образом увеличило и без того нашу насыщенную половую жизнь. Если раньше мы занимались сексом утром и вечером дома (у меня или у нее), и еще иногда днем, и где-нибудь в туалетах ночных клубов, ресторанов, в машине, на пляже, по дороге на встречу с друзьями, в подземном гараже и в лифте по пути к нему (еще в театре, в душевой бассейна и в вертолете, при обзорном полете над городом), то теперь к этому прибавился еще и спонтанный секс дома. Чем дольше мы были вместе, тем более желанной она становилась.

Я лежал на правом боку, прислонившись к спинке дивана, и обнимал Диану, лежащую спиной ко мне. Она положила голову мне на руку и иногда спрашивала «не тяжело?». По телевизору показывали момент, когда Эндрю рассказывает Джо об опере. Диана пробурчала:

– Какой он худой тут все-таки.

– Ага, – ответил я, уткнувшись носом в ее волосы, – они, когда фильм снимали, сказали Хэнксу, что он должен сбросить килограммов пятнадцать, а Дензэл Вашингтон наоборот, должен был пару нарастить. И в итоге Том Хэнкс практически морил себя голодом, а Вашингтон ел шоколадки, сидя напротив него.

– Садист, – усмехнулась Диана.

– Еще какой.

– А ты, когда химию делать будешь, тоже похудеешь?

– Да, – я сухо ответил.

– Я тебя кормить буду хорошо, – Диана немного согнула левую руку в локте и обняла меня за шею.

– Малышка, я же просил, давай не надо об этом всё. Смотрим фильм.

– Олег, ну как не надо, об этом надо будет когда-то думать, – она попыталась повернуть голову и поцеловать меня, но я сам поцеловал ее в висок.

– Не сейчас, не хочу сейчас. Потом поговорим. Давай фильм смотрим.

Я поцеловал Диану, и она еще ближе прижалась ко мне. В тот момент я отвлекся от фильма, и если бы она посмотрела на меня сейчас, то увидела бы, как я смотрю куда-то в сторону совершенно отстраненным взглядом. Мне совершенно не хотелось думать о химиотерапии и о том, что может ждать меня дальше.

Через несколько минут, как мне казалось, я немного приподнял голову и увидел что глаза Дианы закрыты. Она спала. Я дотянулся до пульта, и нажал на паузу. На экране застыла картинка, где Эндрю снимает кислородную маску. Значит, прошло не несколько минут, а намного больше. Я тоже спал. От моих движений Диана проснулась, и сонно потянувшись, прошептала:

– Я заснула?

– Да, все нормально.

– Как я не хочу никуда идти, – она перевернулась ко мне лицом, – обними меня.

– Хочешь, пойдём в постель? Я отнесу тебя наверх, – я обнял ее и прижал к себе.

– Не, давай еще немного тут полежим, – она поцеловала меня в шею и уткнулась в нее носом.

Я не ответил. Минуты через две мы уже крепко спали. Ночью я закрыл окно и отнес Диану наверх. Она обнимала меня во сне.

Утром в 8:30 меня разбудил будильник на мобильном телефоне. Прикрыв глаза от яркого солнечного света, я недовольно посмотрел на часы – пора вставать. Дианы в кровати не было. Приподняв голову, я огляделся – ее точно не было, но дверь в комнату была открыта. Я сонным и неловким движением захотел скинуть с себя одеяло, но моя нога, запуталась в нем и лишь его верхняя часть упала на пол.

– Дииан! – крикнул я в сторону двери, – Диана!

– Я внизу! – раздалось в ответ с первого этажа.

– Я в душ, – громко сказал я, в принципе, не рассчитывая, что она меня услышит.

Приняв душ, почистив зубы там же, и, чуть позже побрившись, я спустился на первый этаж в одном полотенце, завязанном на поясе. Моя девушка стояла на кухне в нижнем белье и с полотенцем на голове (никогда не мог понять, зачем этот ритуал после мытья головы).

– Доброе утро, – она подошла ко мне и поцеловала меня.

– Доброе утро, моя милая девушка. Как вам спалось этой ночью? – и не дождавшись ответа, я продолжил, – вчера Вы попросту отрубались, так и не досмотрев фильм.

– Ой, Вы знаете, это вчерашнее вино, и обилие свежего воздуха так повлияло на меня и лишило сил, – она, улыбаясь, растягивала гласные. – А еще, – она крепко обняла меня, – я же была в твоих руках, и было так хорошо.

– Маленькая пьяница, – я усмехнулся.

– Сам такой, – она чмокнула меня в губы и подошла к холодильнику. – Кофе будешь? – спросила она, доставая молоко.

– Да. Молоко свежее?

– Вчера купила, – она ногой закрыла дверь холодильника, – еще не открывала

– С молоком тогда.

Диана уже знала мою странную привычку – не пить молоко из открытых пакетов. Мне нравилось свежее молоко.

– Малышка, у нас минут двадцать всего. В девять сорок пять встреча, а еще столько ехать и пробки.

– Я успею. Феном высушу. А ты что сегодня потом делаешь? – она включила чайник.

– Сейчас с Виктором встретиться, тебя отвезти в сервис, и до четырех свободен. С четырех и где-то до семи у меня встречи и в инете буду. А ты?

– Машину забрать, потом с девчонками договорились покушать. А вечером свободна.

– Тогда решим что вечером. Ты одеваться идешь? Не успеем же?

– Сейчас, кофе сделаю и пойду.

– Я пойду, оденусь пока.

Поднявшись вверх, я посмотрелся в зеркало и подумал, что надо бы сходить вечером в солярий или на пляже поваляться, а то я вроде бы недостаточно загорелый – обычная мысль людей, которые давно загорают. Всегда кажется, что можно быть еще немного темнее. И только когда цвет становится немного неестественным, понимаешь, что нужно отдохнуть от солнечных ванн. Но мне действительно надо было подзагореть. Я пошел в ванную комнату, которая была соединена со спальней, и привел свои волосы в порядок. Немного пенки для волос, высушим феном, потом лак – и прическа готова. За следующие минут десять я надел светло-голубую рубашку и светло-серый костюм. Приятно, когда при деловых завтраках, которые проходят с хорошими знакомыми, можно не одевать галстук. Я посмотрел на себя в зеркало, повернулся, убедился, что всё сидит на мне так, как надо, и пошел вниз.

– Мммм, какой мужчина, – довольно промурлыкала Диана, когда увидела меня, заходящего на кухню.

Я улыбнулся, – какой?

– Мой мужчина. Самый лучший мужчина, – она обняла и поцеловала меня. – А может мы, – она игриво посмотрела на меня, – опоздаем на десять минут.

Я провел рукой по ее груди, и, поцеловав ее, сказал:

– На десять не получится, иди, одевайся. Ты у меня вечером еще за вчерашнее получишь.

– А что было вчера?

– В том то и дело, что ничего не было, уснула самым нахальным образом, – я наигранно рассердился и нахмурил брови.

– Ну, вот я и говорю, давай опоздаем, – она начала меня раздевать.

Я посмотрел на часы.

– Сейчас 9:02, в двадцать пять минут мы должны отсюда выехать, это самое позднее.

Диана расстегнула мой ремень.

В тридцать четыре минуты мы выехали, а за пятнадцать минут до этого я позвонил Виктору и попросил передвинуть встречу ровно на десять, так как мы как бы уже выехали (я сказал, что я буду со своей девушкой, при которой он может открыто говорить обо всех наших делах). Я очень надеялся, что он не слышал, как Диана жарко дышала в мое другое ухо, и что он не слишком заметил мой сбившийся голос.

Мы даже успели выпить остывший кофе, и я смог включить Euronews на несколько минут, пока Диана была наверху, примеряя одежду и думая, какие туфли одеть. Выходя из дома, она начала искать ключи от машины, и вспомнила, что она ведь их оставила в сервисе. Рассмеявшись, мы вышли на улицу.

О ночном ливне напоминали лишь мокрые участки дороги в тени, возле заборов и по краям дороги. А в тех местах, куда напрямую попадали солнечные лучи, никакого намека на лужи не было. Мы добрались до Radisson SAS меньше чем за двадцать минут, и еще через минуты две мы были в ресторане внутри.

В центре ресторана был бар, выполненный в виде незаконченного прямоугольника, а по сторонам от него были сервированные столики на четверых. Возле стен стояли уютные мягкие диваны, раскрашенные в бело-синюю полоску.

Виктор сидел за столом, дожидаясь нас. Перед ним лежало меню и папка с документами.

– Доброе утро, Виктор.

– Доброе, Олег, – мы пожали друг другу руки.

– Это Диана, – сказал я, представляя девушку.

– Виктор, очень приятно.

– Взаимно, – она улыбнулась, немного наклонив голову.

С этим человеком я познакомился в декабре прошлого года, после того, как вернулся со своей встречи с клиентом в Франкфурте-на-Майне. Тогда я не спал две ночи, и на вторую ночь пошел поиграть в казино. Там мы и познакомились с Виктором, который иногда вечером со своими коллегами приезжал поиграть на большие ставки.

– Человека лучше всего можно прочитать за карточным столом, – говорил он, делая очередной глоток коньяка. – Вот я сюда и друзей и врагов, всех вожу. И тебя читаю тоже.

– И меня? – я усмехнулся.

– Да, – ответил он.

– И что же ты прочитал?

– Самое главное, – он сделал паузу и посмотрел на меня уже пьяным взглядом, – что ты не говно.

Я не знал, что сказать и просто промолчал. Разубеждать его мне не хотелось.

Виктору было сорок четыре. У него была жена и двое детей – прекрасные дочки, которые в следующем году должны были заканчивать школу. Мы подолгу сидели с ним в баре казино и рассказывали друг другу истории из нашей жизни. Больше рассказывал он. Пил очередную порцию коньяка и рассказывал о своей жизни. Его отец был из Донских казаков, и уже маленьким, Виктор ходил купать лошадей в реку и клал крыши из соломы и глины. Потом в школьном возрасте объездил почти все братские советские республики вместе с детской футбольной командой. Проходя обучение в Калининградском морском училище, побывал во всех четырех океанах, и его даже угораздило жениться. В Малаге, где останавливалось судно,

он с другом сбежал с корабля и познакомился с местной испанкой, которая пригласила его к себе домой, а на следующий день попросила прийти еще раз. Виктор и на следующий день сбежал с корабля. Вроде все должно было пройти точно так же прекрасно. Он намеревался насладиться этой юной девой еще, по крайней мере, один день, и, опять встретив девушку, искренне недоумевал, почему в доме большое количество людей и почему все так радостно его приветствуют. Последующие события Виктор рассказывал с гордостью. При помощи смеси ломаного испанского и русского он выяснил, что если он сейчас же не женится на девушке, с которой спал ночью, то живым он отсюда не уйдет. Все еще думая, что это розыгрыш (хотя становилось страшно, что советского моряка так развели на женитьбу, и что же скажет капитан), он согласился. Скорее не из-за желания посмотреть, куда это все заведет, а из-за более чем тридцати человек окружения, смотревших на него зло, как только могли смотреть будущие дальние родственники на советского моряка. Несколько минут под охраной на машине, переодевшаяся невеста, выписка из удостоверения матроса – и Виктор обручен в церкви. Сбежал он сразу после торжественного обеда (матрос и не поест?), сославшись на огромное желание посетить уборную. Больше с корабля в этом порту он не сходил и никому об этом инциденте не рассказывал до самого развала Советского Союза. А сам себе, несколько лет спустя, пообещал съездить в тот костёл и найти записи о своей свадьбе. Он так и не съездил.

Сейчас с Виктором меня связывали и дружеские отношения (он на меня смотрел как на сына, которого у него не было, и как на такого же легкого на подъем парня, каким он был сам) и работа. Его фирма заключила договор на поставку проводки для судов, с компанией, в которой я работал. Оставалось утрясти некоторые детали касательно сроков доставки товара, о чем мы, собственно и поговорили.

Прошло минут тридцать, завтраки были съедены и мы уже пили по второй чашке кофе. Диана очень понравилась Виктору, он спрашивал о том, давно ли мы вместе и говорил, чтобы мы не расставались. Девушка, слушая эти фразы, сжимала мою руку и улыбалась, а я немного погрузился.

– Ты что? – спросил Виктор

– Да не, все нормально, – я постарался улыбнуться.

– Что врачи говорят? – он задал мне вопрос, и посмотрел на Диану.

– Все также, – я нехотя отвечал, надеясь, что Диана не вступит в разговор. Иначе бы он закончился очередной небольшой ссорой и моим нежеланием продолжать эту тему.

– А сам как чувствуешь?

– Так же. Боли в спине прошли, зато как-то, – я краем глаза заметил взгляд Дианы, – а вообще намного лучше. Все хорошо.

– Олечка, – Диана посмотрела на меня, после чего я убрал руку ее из ее ладони, чувствуя, что сейчас будет что-то неприятное, – Виктор, – она повернулась к нему, – не хорошо. Он все чаще чувствует какую-то слабость. Я же это вижу.

– Да все нормально, не начинай, – огрызнулся я, и сердито посмотрел на нее.

– Ну, нуу, Олег, ты мне только не говори. Когда вы вдвоем – говори Диане все что хочешь, но я ж понимаю. Ты лучше скажи, что дальше делать собрался, это же не шутки.

– Не знаю я. Ты понимаешь, я не знаю. У меня столько всего накопилось, а как бы времени решать это все, нет, – я взял стакан с минеральной водой в руки, – я не знаю. Пока что хорошо, посмотрим, что потом будет.

– Ты не тяни. Я если что-то и понял за свою жизнь – это то, что решения надо принимать сразу. Проблема появилась – сядь, подумай, обмозгуй, найди выход. Сложный выход – всё равно. Не решишь ее сам, кто-то решит за тебя. И не факт что лучше. Чаще всего – намного хуже. Так что чем скорее определишься, тем лучше для тебя. И не думай о том, что у тебя сейчас, подумай о том, будет ли это в будущем.

Диана приняла эти слова на свой счет и опять взяла меня за руку. Я выдохнул и сказал:

– Да я уже думал.

– Плохо думал, – перебил меня Виктор, подумай еще. Сядь, побудь один, подумай часок. Большого не нужно.

– Подумаю, подумаю.

Мне хотелось как можно скорее закончить этот разговор, как и все предыдущие разговоры, касающиеся моей болезни. Я каждый день думал о том, что мне нужно делать в дальнейшем, от чего и кого отказаться и как вести себя дальше. С учетом того, что я не верил в скорейшее излечение, и более реалистичным было сумрачное видение моей жизни – я избегал всяческих мыслей на эту тему. И такие разговоры как этот, заставляли меня вернуться к тем размышлениям, которых я избегал.

Завтрак был завершен. Виктор сказал, что уже пойдет, и что ему было очень приятно познакомиться с Дианой. Когда я его провожал к машине, он сказал:

– Из всех твоих, что я видел – она самая классная.

– Да я знаю сам, мне хорошо с ней, – я улыбнулся.

– Она переживает за тебя очень, – он положил мне руку на плечо.

– Знаю. Это и плохо. Ты зна... – я осекся на полуслове, посмотрел в через окно в сторону Дианы, и опять повернувшись к Виктору, продолжил. – Ты знаешь, если бы не ее разговоры о болезни, я был бы самым счастливым человеком на свете. Я понимаю, что я ей не безразличен, она, возможно, меня любит, но я не могу постоянно думать о том, что сейчас опять начнутся ее слова, а я не смогу ничего ответить.

Я был рад, что наконец-то кому-то это сказал. Чем ближе мы становились с Дианой, тем больнее мне было видеть как я, как мое состояние, причиняет ей боль. И чем сильнее она бы привязывалась ко мне, тем больнее ей было бы.

–Всё образуется, - Виктор посмотрел мне в глаза, – а пока что – иди к ней.

–Ладно, – я усмехнулся, и мы пожали друг другу руки. – Позвони мне, как отошлешь бумаги. Хорошего дня.

Я вернулся в здание гостиницы и повернул направо, в ресторан. Не доходя шагов десять до Дианы, остановился и посмотрел на нее. Она сидела и читала Herald Tribune, который я взял у администратора еще до того, как мы сели за столик. На ней было легкое шелковое платье, расшитое цветами и туфли изумрудного цвета на высоком каблуке. Смотря на нее, я подумал, что я счастлив. Если бы я мог остановить какое-то мгновение, то это было бы оно, или практически любое другое мгновение, которое я проводил с Дианой. Однажды, когда мы лежали в постели после страстного и просто безумного секса, она сказала мне, что если бы можно было выбирать, когда человек умирает, и его последние ощущения были бы в следующей жизни, то она бы хотела умереть сейчас. Что сама не понимает, что происходит с нами, и она не хочет понимать, просто то, как она себя чувствует – такого не было никогда, и уж точно не было после гибели ее родителей.

Она перевернула страницу газеты, и я непроизвольно улыбнулся. «Как бы я хотел, чтобы всё было хорошо» пронеслось у меня в голове. Мне стало себя жалко и захотелось заплакать. Я почувствовал, что все те мечты, все фантазии, в которых я видел себя с этой, такой родной девушкой – они могут не сбыться. И что еще реальнее – кто-то наверху посмеется над моими мечтами, и тогда я могу до них просто не дожить.

Развернувшись, я пошел в туалет, умыться.

У нас было три свободных часа (в два ей нужно было забирать машину), и мы решили поехать в мебельный магазин, посмотреть стол и кресла для веранды. Несмотря на то, что выбор был достаточно неплохой, Диана в каждом комплекте видела какие-то изъяны – тут цвет не подходит, а в этих креслах долго не посидишь, а может можно взять эти кресла и тот стол? В общем, мы так и остались без стола. Зато мы взяли комплект огромных красных ваннных полотенец, таких же, в которые она укутывалась у меня дома, выходя из душа, и которые я так любил скидывать с нее.

Когда мы были в магазине – зазвонил ее телефон, мужской голос сказал, что она может забрать машину. Расплатившись, мы подъехали к сервису, и еще некоторое время Диана не хотела уходить из машины.

– Олечка, прошу тебя, подумай, о чем сегодня говорили, – она обняла меня.

– Хорошо, иди уже. Я после семи освобожусь, позвоню.

– Я в городе с девчонками буду, – Диана поцеловала меня и вышла из машины. Я смотрел на нее и любовался тем, что видел. Я даже открыл окно, чтобы разглядеть ее лучше. Она, как бы почувствовав это, обернулась, и, улыбнувшись, послала мне воздушный поцелуй.

Возвращаясь в центр, все мои мысли были о том, как и что мне нужно будет делать дальше. Я, наконец-то, решил трезво посмотреть на всю ситуацию, и я очень боялся тех выводов, которые мне, скорее всего, придется сделать. Я проехал паромную переправу и остановился на следующем светофоре на красный свет.

В этот момент я вспомнил вид моей разрезанной шеи, который отражался в очках медсестры во время операции. Мне стало не по себе. По телу пробежали мурашки. Я опять открыл окно и жадно вдохнул свежего (как мне ошибочно казалось, стоя в пробке) воздуха.

Никаких позитивных перспектив в моем положении не было. Во-первых, ситуация со здоровьем. У меня третья «Б» стадия! Какие тут еще могут быть шутки или улыбки? На меня и так смотрели как на идиота, когда я отказался от лечения. Попозже приду. Куда уже позже! Врач расписала мне, что может случиться в моей ситуации – сказала, чтобы я прошелся по палатам, посмотрел на тех, у кого более легкая стадия. Не дай Бог. Мне хватило уже того учителя в моей палате, который стал плохо ходить из-за его болезни. Лимфатический узел просто-напросто передавил нервы. И я также могу быть парализован. Нет, хватит об этом.

Я заметил, что говорю сам с собой, и понял, что, выплескивая свою злость и мысли таким образом – я лучше всего смогу разобраться в себе. Как будто впервые сталкиваюсь со своими демонами, которые давно уже меня поджидали.

– Так. Все херово. А что дальше? Можно пойти на химию. Хотя, какая химия?! Если будет лечение – то прощай работа, прощай веселая жизнь, здравствуй полгода в больнице и неизвестно какой результат. А так еще время есть. Сколько его у меня? Врачи сказали, что года два-три. Если буду заботиться о себе, то максимум семь. Ну, если еще накинуть, то десять. Десять лет! Это при условии того, что все будет в самом нереальном варианте. Хотя реально дают максимум три. Да и какими будут эти три года? А если лечиться? – я пытался вспомнить, что же мне говорили, – вроде сказали что может случиться так, что никаких осложнений в будущем не будет, и буду здоровым и невредимым. Значит, лечиться все-таки надо будет, но не сейчас. А что сейчас делать? Мне и так каждый день херово и я прячусь от Дианы, чтобы она не видела, как меня выкручивает от боли. А чем дальше, тем больше вероятность, что она однажды это увидит – и тогда все. Отношениям конец, потому что она захочет заботиться обо мне и может наступить момент, когда я для нее буду больше пациентом, чем мужчиной. А она девушка добрая и любящая, меня не сможет оставить. А если я умру, как она будет тогда?

Странно, я так свободно и легко говорил о смерти. Вроде бы каждый человек должен ее бояться, или, по крайней мере, когда она находится рядом и есть реальная угроза – он должен был бы постараться себя обезопасить. А я так спокойно к этому относился, наверное, даже желая ее, в какой-то степени. Она мне представлялась уже не в далеком будущем, когда в старости у меня будет с десятков внуков и еще больше правнуков, и я со своей любимой женой смогу состариться вместе. Она мне виделась уже довольно близко. Я заметил за собой, что стал более раскованно водить машину, еще больше превышать скорость, переходить дорогу в более опасных местах.

Однажды, я слишком увлекся своими мыслями, и чуть не вылетел с дороги, при этом мне было абсолютно безразлично, что было бы со мной. Но Диана, сидевшая рядом. Ведь рискуя своей жизнью, которую я уже ни во что не ставил, я мог точно также прихватить еще кого-то на тот свет. Я помню, как от таких мыслей у меня вспотели ладони, и я сбавил скорость. Наверное, именно в тот день я осознал, насколько мне важна Диана. Может это любовь? Я смотрел на нее и не понимал того, что я чувствую к ней. Привязанность, близость, влюбленность, это все было. Но было ли это искренне?

Я уже подъехал к дому и оставил машину в тени деревьев. Взял пиджак, который я снял чуть ранее и кинул на пассажирское сиденье, вытащил ключ из замка зажигания и понял, что не хочу идти домой. Куда угодно, но не домой. Хотя, надо. Надо посмотреть документы и позвонить Виктору. Я нехотя открыл дверь машины, все еще продолжая сидеть. Во дворе, у

дома, было очень спокойно, по сравнению с тем, что творилось на магистралях города. Я взглянул на высокий дуб, под которым припарковался, всмотрелся в его зеленую крону вверх, и у меня невольно вырвалось – «Аустерлиц, блин». Усмехнулся, окинул взглядом салон и, убедившись, что взял телефон, я вышел из машины. И в этот самый момент я понял, я отчетливо понял, какое решение мне нужно принять. Тяжело вздохнув, я нажал на кнопку на пульте сигнализации.

Дома я уселся за компьютер и занялся бесцельным серфингом в интернете.

Так, четыре мэйла. А почему же я об этом не знаю? Точно, я же Blackberry оставил дома. А где? Телефон обнаружился на кухне, и на его экране было сообщение о пяти пропущенных сообщениях и одном звонке. Включив чайник, я пошел за новой пачкой кофе. В последнее время мой босс приучил меня к Starbucks. У нас с ним даже существовала традиция – к 8 утра он приезжал на работу у себя на восточном побережье США, а я в три (или в четыре часа, если он уезжал вглубь страны) связывался с ним. У него обязательно уже был стакан кофе в руке, который он покупал по дороге на работу, а я делал дома тот же самый кофе. Дома, целая полка в шкафу была забита пачками Старбакс с молотыми зернами, граммов по двести каждая. Больше всего было белых пачек с грязно-оранжевыми полосками, которые некоторым казались коричневыми, и также пачек с болотно-зеленой маркировкой – “medium” и “extra bold” вариациями соответственно. Мы использовали эти пачки в качестве замены для шариков пенопласта, которые засовываются в коробку при пересылке, чтобы не повредить содержимое. С учетом того, что посылки FedEx`а было достаточно много (раз в неделю как минимум) – недостатка в кофе я не испытывал, и, при желании, мог наладить его продажу малыми партиями.

Я помню, как плевался, первый раз, когда пил этот кофе. Я считал, что хуже напитка быть не может, и любой Jacobs даст фору в десять баллов этой бурде. Но, после того как меня убедили попробовать еще пару чашек - что-то изменилось. Появилось желание пить кофе дальше, и я уже сам стал рекомендовать его друзьям. Старбакс стал каким-то черным наркотиком.

Пачка, которую я сегодня достал, была с зеленой полоской. Я залил кипятка в кружку поверх пары ложек кофе, и вернулся к компьютеру.

Предстоял рабочий день, но все мысли были о вечернем разговоре с Дианой.

К восьми вечера мы с Дианой встретились и поехали в торговый центр, поесть в каком-нибудь ресторане. Недолго думая, выбрали китайский ресторанчик прямо возле ледового катка. Каждые час туда запускали народ, и в процессе еды можно было наблюдать за новичками, которые первые разы вставали на коньки. Также были и люди, прекрасно державшиеся на льду, и даже исполнявшие некоторые элементы из фигурного катания. Иногда они смешно падали где-нибудь неподалеку. Хотя, им было не до смеха.

Диана сидела напротив меня, так было бы удобнее кушать. И говорить. А говорить нужно было о многом.

Она была в курсе всех моих дел, моей работы, и одной и другой, и также, почти всё знала про мое здоровье. Единственное, чего она не знала, это то, что именно я хотел ей сказать этим вечером.

Мы взяли салат из каких-то овощей и креветок, и это всё было обильно полито соевым соусом. Диана ловко орудовала палочками, а я, как всегда, взял вилку.

– Диан.

– Что? – она посмотрела на меня в ответ, и было понятно, что этот разговор она ждала весь день. Пытаясь не показывать своего волнения, она еще раз спросила, – что такое?

– Сегодня я очень много думал насчет всего. Насчет себя, насчет нас, насчет того, что я хочу в будущем, – я растягивал слова, пытаюсь оттянуть тот момент, когда придется ей все объяснять.

– И что ты надумал? – она отложила палочки в сторону и протянула правую руку ко мне. Я взял ее.

– Мне нужно всё изменить у себя.

– Что именно?

– Чтоб ты знала, сразу скажу, я сейчас химию делать не буду, – я увидел непонимание и какую-то злость на ее лице и поспешил объяснить, – я пока еще более-менее себя чувствую, закончу все дела, и тогда начну.

– Олег, не ври мне, пожалуйста. Не слепая ведь. И насчет химии, я это слышу уже в сотый раз. Когда она будет?

– Не знаю. Не знаю я.

– Я все понимаю, мне так кажется. Самый верный способ почувствовать себя живым – когда смерть рядом. Как ты, наверное, думаешь. Но то, что делаешь ты, это прекрасный способ убить себя, не убивая себя. Подумай об этом.

– Я сейчас не об этом, – я замолчал.

– А о чем же? – она недоуменно посмотрела на меня.

– Диана, я тут подумал, я хочу побольше времени своим клиентам уделить.

– Да ты и так с ними всегда. Ты же даже ночью не выключаешь телефон, – она повысила голос.

– Нет, я не об этом. Смотри, я же вижу, что-то, что я делаю, это хорошо, – я пытался найти по возможности простые слова, – и я как-то помогаю им. Может у меня талант, может просто получается, не знаю, – я громко выдохнул и собрался с мыслями, – я сейчас хочу больше этим заняться.

– И? – она как-то странно посмотрела на меня.

– Я хочу сказать, – я сказал более отчетливо, разделяя слова, – намного больше.

Однажды, когда мы возвращались из Ниды – небольшого курортного городка, находящегося на Куршской косе, куда мы ездили на два дня, она спросила:

– А расскажи мне о своей работе, о соблазнении этом?

– Что тебе рассказать?

– Ну, зачем занимаешься, какие у мужчин проблемы? Я ведь видела некоторых, вроде бы с девушками у них всё должно было быть хорошо, – Диана прикрыла окно в машине и включила кондиционер.

– Ты только Андрэса видела. Большинство не такие.

В январе этого года у меня был один клиент из Испании. Тридцатичетырехлетний черноволосый мужчина по имени Андрэс. Он выделялся среди всех людей, которые обращались ко мне со своими проблемами. У него была сложная жизнь. Детство в трущобах Барселоны, очередь в ванну и один футбольный мяч на три двора. Чистка обуви и работа курьером на почте. Одежда старших братьев и две двухъярусные кровати в комнате. Никакой личной жизни. В двадцать два поступил в университет на вечернее обучение. Во время работы в университете начал работать в фирме, занимающейся созданием программ для обработки видео. И там, совершенно случайно, как он сказал, нашел интересный вариант кодировки данных. Запатентовав и продав свое ноу-хау, он первым делом купил своим родственникам большой дом с садом недалеко от побережья. По его словам – эта маленькая комната в их квартире на окраине Барселоны, с которой у него ассоциировались лишения и бедствия, до сих пор иногда снится ему. Он был счастлив, что семья выбралась из того района и теперь может хоть немного насладиться жизнью. Потом он отправил братьев учиться в университет, а сам стал совладельцем компании, в которой работал. Компания успешно работает и по сей день, а прибыли хватает на вполне безбедное существование.

Тогда, встретясь с ним в Nobu в Метрополитане, я вначале не понял, зачем ему вообще мои услуги. Роскошно выглядящий, похожий на Клинта Мауро, с такой же шикарной фигурой и с таким же острым взглядом – Андрэс казался мне мужчиной вообще без проблем в отношениях с женщинами. На самом деле все вышло немного по-другому. После того, как у него появились лишние деньги, и он смог позволять себе перелеты бизнес и первым классом, а потом уже и хорошую машину вместе со стовосьмидесятиметровыми апартаментами в Мадриде (куда переехал главный офис компании), его облепили красивейшие девушки Испании. У него их было много, но, все они так же быстро исчезали, как и появлялись. Это были любительницы всего, что блестит, так называемые “golddigger”. А с учетом того, что мой клиент, помня о бедном существовании большую часть его жизни, не слишком сильно тратил деньги налево и направо – они его покидали. Сложилась ситуация, когда вокруг него было много красивых девушек, но ни одна из них не была ему близка. И однажды, в его жизни появилась Луиза. Студентка с факультета английской филологии, с которой он познакомился на дне рождения своей подруги. Она выделялась своей, как ему казалось, непорочностью и чем-то напоминала тех девушек, с которыми он общался раньше – домашних, не покрытых слоем косметики, еще не лежавших под руками пластического хирурга. Она была естественна и натуральна. И этот взгляд... Он показывал мне фотографию этой девушки и говорил с характерным южноевропейским акцентом "You see these eyes. Now imagine her looking at me, with all the love possible". По мне – приятный взгляд красивой девушки с темными, каштановыми волосами и почти незаметными веснушками на ее загорелом лице, не более. Но для него это был эталон той чувственности и любви, которая только может быть. И что было немаловажно – Луиза не просила украшений, она не любила дорогие рестораны, к которым так привык Андрэс, и самое приятное времяпровождение для нее заключалось в том времени, которое они проводили вместе. Темпераментный испанец влюбился полностью. Он давал и дарил ей всё – он купал ее в роскоши, к ее услугам были самые лучшие салоны и бутики. Она не нуждалась ни в чем. При этом девушка всегда говорила, что ей не нужна вся эта роскошь и принимала подарки только для того, чтобы не обидеть своего любимого. Естественно, ей понравилось в одночасье ощутить себя на пьедестале, но с каждым украшением, с каждой поездкой, обновкой и погоней за всем самым лучшим для нее – их отношения становились всё хуже. И когда Андрэс, в очередной раз поднял голос, обвиняя девушку в том, что он «все для нее делает, а взамен ничего не получает», она ушла. Ушла, перед этим оставив ему ключи от машины, все украшения. Он думал, что это лишь очередная ссора. Но через два дня ему привезли несколько коробок со всей одеждой, которую он покупал Луизе. И прилагалась

записка с просьбой никогда ей больше не звонить, и небольшим объяснением, которое он перевел для меня, перед нашей с ним встречей.

«Здесь всё, что ты мне дарил. Себе я оставила цепочку с крестиком, которые мы купили в Лурдесе.

Ты стал другим.

Не звони. Мне будет больно.

Луиза».

Она ушла. Вышло так, что, желая сделать всё для своей любимой, Андрэс забыл о том, почему она захотела быть с ним. О том, как они вместе проводили время, как делились самым дорогим и ценным. Чрезмерное желание дать ей всё то, чего у него самого не было раньше - сгубило их отношения. Он делал для нее то, что ей было не нужно. А когда она перестала (искренне) за это благодарить его, всё покатило вниз. Любовь – это связь. И ее больше не было.

Он обратился ко мне после того, как во второй раз совершил похожую ошибку, уже с другой девушкой. После нашего с ним общения мы довольно часто переписывались мэйлами, изредка созванивались. Потом лишь время от времени присылали друг другу стандартные короткие письма – «привет, как дела, у меня всё хорошо. Счастливо»

В середине июня, поздно вечером, мне пришло короткое сообщение от него "Can I call you?". Оказалось, что Андрэс встретился с Луизой, и они начали всё заново. А через неделю они на два дня прилетают в Вильнюс и хотят меня увидеть. Я поехал с Дианой.

Мы ужинали вчетвером. Луиза была намного красивее, чем на фотографии.

– We both were wrong. Me and her. We admit it. She wanted to work it out for us too, – сказал Андрэс, глядя на девушек, которые над чем-то смеялись, сидя за столиком. Мы тихо, чтобы девушки нас не услышали, разговаривали, стоя возле выхода с летней террасы, и смотрели на них. Андрэс курил, а я держал в руках стакан с виски.

– I'm glad you've made this. Both of you. Don't screw it up now.

– No way, trust me.

– I know you won't, – я улыбнулся.

Луиза посмотрела на Андрэса так, что я понял, о каком взгляде он говорил мне в январе. Это был нежный, любящий взгляд, наполненный ощущением счастья потому, что они вместе. Такому взгляду мог бы позавидовать любой мужчина. И я тоже. Если бы не одно «но». С первого же дня нашего знакомства, Диана смотрела на меня точно также.

– Да, я вообще, глядя на него, не сказала бы, что проблемы могут быть, если б ты не рассказал. Еще того, Пола из Бристоля видела, – Диана удовлетворенно добавила.

– Пола ты не видела. Видео – это не нормальное общение. Так что только Андрэса.

– Ну ладно. А с какими проблемами обращаются?

Обычно мы не разговаривали на эту тему, и я практически не комментировал подобные ситуации, но на днях, я показал Диане свой блог в интернете, и большинство записей, которые были видны для всех пользователей.

– По разному. Если в Европе, то больше по тому, как отношения выстроить или конкретную женщину завоевать. У меня ж заказ был даже на Пэрис Хилтон, – я улыбнулся и на секунду бросил взгляд на Диану. Увидев ее реакцию, я опять стал смотреть вперед, на дорогу.

– Как это понять, заказ? – в голосе проскочили нотки наигранной ревности.

– Ну, у меня клиент один был, который хотел, чтобы мы с ней или вместе встретились или чтобы я подготовил ее клиенту, короче, ерунда полная.

– Так, – Диана развернулась на сиденье в мою сторону, – поподробнее.

– Ну что подробнее? Есть мужик один из Америки, который хотел переспать с ней. У него сотни миллионов и все такое. Он сказал, чтобы я с ней пересёкся в Лондоне, она там какую-то тусовку устраивала, и потом свел ее с ним, – мне уже было не по себе, что я начал об этом

говорить.

– А ты что? – Диана злилась, и мне надо было ее успокоить.

– А я ничего. Там что-то не получилось, и я никуда не полетел, – пытаюсь закончить разговор о Пэрис, сказал я, – вот и всё. Просто сказали мне, – попытался сказать убедительнее, – ничего больше. Всё.

– Ну ладно, поверю, – Диана притворно обиделась, – ну так что там по тем проблемам?

– А, ну так вот. А в России, и вообще русскоязычные, больше по съему девушек или по знакомству обращаются. А в Европе по отношениям, или по конкретной какой-то, – я повторил, ранее сказанные слова.

– А с кем лучше работать?

Я посмотрел на Диану и усмехнулся. – Конечно с Европой, ты что, смеешься? Там хоть люди знают, чего хотят и за что деньги платят. А в России, я сейчас вообще про русскоязычную публику говорю, на самом деле не туда, куда надо идут.

– Это как? – спросила Диана и сделала музыку в салоне потише.

Когда я только начинал работать с клиентами в сфере построения отношений и лайфстайла, то даже не думал, что кто-то еще занимается подобными вещами. Я наивно считал себя первооткрывателем и был очень удивлен, когда один из моих клиентов в Лондоне познакомил меня с людьми, такими же, как я.

Ситуация была проста до безобразия: всегда существовали молодые люди, которым не хватало секса. Они не понимали, как грамотно подойти к девушке и начать разговор, как вызывать у нее эмоции, необходимые для соблазнения. Обычным делом для них было пройтись по городу, усесться в баре в компании братьев по вынужденному воздержанию и краем глаза наблюдать за веселыми компаниями мужчин и женщин. Всё обычно ограничивалось долгими разговорами о том, как несправедливо устроен мир и насколько же везет мудакам (к которым никто себя не причислял). Так продолжалось изо дня в день, и лишь изредка кому-то из них – по странной случайности – удавалось соблазнить девушку. Счастливчик объявлялся национальным героем местного масштаба и ближайшую пару недель во всех подробностях рассказывал о своем подвиге.

А в перерывах между такими редкими всплесками опять было навязчивое желание овладеть более-менее симпатичной девушкой. На самых красивых девушек эти парни всегда смотрели издали. Причиной тому была мысль, давно и прочно засевшая в их головах и заставлявшая каменеть каждый раз, когда появлялась возможность подойти к такому совершенству. «Это не для тебя, чувак». Эта мысль на долгие недели выводила мужчину из равновесия обычной жизни. Ни повышения на работе, ни прибавка к зарплате, ни даже случайный секс с одинокой девушкой, точно так же ищущей партнера на ночь, – ничто не помогало вернуть его в строй. Он точно так же мог пить с друзьями, появляться на работе, травить анекдоты с коллегами и ходить болеть за любимую футбольную команду. Но, когда он оставался наедине с собой или с лучшим другом, – всё менялось. Тут-то и выяснялось, что на самом деле он не настолько весел, как кажется, что с девушками ему не очень-то везет, а та сволочь, с которой он прожил до этого два года, – вышла замуж за другого и уже беременна. Из сотен тысяч подобных ситуаций выход был один. Стать лучше. Стать востребованным.

Желая иметь успех у женщин, эти люди общались в интернете, обмениваясь информацией и наработками о том, как снять девушку. Сюда входило абсолютно все: начиная с того, как завести разговор, до того, как устроить групповой секс в формате «санаторий на санаторий».

В дальнейшем люди, добившиеся неплохих результатов в общении с женщинами, стали называть себя PUA (Pick Up Artist). Появились конференции и сайты, посвященные целенаправленному съему девушек, и со временем это движение приобрело массовый характер. Сложно было найти нормального мужчину, который годам к двадцати пяти не слышал бы о профессиональных соблазнителях.

В Европе количество постепенно переросло в качество. Теперь, вчерашние лузеры

общались с теми самыми неприступными красотками. Если раньше в окружении прекрасных девушек были в основном те, кто «покупал» их время и компанию, неважно как – подарки, рестораны или власть, то теперь ситуация немного изменилась. Почти каждый, кто раньше лишь мечтал о встрече с симпатичной девушкой, теперь мог, обладая неким материальным достатком и более-менее нормальным внешним видом, вооружиться «невероятно секретными и мегавыштыривающими» техниками по соблазнению девушек.

На самом деле, сложилась ситуация, когда парни просто стали решительней, так как знали что именно надо делать. Хотя бы в начале. И мужчины захотели идти дальше – получать не только тело, но и саму девушку. И, во многих случаях, дальше развивать с ней отношения.

С русскоязычной «тусовкой» всё было немного по-другому. Количества здесь не было, качества и подавно. Всё, что имелось на данный момент – это толпы молодых людей, еще далеко не сформировавшихся ни в социальном, ни в моральном плане, которые, вместо того чтобы налаживать свою жизнь, всё время тратили на сбор телефонных номеров старшеклассниц и студенток. И эти тысячи парней по всей России и другим странам бывшего СССР, не получив, как правило, желаемого результата, шли как стахановцы дальше за своей мечтой о девушке, перевыполняя план по изысканным телефонным номерам и надеясь, что хоть когда-нибудь в будущем они окажутся в одной постели с роскошной девушкой.

При этом стали наблюдаться не совсем доброжелательные настроения общества, по большей части – женской половины, по отношению к ним. Кому же хотелось в ответ на неприятные приставания получить оскорбление в свой адрес? Тем более что большинство парней не отличались хорошими манерами. У мужской негативно настроенной аудитории, наряду с неадекватным поведением большинства «пикаперов»...

– А что это? – спросила меня Диана.

– Это те, кто хочет с девушками сексом быстро заняться, так вот...

Наряду с понятным поведением пикаперов, появилась реальная опасность для многих состоятельных мужчин. В отличие от большинства надоедливых юнцов, были также и некоторые вполне прекрасные мужчины – «Казановы нового времени», научившиеся красиво и умело соблазнять девушек, и, что самое важное, девушкам это нравилось. Какая женщина не хочет быть красиво соблазненной? Тем более если это будет еще и еще, и общение не закончится на сексе. И женщины, для достижения которых большинству приходилось опустошать кошелек, сами делали многое для этих соблазнителей.

Таких людей было слишком мало, но их могло стать больше, благо предпосылки были прекрасные. Но в своей массе, это был лишь детский сад, использующий переведенные материалы западных тренеров.

В таком зачаточном состоянии увидел я российскую сцену пикапа и соблазнения в этом году.

– А это так, что вместо того, чтобы книги почитать, деньги зарабатывать и внешний вид в порядок привести – они по тёлкам бегают. Вернее, думают, что по тёлкам бегают. На самом деле сидят у компьютеров и иногда героически выходят в город.

Я показал поворот и обогнал междугородний автобус. Вернувшись на свою полосу, я продолжил:

– Если серьезно, там есть достаточно нормальных парней, которым просто немного помочь, направить надо. А по большому счету – никаких нормальных качественных услуг, ни тренингов, ни коучей – там нет. Ко мне несколько парней обращались за советами, читают мой блог. Так один рассказал, что обращался к семейному психологу, думая, что тот поможет. Оказался обычным теоретиком, много красивых слов, а на самом деле – ничего стоящего.

– А ты, почему с ним не взялся за работу? – Диана открыла бутылку с питьевой водой, предложила мне, и после моего отказа сделала глоток.

– Не, не хочу сейчас с Россией работать, – я поправил солнечные очки, – может когда-нибудь в будущем. Вернее, точно знаю, что что-то такое будет, но пока не хочу. Пока что там

есть много парней, с которыми хочу увидеться. С двумя уже пересекался в Латвии и Эстонии. Хочу остальных увидеть, пообщаться.

–Что означает твое «намного больше»?

Диана выглядела совершенно безмятежной, но, судя по тому, как она отвела взгляд и рассматривала катающиеся пары на льду, она боялась моего ответа. Я ничего не ответил. Еще пол минуты мы сидели молча. Я не знал, как продолжить разговор и сказать ей всё то, о чем я думал сегодня, а она, судя по всему, уже была не рада, что я пришел к какому-то решению. Иногда так бывает, что лучше жить в настоящем и не задумываться о будущем. Так легче. Я знал это наверняка.

Она повернулась ко мне и равнодушным тоном спросила:

– Ты хочешь разойтись?

В этот момент произошло что-то странное. Я понял, что не могу ей прямо сейчас озвучить свое решение. Ну почему так?

– Малышка, конечно нет. С чего тебе вообще такие мысли в голову пришли, дай сюда руку, – она протянула руку, и я сжал ее в своих ладонях, – я тебя обожаю, ты же знаешь это.

– Олечка, что тогда? Что происходит, скажи, пожалуйста. Я же вижу всё.

– Малышка, всё нормально, – я опять хотел отложить этот разговор. Как же сложно все-таки говорить любимому человеку то, что сделает ему больно.

– Олег, пожалуйста, я так больше не могу. Я хочу знать, – ее голос звучал по-другому, не как всегда. Проскальзывали какие-то нотки безнадежности, и я решил дальше не тянуть.

– Диана. Ты в курсе, что я не очень хорошо себя чувствую. Подожди, не перебивай меня, – я не дал ей начать фразу, – я хочу всё сказать. Я в последнее время чувствую себя хуже и хуже. И если я раньше еще думал, что всё может быть хорошо у меня, то сейчас я уже так не чувствую. Ты не замечаешь, возможно, но иногда мне настолько плохо, что я и повернуться не могу, а я должен улыбаться и показывать, что мне нормально.

– Ты не должен, – вскрикнула Диана, – я хочу знать, как ты себя чувствуешь, мне важно это.

– Не перебивай. Мне херово, мне больно, мне страшно иногда, так как я не знаю, как дальше всё будет. Мы никогда не говорили об этом, и я не говорил, и я никогда не хочу поднимать эту тему опять, понимаешь? – Не дождавшись ответа, я продолжил. – Но мне действительно страшно. А для всех я точно такой же живой, душа компании.

– Не говори так! – она закрыла рот рукой, как бы боясь нечаянно сказать что-то еще.

– Думаешь, мне легко это говорить. Я ж тебе сейчас больно делаю этими словами. Милая, всё может быть в порядке, все будет хорошо. Врачи говорят, что всё будет хорошо. Просто я сейчас немного в подвешенном состоянии. Я хочу определиться, что именно мне нужно в жизни.

– И что ты решил? – Диана с надеждой смотрела мне в глаза, и я струсил и не сказал ей все как есть. Я пытался разрядить ситуацию и подбирал слова:

– Хочу понять, что мне нужно на самом деле, как на меня люди смотрят, что хорошего я делаю, хочу быть полезным, а не только деньги зарабатывать. Я всегда жил будущим, а настоящего как бы и не было.

Диана тихо спросила: – А как же я?

– Малышка, а ты как раз мое настоящее. Ты – это то, чем я сейчас живу.

Она пересела ко мне и обняла меня. Я почувствовал себя последней сволочьей.

Ночью мы спали вместе. Ей, скорее всего, снился прекрасный сон о нас, так как она во сне гладила меня и произносила мое имя.

Я собирался оставить ее. Из-за того, что я не видел будущего с ней, а вернее, из-за того, что я не видел своего будущего, я собирался ее оставить. Оставить тихо, незаметно. По

возможности так, чтобы ей не было слишком больно, и чтобы я сам мог забыть о ней. И я делал это. Я уезжал встречаться с друзьями в другие страны один, я проводил больше времени в работе и в планировании новых проектов. Она всё реже приезжала ко мне домой, а я перестал присылать ей смс по утрам, когда просыпался. Я стал изменять ей с другими девушками, в которых я хотел влюбиться специально, чтобы забыть ее. Это не помогало. Помогла одна единственная вещь. Когда однажды ночью мне приснился кошмар, как будто я умер. Я проснулся в такой же позе, в которой умер в своем сне. Из носа у меня текла кровь. В ту ночь я больше не уснул.

Лежа в постели, и боясь закрыть глаза, я подумал, что если бы это видела Диана, то для нее я бы стал больным, о котором она бы заботилась, а не мужчиной, которого, она, скорее всего, любила.

Я решил больше никогда никому не показывать, что мне плохо, и всегда стараться выглядеть лучше всех. Чтобы не было и тени сомнения в том, что я прекрасно себя чувствую. Тем временем мне становилось всё хуже.

И я опять стал один. Но одно дело быть совершенно холостому, а совсем другое - когда ты одинок, но есть влюбленная в тебя девушка, к которой всегда можно вернуться. Хотел я того или нет, скорее всего - хотел. Так как это тешило моё мужское самолюбие, но при этом было хуже ей. Вообще, Диана всё еще продолжала любить меня. А я, продолжал отдаляться от нее.

*И твое промо, местами,
Просто порно,
Когда делаешь всем больно
Когда тебе больно.
Когда вокруг так серо
И просто холодно.*

В аэропорту Шереметьево-1 меня никто не встречал. Мой рейс Вильнюс-Москва приземлился уже минут 40 назад, и я все не понимал, почему же меня не встречает Коля. Я набрал Вову:

– Чил, привет. Да, все нормально, только почему-то никого тут нет? Что? Ладно.

Оказалось, что Коля застрял где-то в пробке и не заберет меня сегодня, и Чил сейчас вызовет мне такси. Ждать еще полчаса (или больше) мне абсолютно не хотелось.

При выходе из зала прилета, вас обязательно окружит толпа мужчин, предлагающих быстро и «относительно недорого» отвезти в любую точку Москвы. Это понятие недорого – для каждого свое. Я дал сто евро и попросил полторы тысячи рублей сдачи. То есть, примерно за две тысячи рублей, шофер положил мой чемодан в багажник и повез меня в район метро «Калужская». Я мог бы доехать и дешевле, но не было никакого желания торговаться. Хотелось немного спокойствия.

Был ранний октябрь, и было еще достаточно тепло. Я пару раз даже приоткрывал окно, чтобы впустить в салон VW Вога свежего воздуха и немного взбодриться.

Я помню, что пытался по дороге дозвониться Чилу еще пару раз, но постоянно попадал в пожарную службу. И лишь много месяцев спустя я понял, что просто неправильно набирал префикс номера. Тогда в поездках у меня был американский оператор Singular с кодом штата Миссури, и многие друзья писали мне смс вместо того, чтобы звонить. По приезде в Москву я понял, что без местного номера мне будет крайне неудобно.

С Чилом, как и со многими другими людьми, называвшими себя PUA, я начал общаться в интернете, в общей тусовке людей, нацеленных на соблазнение. Это были те самые люди, о которых я говорил Диане. Кстати, с ней мы почти перестали общаться, и, прочитав однажды в мое блоге о похождениях в других городах – она позвонила пожелать мне удачи и сказала, что я зря так делаю. Кажется, всё можно было сделать по-другому. Но теперь я был одинок, свободен, я решил не думать о болезни и просто делать что-то другое. Мне пришла в голову мысль, что вообще не стоило думать о каком-то совместном проживании или даже о будущем. Нужно было просто дальше хорошо проводить время и всё. Хотя такое времяпровождение всё дальше привязывало, и от него было всё сложнее отказаться. По сути, что я сделал – я сбежал от Дианы, оправдывая это своими желаниями разобраться в себе. Что из этого было основной причиной моих следующих «приключений» – я сам не знал.

Таким побегом от самого себя и от своих мыслей у меня стало смещение области моей деятельности на Россию. Выбор именно русскоязычной страны, а не, к примеру, перспективного Лондона, заключался в двух ключевых факторах. Первое, это то, что на основной работе в компании, карьерный рост мне был закрыт, из-за моего нежелания пройти курс химиотерапии. Там очень серьезно смотрели на здоровье своих служащих. К тому же, мое нежелание могло объясняться тем, что я не боюсь всё потерять. А такое настроение не совсем способствовало проявлению лояльности на работе, как считал мой начальник. У меня было несколько человек в подчинении, и я понимал, что дальше этого, в ближайшее время, мне не пробиться. А с учетом сложившейся ситуации – и не очень-то хотелось. И, если честно,

английский язык немного достал. Второй момент заключался в том, что мне, как и два года назад в ситуации с Лондоном, хотелось проявиться себя в незнакомой среде. Там, где я никого не знал, где я еще не работал.

В России я знал людей лишь по общению в интернете. Сейчас такое время, когда большую часть своей жизни можно запустить в виртуальный мир – и там жить своей жизнью. Так появляются друзья, любимые, те, кого ждешь у экрана монитора. Появляются недоброжелатели и неприятные лица. Там же, по сути, можно и работать, лишь изредка встречаясь вживую, для подписания контрактов или публичных выступлений (хотя и это можно сделать в сети). В интернете, как я уже говорил ранее, я познакомился с людьми, занимающимися соблазнением. Мне показался интересным российский рынок, и я решил попробовать себя там. Но уже не как индивидуального коуча, а как тренера, который обучает группы людей.

Еще до самого первого общения вживую, мы все (я и мои интернетные знакомые) общались в сообществе *gu_ria*. Оно включало в себя многих мужчин, занимавшихся “профессиональным” съемом девушек. Сообщество было закрытым, и новые участники попадали в него лишь по результатам предварительного (более-менее) голосования. Из-за того, что разговоров о сообществе было много, а достоверной информации мало – ходило множество слухов о нереальном мастерстве его участников. На самом деле, все оказалось совсем по-другому.

Основателем этого сообщества был Чил, к которому я сейчас направлялся. А в первый раз мы увиделись в Белоруссии.

За полтора месяца до первого приезда в Москву, в конце августа, я собрался в Минск провести свой новый проект *Ortega Project* на русском языке. До этого он проходил обкатку лишь в Лондоне. Но англоязычная аудитория и русскоговорящая тусовка – это совсем разное. В Минске у меня было бы достаточно свободного времени, и я пригласил Чила провести эти десять дней в столице Белоруссии. В это же время он мог разбавить проект своими интересными наработками. Вова согласился, я озвучил даты, и мы договорились встретиться уже там.

В Минске меня встретили два организатора моего проекта, которые пожали мне руку, взяли мой чемодан и проводили меня к машине. Еще несколько минут в машине, и мы подъехали к дому, где жили первые пару дней из десяти. Открыв дверь, я увидел Вовку.

Под метр восемьдесят, с белоснежной улыбкой и немного грустными глазами, этот парень был одним из лучших соблазнительей Москвы, и, наверное, России, того времени. Этот молодой парнишка подошел ко мне.

– Чииил! – я приветствовал его.

– Ортега, – ответил Вовка.

– Здоров, рад тебя видеть.

– Да я тоже, извини, что не встретил тебя, просто устали мы с дороги. – Вова приехал с парнем, одним его студентом из Иваново. Он должен был снимать на видео наши похождения и потом смонтировать небольшой фильм.

– О, Олег, у меня же есть кое-что для тебя, – сказал Вовка и, наклонившись к сумке, достал что-то тряпичное, – это тебе от меня.

То, что он мне дал, представляло собой вырезанную заднюю часть джинсов с надписью “Chilly” на ней.

– Вов, теперь что, твоя задница в моих руках?

– Ну, типа того, – сказал Чил и засмеялся.

– Ладно. Так, парни, а где перекусить можно?

С первых минут общения создалось впечатление, что встретились два старых друга, которые знают друг друга с самого рождения. Мы смеялись, прикалывались друг над другом и над окружающими. Был момент, когда в один из дней мы познакомились с двумя девушками,

Катей и Верой, на улице, по дороге в какой-то ресторан. Естественно (на тот момент), мы взяли их с собой. Дальнейшее общение между нами происходило в формате Олег - Чил, и девушки сами по себе. На вопрос девушкам «Как вы думаете, сколько мы знакомы?», мы получили ответ “ну, наверное, со школы, или как школу закончили”.

Мы с Чилом переглянулись:

– На самом деле, Вов, сколько, дня три уже.

– Не может быть, – отреагировали девушки.

– Все может быть, – сказал Вова и сладко улыбнулся Вере.

Девушка посмотрела на свою подругу и смущенно отвела взгляд.

В субботу был перерыв во время тренинга, и мы направились пообедать в ресторан, находившийся в центре, на одной из улиц города. Я взял карпачо из говядины, а Вова заказал себе стейк. Он рассказывал мне, как обстоят дела с «тусовкой» в Москве, а я, в свою очередь, говорил о своих клиентах и о ситуации в Европе. В это время у меня зазвонил телефон. Звонила Алёна.

С Алёной я познакомился по дороге в Минск. В Вильнюсе произошла интересная ситуация. Видя, что красивая блондинка также направляется в Минск, я обратился к девушке со словами «Привет. Не скажешь, где в Минске можно хорошо провести время?». Наше общение в тот день закончилось лишь утром, когда меня встречали организаторы. И вот теперь, сутки и пару телефонных звонков спустя, Алёна приехала ко мне.

Я был приятно удивлен тем, что я увидел. Она, загорелая, приятная и красивая блондинка, была одета в мини (или микро) шортики и какое-то подобие маленького тонкого, черного комбинезона, который подчеркивал ее прекрасную фигуру. Мой взгляд постоянно останавливался или на ее промежности или же на декольте. За все время той поездки в Минск я не встретил девушки более красивой, чем она.

Оказалось, что она работает телеведущей на МТВ, и часть лета провела на море в Литве, в паре километров от меня. «Может судьба?» – подумал я. Наверное, так и есть. У себя, в Клайпеде, с учетом всех красивых девушек, которых я видел в ночных клубах и на взморье, я бы не обратил внимания на Алёну, или, по крайней мере, просто бы перекинулся с ней парой фраз. Здесь же, после Дианы, учитывая мой интерес ко всему новому, и то, что мы с Чилом еще не успели осмотреть местные достопримечательности, Алёна была именно то, что мне было нужно.

Мы dokonчили наш обед, сели в такси и отправились на тренинг. Девушке было очень интересно послушать, о чем же мы вещаем.

Приехав на место, мы поднялись на второй этаж и вошли в коридор, по обе стороны которого располагались небольшие аудитории. В самом конце находилась наш зал, с несколькими рядами стульев, и окнами, выходящими во двор. Окна, выходящие во двор, были открыты, так как конец лета в Минске выдался на удивление жарким.

Оставалось два часа теории. Мы закончили рассказывать «челенджи» и я все чаще обращал внимание на то, что студенты смотрят не на меня, а на белорусскую блондинку, сидящую рядом со мной. И даже оператор, снимавший на видео весь тренинг и наши с Вовой приключения в клубах и в городе, постоянно переводил объектив камеры на девушку, а не на флипчарт и нас с Чилом. С одной стороны, было приятно, с другой, процесс обучения был не настолько эффективен. Хорошо, что оставалось всего пара тем на сегодня.

Следующей нашей темой, которую мы рассказывали студентам, была «спонтанность в соблазнении», и тут, я понял, что Вова и сам прекрасно может отвести эту тему один. Я прошептал Алёне «идем», поднялся, помог ей встать, и мы пошли в соседнюю аудиторию.

– Олег, что ты делаешь? – спросила меня Алёна, как только мы остались вдвоем.

– Да я и так уже с тобой пару часов сижу, сколько же можно? – улыбнулся, отвечая на ее поцелуи.

Шортики и нижнее белье были сдвинуто в сторону, и ничего уже не мешало нам разрядиться после жаркого дня и этой пары часов вместе. Мы были в соседней аудитории, двери были открыты настежь и любой студент, который бы захотел пройти в туалет и излить

слишком большое количество минеральной воды, принятой за время тренинга, мог бы нас увидеть. Но, скорее всего, студенты прекрасно знали, что сейчас происходит за стенкой, и именно из-за этого так спокойно сидели на своих местах, слушая Чили Реда.

После тренинга Вова, как он сказал, поехал встречаться с одной из девушек, с которыми мы познакомились в «Белой Веже». Это была хрупкая блондинка, с множеством мелких косичек на голове. Я пожелал ему хорошего вечера и сказал, что скоро увидимся, так как в мои планы входило в скором времени расстаться с Алёной и поехать в «Мэдисон» или же опять в «Белую Вежу». Взяв за руку Алену, направился в город.

Мы прогуливались по проспекту Независимости (Независимости), неспешно рассматривая людей на улице, улыбаясь прохожим и целуясь на улице. У меня было ощущение, что я сейчас в Лондоне, на одной из улиц, ведущих на север от Оксфорд стрит. Помню, что два года назад, в августе, во время Олимпиады была точно такая же погода – жарко, спокойно, и как-то не ощущалось, что еще несколько дней, и лето будет сдавать свои позиции.

– Олечка, а ты когда в следующий раз собираешься к нам?

– Не знаю, может через пару месяцев, а что такое?

– Я даже не знаю, как сказать. Мне действительно странно это понимать, но я не хочу, чтоб ты уезжал.

– Алёнка, ты же взрослая девочка. Не всегда получается так, как все есть на самом деле. Да и представь, если бы мы виделись постоянно, это же ужас был бы. – Мне не хотелось даже думать о том, что будет после того, как я уеду.

– Да, со мной сложно, – Алёна незаметно (как ей казалось) улыбнулась, и посмотрела вперед.

Сложно с ней? Вот молодец, это же я хотел сейчас перевести все к тому, что я негодяй и последняя сволочь. Теперь легче будет.

– Ну, видишь. Я же не знаю, какая ты на самом деле, а то, какой я вижу тебя сейчас – мне очень и очень нравится, – я убрал ее волосы с лица, посмотрел на ее губы и опять поцеловал ее, – и мне с тобой хорошо.

Я не обманывал и не врал. Мне действительно было хорошо. На тот момент. И я знал, что я сам вскоре захочу с ней расстаться, поэтому не надо ей ничего говорить. Пусть у нее останется хорошее впечатление о том, как мы в ней были вместе. Еще же больше недели мне тут быть, несколько раз она уж точно у меня останется. Но не сегодня.

Через некоторое время я спросил ее:

– Малышка. А у тебя какие планы на поздний вечер?

– Я в клуб с подругами, и хотела с тобой побыть, чтоб и ты приехал, я уже подругам сказала?

У меня чуть не выскочило «А подруги очень красивые?»

– Я бы с удовольствием, но что-то я сегодня как-то устал. Сегодня клубная ночь со студентами, а я не очень хочу идти. Попрошу Чила, чтобы он с ними потусовался. А если почувствую себя лучше – тогда присоединюсь к тебе. Хочу сегодня спокойно в клуб сходить, или просто выспаться, – я поцеловал ее, – а ты куда сегодня?

– Мы в «Мэдисон» идем. Присоединяйся, – сказала она и крепко меня обняла. Мы уже подошли к такси.

– Я подумаю. Еще созвонимся. А если не увидимся, то хочу, чтоб ты знала, что ты сегодня просто всех моих студентов поразила. Они мне потом говорили.

– Да ладно тебе, – Алёне очень понравились мои слова.

– Да, даже Чил сказал, что такой классной девушки он давно не видел, а у него вкус хороший.

– Олечка, приезжай, – она явно хотела увидеться сегодня еще.

– Все, я позвоню.

Я посадил Алену в такси и сам сел в другое.

Сегодня я в «Мэдисон» точно не поеду. Надо опять с Чилом в «Вежу».

Вечер вышел не совсем таким, как хотелось. Алена приехала ко мне домой, и после хорошего секса, мы вместе с Вовой поехали в «Белую Вежу». Пробыв там до полпятого, поехали домой, и Алёна уехала лишь утром, перед тем как мы с Чилом поехали на тренинг.

Следующие события смешались друг с другом, и было непонятно, чем мы на самом деле занимаемся, с воскресенья и до пятницы все было довольно интересно, но обыденно.

Индивидуальные консультации студентов, где мы рассказывали студентам о них самих то, что они еще не говорили. Jack Daniel's и карпачо просто сменяли друг друга или же употреблялись вместе. Мне кажется, но за ту неделю я употреблял только алкоголь и сырую говядину. Был стрип-клуб, было караоке исполнение песни «Просто такая сильная любовь» (других компактв на той квартире просто не оказалось) и распитие вина без одежды. Кстати, все сигары, которые я привез с собой – закончились, и мы не знали где их взять в дневное время.

Еще, время от времени, появлялись какие-то девушки и через некоторое время точно также непонятно исчезали, оставляя только запах духов на подушке и телефонные номера в мобильном. Все было тихо и спокойно

В таком неспешном темпе наступила наша последняя пятница в Минске.

В тогда вечером мы взяли столик в «Белой Веже». После самого первого нашего посещения этого клуба, с нами стали обходиться как-то по-особому. Скорее всего, этому способствовало то количество чаевых, которое мы оставляли, и немного дружеский формат общения с людьми, которые обслуживали наш столик.

К полуночи нас, а именно меня с Вовой и наших студентов, было уже около пятнадцати человек. На мне были синие рваные джинсы и рубашка, на которой было вышито Yves Saint Laurent на спине. За полгода до этого я приобрел ее в одном из магазинов на Regent St. в Лондоне. Тогда мне казалось, что эти пятьдесят фунтов, которые я за нее заплатил, могли бы найти более интересное применение. На Чиле были темно-синие джинсы, немного мятые, так как он вытащил их из стиральной машины лишь вечером, и черная рубашка с мелким белым орнаментом. С пары метров цвета смешивались, и она уже казалась серой. На шее у него был интересный кулон. Это был небольшой человеческий череп на стальной цепочке с крупными звеньями.

Два дня назад, ночью, мы играли в одном из казино. С нами вместе была Алёна. Я дал ей фишек и посадил ее за рулетку, а с Вовой мы отправились к столу с русским покером. Я вообще впервые увидел этот вид покера лишь в Минске, и до этого мне не приходилось сталкиваться с такой разновидностью. За столом сидели две девушки лет под тридцать. Обычные для любой страны и мегаполиса, но в Минске, из-за тотальной нехватки денег у населения, эти девушки были более чем “upper medium class”. Скорее всего, это провинциальное чувство превосходства над окружающими и небольшое ощущение власти как раз иногда и развращает в дальнейшем людей, совершивших скачок куда-то вверх.

После нескольких обычных «привет, как игра, а вы откуда, угостите даму шампанским» и ответного «спасибо, неплохо, я с девушкой, хорошего вечера», девушки перекинулись на Вову. Его дружелюбное и спокойное общение и, позже практически игнорирование соседок лишь больше их раззадорило. Через несколько минут, не найдя к чему прицепиться еще, девушки обратили внимание на кулон, висящий на шее у Вовы. Я думаю, в тот момент, он не был рад, что надел его.

– О, череп. Череп, как тебе сегодня играет. Не угостишь ли ты все-таки девушку? А чем вы занимаетесь? Череп, а как вас по имени, еще раз?

– Олег, я вроде не хочу играть в русский, – сказал Вова, – идем за другой стол?

– Да, можно.

Мы перешли к столу с Texas holdem и тут дела пошли немного лучше. У Алёны все обстояло не так плохо, как я предполагал вначале. Она не успела проиграть все фишки, что уже было успехом.

И в эту клубную ночь в пятницу, кулон был опять на шее Чила. Студенты разошлись по клубу и, время от времени, приводили новых девушек, чтобы мы посмотрели на них, и подсказали или помогли в общении.

Вова отошел на некоторое время и вернулся с двумя очаровательными девушками, Светой и Леной. Лена села рядом с нашим другом Сашей, который в тот вечер не пил алкоголь, так как приехал на машине. А Света села рядом с Чилом, и они начали мило общаться.

Дальнейшая пара часов протекала в обычном клубном формате. Народ общался, люди менялись, виски, сигары и карпачо (да, это был поздний ужин) постепенно то появлялись, то исчезали, кто-то из студентов уже уехал с девушками, но большая часть все еще общалась с нами в клубе.

Чил увлеченно и живо разговаривал со Светой. О чем именно был разговор – не было понятно, так как между нами было метра полтора, и с учетом громко играющей музыки, даже отрывки фраз не долетали до меня. При всей видимой радости в общении, что-то было не так. Чил приводился и показал мне, чтобы я встал из-за стола:

– Не получается.

– Что именно, - спросил я?

– Да как-то все нормально, но дальше ничего не идет, – Вова выглядел немного расстроенным.

– Хочешь, я покажу как надо? – Мне хотелось показать то, что до этого Чил уже видел однажды. Простое быстрое влюбление.

– Не, я еще сам.

– Окей, давай.

Мы чокнулись стаканами с виски и, улыбнувшись, сели на свои места. Через некоторое время Вова взял Свету за руку и пошел с ней потанцевать. Со стороны казалось, что вот она, полная идиллия, и еще немного и девушка просто потеряет голову от того, насколько ей хорошо рядом с Вовой. Я, довольный, откинулся на спинку дивана, взял стакан с виски, чокнулся с воображаемым собутыльником, улыбнулся и сделал глоток. JD все-таки хорош. И неважно, что опять принесли «неправильный лед» (Эта фраза родилась в Риге, когда к виски там приносили лед, который быстро таял и портил вкус напитка), все равно чувствуется что он какой-то «мужской», и вкусный. В этот момент меня окликнул Саша, у которого была оживленная беседа с Леной, но общение не слишком явно переходило в сексуальный формат. Я решил немного помочь:

– Лена, ты часто тут бываешь?

– Мы со Светкой или сюда или в «Мэдисон».

– А это считаются хорошие клубы? Я просто не отсюда.

– Да, из того, что в Минске есть, пожалуй, лучшие.

– Еще «Бронкс», но он какой-то странный, – добавил Саша. – В остальные лучше не ходить.

– Интересно, значит как-нибудь надо зайти, – парировал я. – Лен, я вас тут не стесняю?

Мы сидели втроем на одном диване, а Чил со своей девушкой справа от нас.

– Не, Сашу спроси, ты же к нему ближе, – улыбнулась Лена.

– Кстати, а почему вы только так общаетесь?

– А как еще можно? – Лена быстро скользнула взглядом по Саше.

– Ну, смотри, дай руку сюда, – я взял руку Лены. – Вот если ты положишь свою руку Саше на бедро, – я опустил ее руку на ногу моего друга и сверху положил свою, – то ему будет приятно, если ты будешь немного поглаживать бедро, вот так вот. Да тебе и самой нравится. А в свою очередь, если Саша тебя приобнимет, вот так вот (я немного развернул Сашу) и прикоснется к тебе вот здесь, – я положил правую руку Саши на бедро девушки, – с внутренней стороны бедра. Только здесь, чтоб не лезть дальше, ведь еще не время, так ведь? – улыбнулся я.

Парочка рассмеялась и переглянулась.

– Если Саша сюда руку положит, то тебе же самой приятно будет. Как тебе?

– Ну, приятно, – протянула девушка.

– А почему это я вам говорить должен, взрослые люди, а я из вас тут кубик-рубик собираю, – все рассмеялись, – давайте выпьем.

Все потянулись к стаканам, а Саша довольно на меня посмотрел и радостно кивнул. Я утвердительно кивнул ему в ответ. Лена, по-моему, не заметила нашего переглядывания. Удовлетворенный промежуточными результатами моего друга, я огляделся вокруг.

С позиции съема, в клубе были три основные категории людей. Первая – те, кто откровенно снимались и выбирали добычу получше. Практически любая девушка, которая пришла в клуб без парня, относилась к данному типу. Да, в принципе, и девушки, пришедшие с парнями, были бы не против сменить своего Васю Пупкина на кого-то другого. Главное не прогадать и не нарваться на замаскированного Пупкина Второго, которых здесь было достаточно. Вторая категория (в основном мужчины) – те, кто хотели кого-нибудь снять, но 99% времени стояли в стороне и ментально драчили, пытаясь сделать вид, что у них все хорошо. В их глазах читался страх того, что кто-то узнает всю правду, смотря на них, а также была некая надежда, что хоть сегодня они уедут из клуба не одни. С одной стороны – интересное времяпровождение в компании таких же, с другой тайная ненависть и зависть к более сексуально успешным. Возвращение домой в компании друзей обычно сопровождалось замаскированными объяснениями, почему же все-таки сегодня было все так плохо. И третья категория – это те, кто действительно хорошо проводил время и не напрягался насчет происходящего. Девушки танцевали и общались с такими же беззаботными парнями. Кто-то влюблялся, кто-то трахался в туалете, а кто-то перед самым уездом из клуба знакомился с девчонками и все вместе, они направлялись или позавтракать или же сразу домой.

Во время моих наблюдений вернулся Чил со Светой. Он грустно улыбнулся, выпил виски, посидел несколько минут и ушел, сказав, что сейчас вернется. Света подозвала Лену, которая села с ней рядом, и девушки начали шептаться о чем-то. Только в это время я полностью рассмотрел Свету.

Это была высокая загорелая (все девушки, которых мы видели в Минске во время той поездки, немало времени проводили на солнце) брюнетка с распущенными волосами. Она сидела, немного откинувшись на спинку дивана, и в таком ракурсе казалось, что ее ноги, и без того длинные, начинаются где-то в области солнечного сплетения.

Лена отсела назад к Саше, а Света потянулась за стаканом с водой и сделала несколько глотков через трубочку.

– Олег, а что ты один? – спросила Света, немного наклонившись ко мне.

– У меня девушка дома спит, – нагло соврал я, чтобы пресечь хоть какие-то мысли девушки насчет меня.

В таком общении с девушками есть негласное правило – ни в коем случае не встречать в коммуникацию твоего друга с девушкой до того момента, пока тебя не попросят. И ни в коем случае не пытаться соблазнять девушку, с которой общается твой друг. Если хочешь потерять друга – это один из самых верных способов. В этом правиле я пошел еще дальше. Зачастую, я приношу свои достоинства (если они есть) для того, чтобы не было ни мельчайшей возможности у девушки переключиться на меня. А в общении с постоянными девушками своих друзей, пока не сформируется абсолютно дружеский контекст, я могу даже немного игнорировать их и не показывать никакого внимания. Когда как.

В этот раз мне показалось, что наличие девушки и абсолютная индифферентность по отношению к Свете, не даст ей повода даже подумать обо мне в каком-либо формате.

– Девушка спит, а сам в клубе, – рассмеялась она.

– С друзьями, за компанию. Да и с Вовкой я куда угодно, он мне вообще как брат. Я с ним недавно познакомился, а ощущение, что мы знакомы почти вечность.

– Я заметила, вы общаетесь не как все. Мне нравится это.

– Спасибо, мне самому нравится. Он просто офигенный. Кстати, вы очень классно смотрите вместе.

Света протянула руку со стаканом и чокнулась еще раз, сделала глоток и спросила:

– Как у них? – она указала кивком на Сашу с Леной, ворковавших на диване, и не замечающих никого вокруг.

– Не знаю, вроде общаются, – я пожал плечами. В этот момент я увидел, как на нас смотрят студенты, и сказал Свете, что я пойду к ним. Про себя я подумал, что это прекрасная возможность прекратить разговор.

Парни стояли в нескольких метрах в стороне и о чем-то переговаривались.

– Так, молодые люди, как вечер? – обратился я

– Нормально вроде, – ответил невысокий, вечно улыбающийся парень, который на тренинге донимал нас вопросами о групповом сексе.

– А почему одни, где девушки?

– А я общался только что, – сказал Женя, невысокий, коренастый парень.

– Ну, так если общался, почему сейчас не с ней по дороге домой?

– Она сказала, что подругу ждет, и потом поедем уже.

– Похоже на отмазки, – не поверил я, – ладно. Если что, зови.

– Слушай, Ортега, а что там происходит. Почему девушка на тебя ведется, а не на Чила? – спросил Андрей.

– Не, ты что, все нормально. Я просто перекинулся парой фраз и все, а Вовка как раз осваивает модель приза, ничего не делать, чтоб девушка сама проявляла потом заинтересованность. Все нормально.

Я попытался как-то объяснить такое поведение девушки, и, кажется, студенты поверили. Но у самого на душе остался неприятный осадок.

– Ладно, парни, я вниз, сейчас вернусь, – сказал я и направился вниз.

По пути к лестнице, я перекинулся парой оценивающих взглядов с рядом проходящими девушками, получил шлепок по заднице от одной блондинки, которая после этого рассмеялась со своей подругой. Я пригрозил им пальцем и начал спускаться вниз. На лестнице я увидел Вову и сказал ему, чтоб мы вместе спустились вниз, так как там было более спокойно.

Насчет «спокойно» я погорячился, так как в пол четвертого утра в вестибюле и возле бара было не меньше пары сотен человек. Но здесь, по крайней мере, не так громко звучала музыка. Мы увидели наших студентов, сидящих и целующихся с девушками, а кто-то стоял в компании в стороне. Похоже, сегодня им не секс не светит.

– Вов, там студенты спрашивали, что за херня, почему у тебя все так вяло?

– Да сам видишь. Не получается, сидит, руки сложив.

– Ну, хочешь, я покажу как надо, дай две минуты, потом ты, – мне хотелось, чтобы Чил показал себя перед студентами получше. И не только хорошее общение, которое у него получалось, но чтоб наконец-то всё перешло и к сексу.

– Не, я сам, а потом уже, если ничего не получится, ты покажешь.

– Уверен, – я посмотрел ему в глаза.

– Да. Пошли наверх, – Вова сделал шаг в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– Ок, я в туалет и приду.

В туалете кроме меня были еще пара парней, мывших руки, и пожилая уборщица, которая собирала использованные бумажные полотенца, разбросанные на полу, и складывала их в мешок. Увидев такую картину, желание излить виски у меня полностью пропало, и я просто подошел к умывальнику помыть руки. В зеркале я видел отражение этой уборщицы, и у меня в голове сразу промелькнули картинки ее жизни в Минске. Мизерная зарплата, дети, которые, скорее всего о ней не заботятся, начальство, которое на нее кричит. Я вспомнил, что у меня в кармане оставалась фишка из этого же казино на 20 долларов. Вытерев руки и бросив полотенце в урну, я достал из кармана фишку и со словами «Возьмите, пожалуйста», дал ее уборщице.

– А что это такое? – женщина вертела в руках маленький кружок.

– Это фишка в казино на 20 долларов. Обменяйте, или попросите охранника или администратора, вам поменяют.

– Ой, я не могу взять, это же много, – она протянула ее мне назад.

– Это немного, до свидания, – сказал я и направился к выходу, слыша слова благодарности. Они были не нужны.

Открыв дверь в фойе, я почувствовал, как на меня волной обрушилась музыка и крики разгоряченной молодежи. Промелькнула мысль, что неплохо бы набрать алкоголя и девчонок и вернуться с туалет. Спокойный вечер в клубе, когда через стенку все орут и отрываются. С такими мыслями я поднялся наверх и увидел улыбающихся Сашу с Чилом и девушек. Мы еще выпили по Джеку, и Чил показал взглядом, что можно уходить.

– Да? – я вопросительно изогнул брови. Чил кивнул.

Вова пропустил Свету вперед, с ней проследовал и Саша с Леной, а мы шли за ними в нескольких шагах.

– Ну что, все хорошо? – бодро спросил я, приобняв Чила правой рукой за плечи.

– Нет.

– В смысле? – я удивился.

– Потом, – скорее взглядом, чем словами сказал Вова, так как оружие в зале колонки по-прежнему не давали возможности нормально общаться.

– Ок.

Мы спустились к выходу и решили поехать в “X-gay”, ресторан, который по ночам, при наличии диджея, превращался в уютный мини ночной клуб.

Подъехав туда, мы увидели множество людей на улице, которые выходили из заведения. В этот момент я увидел Катю – официантку, с которой мы очень мило общались во время всего нашего пребывания в Минске, и я говорил, что позвоню ей, и мы встретимся этой ночью.

Я отошел от друзей и подошел к Кате, она взяла меня за руки и немного прижалась ко мне:

– Привет, а мы как раз к тебе собирались, – соврал я.

– А мы только до четырех утра работаем, уже все расходятся.

– Жаль. А ты куда сейчас?

– Я к подруге, вещи забрать.

– Давай созвонимся попозже.

– Давай, я позвоню.

Катя направилась к машине, и я бросил взгляд на ее аппетитную фигуру и еще раз оценил заднюю часть ее бедер. Для меня, одна из частей тела, куда я часто смотрю – это место где заканчивается попа, и начинаются бедра. Какая-то важная составляющая женской внешней красоты. У Кати эта часть (как и все другие) была превосходна.

Я вернулся к компании и сказал, что на сегодня тут для нас закрыто.

Было уже прохладно, и Чил предложил встать немного поближе друг к другу и немного обняться. Девушки встретили такое предложение с радостью, так как короткая юбка на Свете и тонкая кофточка на Лене не способствовали удержанию тепла. Приблизившись друг к другу, у нас получился небольшой круг. Справа от меня была Света, слева Саша, а по обе стороны от Чила были девушки. Получилось, что мы с Вовой стоим друг напротив друга и одной рукой приобнимаем Свету, а другой соответственно Сашу и Лену. Мы говорили о том, куда еще можно сейчас поехать, а Вова еще что-то шептал на ушко Свете. Во время перечисления Леной ресторанов и баров, которые могут быть открыты, Чил посмотрел на меня и кивнул, произнеся губами «давай», при этом быстро бросив взгляд на Свету. Я удивленно спросил: «уверен?», Чил ответил утвердительно. Девушки не заметили нашего быстрого и тихого разговора.

Я повернул голову к Свете, посмотрел в ее глаза, немного наклонился и тихо спросил, прикасаясь губами к ее уху:

– А ты куда хочешь?

– Не знаю, куда-нибудь. Холодно уже, – Света улыбнулась.

В это время и спустил руку с ее спины, и в то же время она спустила руку с моей. Мы взяли за руки, при этом прижавшись телами.

Вова посмотрел на нас, глубоко вздохнул и сказал :– «Я хочу домой».

Мы со Светой отошли в сторону, и она сказала:

– Слушай, так ведь нельзя. Я же вроде с Вовой весь вечер сидела. А теперь ты.
– Все нормально. Ты не поверишь, но все действительно нормально. Мы поговорили так, что вы даже не заметили, – я посмотрел на Чила, который стоял с Сашей и Леной возле машины

- Я домой с Леной поеду, – Света проследила мой взгляд и взглянула на подругу.
- Хорошо, я и сам с Вовкой хочу поговорить сегодня. Ты завтра вечером что делаешь?
- Я свободна.
- Я после восьми тоже.

Мы обменялись телефонами, и Саша повез девушек домой. Я хотел найти такси, но Чил сказал, что еще не хочет домой и лучше, если мы пройдемся пешком. Мы пешком направились в сторону улицы Якуба Колоса.

С того вечера мы стали ближе общаться с Чилом. Впоследствии, он иногда вел тренинги вместе со мной, а также занимался организацией в Москве.

Мой шофер от самого аэропорта удивлял меня своим чутьем на то, где в данный момент свободно на дорогах, нет пробок, и где горит зеленый свет. Благодаря этому мы очень скоро свернули с Садового на Ленинский проспект. Оставалась длинная прямая, и где-то там я остановлюсь на ближайшие несколько дней. В это время зажужжал мой Blackberry и на экране появилось сообщение от Wiki “1LR514Y T85R5? K9SS U”

Тому, кто нечаянно мог взять телефон и прочитать такое сообщение, в первую очередь подумалось бы, что это некий сбой сети, и смс пришла абсолютно нечитаемой. Но если присмотреться к переписке, то можно было понять, что первые 10 букв английского алфавита мы с Wiki просто заменили цифрами.

Это был очень легкий и безумно понятный нам язык, необходимый на всякий случай, вдруг любопытная горничная у Wiki захочет прочитать сообщение на ее телефоне. А когда некоторые мои девушки смотрели смс в моем телефоне, подобные тем, что я получил сегодня – я говорил, что это по работе, очередной код программы, или же сбой в пересылке сообщения.

Я ответил “Y5P. S55 U 9N 1 30UPL5 O6 WS. T1K5 31R5”

С Wiki я познакомился в позапрошлом году, в Лондоне, на каком-то скучном «истинно английском» мероприятии. Она с интересом разглядывала меня, как дети смотрят в зоопарке на животных, которых до этого видели только на картинке. Я уловил ее взгляд.

От меня ей - легкий кивок головой, чуть приподнятый в ее сторону фужер с шампанским; небольшой наклон головы и снисходительная улыбка от нее.

Через несколько минут я увидел, что она отошла в сторону и встала одна у балкона. Довольно странно, так как женщина не могла быть в одиночестве в таком обществе. Обычай не позволяют. Я подошел к ней с двумя фужерами, и, с некоторой осторожностью, встал рядом и представился ей. Она с улыбкой и интересом посмотрела на меня и ответила. После нескольких стандартных фраз, я сказал:

– You seem to enjoy my company more than theirs. At least I do, honestly.

– You don't seem to be in the places like these often, do you? – Она улыбнулась уголками губ, и посмотрела вперед.

Перед нами был прекрасный вечерний сад в исконно английском стиле. И действительно было на что смотреть – кусты чайных роз, ухоженные зеленые газоны, изящные скамейки – все это смотрелось очень красиво и даже как-то неестественно практически в самом центре Лондона. И слишком тихо. Единственными звуками были голоса парочек, гуляющих по дорожкам в этом саду и звуки фортепиано за нами, в помещении. Прекрасный теплый летний вечер.

Я смутился. На приемах такого калибра не в своей родной стране в те годы, я был лишь два раза. Во мне действительно еще не было той чопорности и холода, которые время от времени нужно было показывать (пока все еще были достаточно трезвыми).

– Not a big fan of such events. I bet you have figured it out.

– Don't worry. I'm ok with that. Just pretend that you don't care about a thing in this world and they will think you are one of them. I fucking hate it, – сказала она с улыбкой и одновременно с досадой.

Я облегченно вздохнул. Было ощущение, что не надо притворяться кем-то, кем не являешься на самом деле. Похожее облегчение бывает, когда внутри долгое время хранишь какой-то секрет и в какой-то момент ты открываешь его. И на это признание получаешь похожий секрет в ответ. Маленькое откровение, которое позволяет быть более искренними.

– Nice words for a lady, – сказал я, – I see you don't like it here either.

Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись. Лёд растаял.

Через некоторое время я предложил ей прогуляться по саду. Она согласилась.

На следующий день мы встретились пообедать. Виктория шутила, что в этот раз она надеется увидеть меня без смокинга, и что от былой чопорности и холода не останется и следа. Притворяться больше не надо – мы не среди тех, кому за пятьдесят и кто всю жизнь занимался лишь сплетнями и обсуждением своего закрытого круга. Кто где засветился в прессе, у кого с кем роман, и что творит молодежь. О работе никто не говорил. Мало кто из тех людей вообще работал за свою жизнь.

Вика тоже не работала, ее родители тоже. Так было принято. Ее семья жила так уже давно, с позапрошлого века, когда ее пра-пра-пра-пра-кто-то на службе у Ее Величества, получил огромные земли в придачу к титулу. Виктория была бы первой, кто начал заниматься чем-то, кроме того, чтобы просто быть «представителем высшего общества».

Она была чистокровной британкой со всеми вытекающими последствиями - изучала архитектуру и английскую литературу в университете, прекрасно ездила верхом, играла на фортепиано (ее игрой очень гордились родители, так как играла она действительно бесподобно), разбиралась во многих тонкостях, о которых я не имел ни малейшего понятия на тот момент. Я называл ее своей английской wiki, так как она действительно была похожа на “The Big British Encyclopedia” - об Англии и об ее обычаях она знала все. Под таким ником, позже, она и обосновалась в моем мобильном

За обедом мы стали другими. Близкими. Какими-то своими в этом большом городе. Мы не показывали это открыто, но наше общение изменилось.

Помню, я сказал, что заканчиваю работу в семь вечера, и если она не занята, я бы с удовольствием проехался с ней по городу, о котором она так вдохновенно рассказывала. Она сказала, что планов на вечер у нее нет, но даже если бы были, она бы их перенесла. Лед между нами полностью растаял.

В тот субботний вечер, после пары часов прогулок (пеших и на автомобиле) по городу мы поехали в Soho в один японский ресторан, где она безуспешно пыталась научить меня брать суши палочками. Так ловко как это делала она – я просто не мог.

Со временем мы стали слишком близки, но прекрасно понимали, что долго это не будет продолжаться. Я тогда мотался по Европе, а она заканчивала университет. К тому же ее родители не знали о наших отношениях – я был бы первым «не британцем» в ее семье. Наверное, гулять – гуляй, пока никто не знает, главное, чтобы сплетни не пошли.

Мы никогда не говорили, что мы «пара». Я никогда не рассказывал о ней даже своим друзьям, даже не возникало желания похвастаться такой девушкой. Она не рассказывала своим подругам, по крайней мере, я так думаю. Вроде каждый по себе, но когда я прилетал – мы были вместе. Она никогда не спрашивала меня о моих возможных девушках.

Мы виделись все меньше. Расстояние и излишняя привязанность сделала свое. Иногда легче пережить момент, постараться притупить воспоминания и то, что было. В нашем случае – те недолгие встречи, которые случались, и те сложности, с которыми нам приходилось сталкиваться, лишь усиливали наше желание быть вместе.

Я часто говорил Вике, что «кто знает, что будет завтра», что все может поменяться и, может быть, все будет по-другому – ее родители, то, как на нее все смотрят и чего от нее ожидают. А она отвечала фразой, которую услышала от своего преподавателя по истории “Tomorrow was yesterday” и после целовала меня. К сожалению, эта фраза касалась и нас.

– Куда теперь? – спросил водитель, прервав мои воспоминания.

– Сейчас... вроде здесь, – сказал я водителю, сверившись с google maps. Решив ответить на сообщение позже, я стер его, чтобы никто нечаянно не прочитал нашу переписку с Викой (мало ли что), и открыл дверь.

Поднявшись наверх, меня встретил Чил:

– Олег! Привет! – он распахнул дверь в квартиру, в которой я всегда останавливался, прилетая в Москву.

Всегда, (с нашей первой встречи в Минске) когда я видел Вову, у меня на лице появлялась довольная улыбка. Я много раз пытался при встрече с ним не улыбаться, но это просто не получалось. И это было взаимно.

Мы обнялись,

– Привет, Чил! Блин, сколько не виделись уже!

– Давай, проходи. – Он взял мой чемодан.

В этот момент из комнаты вышел черноволосый, загорелый парень с живым взглядом. Казалось, что он или недавно проснулся и полон сил, или у него был потрясающий день. Этого парня звали Саша, а многие обращались к нему “Фюю” – 4you. Он был тренером по пикапу и раньше работал вместе с Чилом.

В сентябре я уже собирался приехать в Москву с одним из своих клиентов. Я обратился к Саше с просьбой организовать нам хорошую развлекательную программу на несколько дней, с клубами, интересными вечерами и полуголом на истребителе. Всё было спланировано, но планы несколько поменялись, и встреча с клиентом прошла в Турине, куда мы прилетели на четыре дня.

Мы поздоровались и перекинулись парой фраз насчет моего полета. Чил сказал, что скоро мы должны быть в городе, а он еще поедет по своим делам и потом присоединится. Я ответил, что приведу себя в порядок после дороги, и мы сможем выдвигаться.

Когда я чистил зубы в ванной, в дверном проеме появился 4ю. Посмотрев на мое отражение в зеркале, он сказал:

– А ты не такой уж и красавчик, – и пошел назад в комнату.

Радужная встреча, ничего не скажешь. Я не представлял, как отреагировать на такие слова. Как оказалось минутами позже, эта фраза никак не влияла на наше дальнейшее общение.

Я переоделся, и мы выдвинулись в город.

Уже сидя в машине, я отписал Вике, что у меня все в порядке. Простое небольшое сообщение, которое оказалось последним на долгие месяцы.

На следующий день, в шесть часов вечера начинался тренинг, который заметно отличался от всего того, что было раньше. Обычно, в самом начале занятий, после вступительных слов, студентам задавался вопрос «Какие у вас цели на тренинг? Зачем вы здесь?». Я слушал их ответы, выбирая ключевые моменты, которые нужно будет проработать с конкретным студентом. Это облегчало мою работу в дальнейшем. Сегодня же, большинство ответов меня шокировало. Парни отвечали, что причиной их появления здесь (помимо отношений с девушками), было желание посмотреть на меня. Увидеть то, о чем рассказывали друзья или писалось в интернете. С одной стороны, их слова мне были безумно приятны, и я с благодарностью смотрел на студентов. Но такое тешущее самолюбие признание оставило глубокий осадок внутри. Я прилетел в Москву научить этих мужчин тому, что прекрасно умел делать сам – чувствовать женщин и общаться с ними. Я хотел сделать их более классными и в

моем понимании, лучшими, во всех проявлениях. По сути, проводя тренинги для мужчин, я работал на благо женщин. И сегодняшние слова, которые они произнесли, делали большую часть моей работы ненужной. Зачем обучать кого-то, если все что нужно – это дружеская беседа и просто провести время в одной компании? Это общение и получалось в дальнейшем, в клубах в барах, в ресторанах, вместе с девушками и в других странах. Все как всегда.

Во вторник, десятого числа, я закончил встречи со своими студентами немного раньше, около девяти вечера. До следующей консультации оставалось чуть больше часа. Я решил пройтись пешком от Смоленского Пассажа, в котором я был, до Тверской улицы, куда в половину одиннадцатого должен был подъехать еще один студент, предварительно позвонив мне. Покинув ресторан и свернув после лифта налево, я прошел по узкому короткому коридору и вышел к торговым помещениям. Людей почти не было, и продавцы в магазинах сидели, читая журналы и изредка поглядывая на уставших охранников в черных костюмах. Остановившись перед выходом из здания, я надел куртку, которую до этого держал в руках, и в этот момент услышал, что ко мне обратились по имени.

– Олег?

Таким голосом обращаются к человеку, когда сомневаются, что это именно тот, кого знают, или кто нужен. Я повернулся назад и увидел девушку в белом пальто, которая неуверенно смотрела на меня.

– Галя?

Галя раньше жила в Москве, откуда улетела три года назад, поехав на заработки в Италию. Высокая стройная девушка, с абсолютно белой кожей. А в сочетании с томным взглядом из-под прямых светлых волос – просто какая-то аристократичность, не свойственная нам. Кто-то оценил это и надоумил ее попробовать себя в качестве модели. Бедная студентка, почему бы ни подработать. На разосланные фотографии откликнулись в Милане. Она сказала об этом маме, а та была лишь рада, дочь наконец-то из дома уедет. Услышав это, Галя готова была не то, что в Италию, а вообще куда угодно сорваться, а тут такой случай подвернулся. Решив ехать, она, наслышавшись историй своих подруг, не думала, что будет легко, была готова ко всему. Но, в итоге, получилось все даже лучше, чем ожидала. Вначале она жила семь месяцев в Милане. Это были голодные дни, как она говорила – сотни кастингов и единичные заказы. Некоторое время спустя работы стало больше, а потом Галя переехала в Париж. Тут, в один момент, все стало немного лучше, и работа завертелась уже по-настоящему. Прорвало. Постоянные фотосъемки, дефиле, начала появляться в журналах, работы становилось еще больше. Наконец-то стало хватать денег, и даже оставалось больше чем надо. Она даже начала периодически высылать значительные суммы родителям. Мама опять полюбила свою дочь, что особенно чувствовалось после каждого денежного перевода.

Эту часть истории, я знал и раньше. Я познакомился с Галей в своем агентстве в Лондоне, где делали серию рекламных снимков с ее участием для какого-то британского журнала. Ожидая директора, я сидел в просторной приемной, где периодически проходили незнакомые люди, в основном на кастинг. Я закрыл глаза и медленно подпевал слова песни, звучащие из наушников:

Я уйду позже
Если я уйду сейчас, то мы не будем вместе,
А так неинтересно.
Но будь осторожна,
Ты охладела, а я стал взрослее,
Возможно глупее.
Мои догадки,
Как я хочу, просто хочу ошибаться,
Не притворяться.
Все так напрасно,
Я потерял почти всех кого я любил,
Как я сильно любил.

Твои цифры, давно, у меня под кожей
Не смотри на меня будто я лишь прохожий.
Удиви меня, я прочувствую твое забвение,
Но я не заметил
Точку невозвращения.

После куплета я открыл глаза и увидел улыбающуюся мне девушку, усевшуюся напротив.
– Славная песня, – она довольно громко сказала мне по-русски.
– Oh shit! – вырвалось у меня, и я продолжил уже на русском, – я имел ввиду, да, неплохая. Не ожидал никого из наших тут встретить.
– А если бы ожидал, тогда бы не пел? – она хитро улыбнулась.
– Не знаю даже, – я немного задумался, – наверное, нет.
– Дай послушать.
Я протянул ей плеер, и девушка, нацепив наушники, ритмично закивала в такт музыке, иногда выказывая одобрение.

Посреди ночи,
Научи смотреть на все твоими глазами,
Жить чудесами.
Если захочешь,
Я прошепчу, и все не будет сложно,
Это серьезно.
Разочарованья,
Мне бы привыкнуть, но это всегда будет больно,
Слишком спокойно.
И обещания,
Оступиться и укрыться в своих словах.

– Клево! – она сняла наушники, – кто поет?
– Эээ, я. Как-то давно записывал.
– Хороший голос, – девушка одарила меня комплиментом.
– Да, ладно, в туалете кричать «занято» сойдет, – я усмехнулся.
– Не, я серьезно.
– Спасибо.
– Хорошо, что пел. Не пел бы, тогда бы не познакомились. Я Галя, – она протянула мне руку.

После ее работы, вечером, мы выпили кофе в кафе. С того вечера мы несколько дней провели вместе, пока она не уехала на Евростаре обратно к себе в Париж. В дальнейшем мы изредка созванивались и высылали друг другу мэйлы, а еще некоторое время спустя, общение уменьшилось до поздравлений на праздники.

Я не знал, что случилось дальше в ее жизни, и сейчас, позвонив и перенеся встречу в French Café (куда я вернулся), я сидел с Галей на мягком темно-коричневом диване. Было странно и приятно, что мы встретились спустя столько времени. Я, коротко поведав ей о своей жизни за последний год (упуская историю болезни), начал внимательно слушать ее повествование. Она с удовольствием рассказывала о произошедших событиях, наверное, переживая все случившееся заново. А я иногда перебивал ее, спрашивая об интересующих меня деталях.

Года через полтора, после того как она перебралась во Францию, Париж незаметно стал для Гали родным. Она начала довольно сносно объясняться на французском, узнала город, и даже могла подсказать дорогу, если ее спрашивали на улице. В ресторанах, ужиная с подругами, она уже не ловила на себе холодные взгляды как раньше, когда просила принести меню на английском языке. Занятия с репетитором быстро дали желаемый результат, и она стала более раскрепощенной и спокойной. Она впервые почувствовала себя «своей» в этом городе, когда указала итальянской туристке, где находится церковь Святого Августина. «Туристы» – улыбнулась она секундами позже, и радостно засмеялась, не ожидая от себя такой фразы. В тот день, на работе, фотограф сказал, что он не знает, что с ней сегодня произошло, но пусть это будет всегда, сегодня она великолепна.

В свободные от работы дни, когда не нужно было вставать в пять утра и ехать на съемки, она любила дольше поваляться в постели. После этого, окончательно проснувшись, посидеть несколько минут на диване, смотря телевизор и держа в руках большую чашку капучино. Затем неспешно прогуляться по городу, посмотреть на уличных музыкантов и мимов, и позавтракать. Она уже знала с десятков уютных кафе, из которых пахло свежей выпечкой и кофе. А еще, в первую же неделю своего приезда, она купила путеводитель с описанием почти всех исторических памятников города, и дала себе слово, что точно не уедет из Парижа, пока не осмотрит их все.

Завтракая неподалеку от очередного собора или музея, которые значились у нее в книге, она вычитывала интересные легенды об этом сооружении, рассматривала фотографии интерьера и изучала его историю. А через несколько минут, уже находясь внутри, она не чувствовала себя чужой. Ей нравилось сопоставлять интерьер с тем, что она видела в книге, и знать, что именно она обнаружит в очередном зале. В такие моменты ей всегда казалось, что она здесь была и раньше, и что она – частичка Парижа.

Ощутить себя парижанкой помогал и тот факт, что Галя наконец-то переехала в центр. Теперь агентство снимало для нее квартиру на Quai aux Fleurs, где она жила одна, а не с тремя подругами, как в самом начале. Собственная квартира, пусть даже и съемная, давала большой простор и ощущение некой свободы. Если принять во внимание то, что и сама она жила на острове Сите, то понимание собственной независимости только усиливалось. Открывающийся с четвертого (пятого, по русским меркам) этажа вид на реку и вяло проплывающие по ней баржи, давал полет ее фантазии. Галя мечтала в будущем обязательно купить подобную посудину, обязательно белую и большую, и пришвартовать ее к берегу. Тогда бы у нее был собственный передвижной дом. Она не знала, возможно ли это, и сколько это будет стоить, но сама мысль ей очень нравилась. Иногда она специально гуляла по набережной, здороваясь с владельцами таких домов, и выспрашивая их о водной жизни. С каждым разговором, и, временами, новой небольшой историей, Галя все красочнее представляла себе жизнь на Сене.

Рядом с новой квартирой находился и ее любимый Латинский квартал, со своими многочисленными университетами и маленькими кафешками. Иногда она ходила в Люксембургский сад, посмотреть на толпы туристов, которые уже начинали ее раздражать, так как они приезжали в ее, уже родной город. Там же она разглядывала родителей, гуляющих со своими детьми. Ей нравилось останавливаться у фонтана с огромным бассейном перед фасадом дворца, и наблюдать за детьми и взрослыми, которые запускали на воду управляемые кораблики. Их можно было взять напрокат здесь же. Галя всегда хотела сама попробовать запустить один из таких же, но ей казалось, что это суденышко обязательно заглохнет где-то посреди фонтана, и ей придется самой лезть за ним. Еще она считала, что у нее не получится управлять этими маленькими кораблями с первого же раза также умело, как это делали даже самые маленькие дети, не говоря уже о взрослых. Однажды, она решила поехать к фонтану в дождливый день, рассчитывая на то, что ни один здравомыслящий человек не захочет запускать корабли во время ливня. А она, таким образом, могла бы попрактиковаться в капитанском искусстве в одиночестве. В тот день Галя надела специально купленный по этому поводу плащ с капюшоном и, вызвав такси, поехала в Люксембургский сад. К ее огромному сожалению, именно в тот понедельник, какой-то кружок умелых ручек, запускал собственные

кораблики. По дороге назад, в такси, Галя про себя на русском отчитывала французов, и их дурацкие забавы. Вернувшись домой и, сделав чашку горячего шоколада, она уселась с книгой у балкона, иногда прерывая чтение и рассматривая проходящие по Сене баржи.

В этом же саду, у дворца, с началом сентября, она наблюдала за студентами из близлежащих университетов, спешащими на учебу или прогуливающими лекцию, и сама мечтала когда-нибудь получить второй диплом здесь, желательно в Сорбонне. Она даже начала изредка общаться со студентами, и, иногда, читая очередную книгу, уже на французском, представляла себе, что скоро сама пойдет на учебу в университет, двумя кварталами правее дворца. А пока, ей нужно продолжать работать с репетитором.

С каждой такой прогулкой Галя все больше впитывала вкус Парижа, и ощущала его не таким, каким он казался в уже далекой Москве. Сама жизнь, которую она теперь видела в городе и какой жила сама, отличалась от всего, что она слышала раньше, и от тех глянцевого фотографий в журналах, на которых она появлялась.

В середине октября, ранним воскресным утром, она сидела на улице за столиком, и держала в тонких кожаных перчатках большую чашку капучино, которую только что принес официант. Можно было согреть руки, которые немного замерзли после долгой прогулки от дома до музея Жакмар-Андре, в который она собиралась пойти. Галя не была особым ценителем искусства, но прекрасные интерьеры, которыми изобиловали музеи, ее просто завораживали. Она рассматривала в своей книге зимний сад и розовый зал живописи музея, запоминая небольшие детали, чтобы позже сравнить их с оригиналом.

В городе начало появляться все больше прохожих и велосипедистов. Подумав, что скоро, к десяти утра, в музей потянутся группы туристов, она обернулась, уже рассчитывая увидеть их неподалеку. Но, посмотрев по сторонам, она не увидела никого, кроме случайных прохожих, которым вряд ли было дело до музея или нее самой. Улыбнувшись, и повернувшись обратно, она поднесла чашку к губам и подула на горячий кофе.

Часы показывали несколько минут одиннадцатого, и она, расплатившись за капучино, положив книгу в свой маленький кожаный рюкзак, и, поправив черный берет, направилась в музей.

Выйдя с Rue de Verni на бульвар, она уже различала очертания музея впереди. Пропустив на перекрестке две машины, Галя перешла на другую сторону дороги.

Вместе с ней дорогу перешел мужчина. Втянув голову в черное пальто, он быстрым шагом шел вперед. Через пару десятков шагов, вытащив руки из карманов, он поправил воротник, и в этот момент Галя увидела, что он что-то обронил на тротуар. Подойдя ближе, она подняла темно-коричневый бумажник. Крикнув – “*Heu, tu as échappé ton porte-monnaie!*” в его сторону, она ускорила шаг. Мужчина, обернувшись, и, похлопав себя по карманам, растерянно улыбнулся. Подойдя к нему, она протянула бумажник

– *Oh, merci beaucoup*, – он благодарственно кивнул головой и немного наклонился.

– *Ne le perd plus*, – сказала Галя, немного смутившись. Она не была готова к такому простому любезному ответу.

– *Merci encore une fois*, – мужчина еще раз поблагодарил ее, забирая кошелек, и, улыбнувшись, пошел дальше.

Смотря на удаляющегося незнакомца, она подумала, что уже утром успела сделать доброе дело, и еще подумала, что как-то быстро все получилось. В это же время, она увидела, что он остановился возле музея и, посмотрев на наручные часы, направился назад.

– *Закрето?* – она обратилась к нему.

– *Да, сегодня, почему-то с двенадцати*

– *Ясно*, – она почувствовала себя немного неловко. Перед закрытым музеем, с незнакомцем, который так мило улыбался ей.

– *А ты тоже туда собиралась?* – он шмыгнул носом.

– *Ага.*

– *Ну что же. Еще два часа есть*, – мужчина расплылся в улыбке, показывая маленькие ямочки на щеках, – *позволь угостить тебя кофе. Ты же спасла мой кошелек.*

Пока Галя искала подходящие слова, чтобы ответить, он быстро продолжил:

– Жан-Жак, – представился он.

– Галина.

– Галина? – переспросил мужчина, правильно выговаривая имя.

– Можно Галя.

– О, так лучше, Галя. А меня можно звать Жак.

Галя согласилась. Они пошли в то самое кафе, которое несколько минут ранее она покинула.

Теперь она уже рассмотрела его полностью. Невысокий, чуть выше нее, с короткими кучерявыми волосами, небольшими усиками и поразительно глубоким и сочным голосом, особенно после первых глотков кофе. Жаку было двадцать девять лет, четыре года из которых, будучи студентом, он прожил в Манчестере. Заметив, что ей удобнее общаться на английском, он часто продолжал свои повествования на более понятном ей языке. В такие моменты Галя была ему очень признательна. Полчаса, во время которых большую часть времени говорил Жак, пролетели незаметно, и Галя, попрощавшись, и сославшись на небольшие дела, которые она может успеть сделать до полудня, покинула его. Напоследок она бросила, что, возможно, они встретятся в музее.

– Если что, приходи на Port de Suffren, – сказал Жан-Жак, посмотрев на Галю долгим взглядом.

Двигаясь к метро, Галя подумала, что это первый молодой человек в Париже, незнакомец, с которым она согласилась посидеть в кафе. Естественно, она встречалась с мужчинами, но, в основном, это были или заезжие коллеги модели, или же кто-то из тех парней, с которыми она знакомилась на вечеринках, устраиваемых ее подругами.

– Очень любезный молодой человек, – подметила Галя, спускаясь в метро Saint-Philippe-du-Roule. Она решила уже не возвращаться в музей Жакмар-Андре, а поехать домой и переодеться.

После закончившейся во вторник недели моды в Париже, у нее и у многих ее подруг была свободная неделя. Сегодня, в четыре часа дня, они все обедали вместе дома у Камилы, девушки из Испании, которая работала в этом же агентстве. Обычные девичьи посиделки. Выслушав новые сплетни и, в который раз услышав старые истории, через пару часов, сказав, что у нее есть дела, Галя покинула подруг.

Направляясь в сторону дома, она вспомнила, что Жак сегодня назвал набережную прямо возле Статуи Свободы. Странно, что он упомянул это место. Она неоднократно там бывала, и кроме вида на Лебединый остров и Эйфелеву башню, там ничего не было. Ну, еще ее любимые баржи вдоль берега. Решив пройтись там, она сошла на Trocadero.

После семи вечера, было уже довольно темно, и именно это время больше всего нравилось Гале. После захода солнце можно было понять, почему Париж называют «городом огней». Улицы и мосты освещались многочисленными фонарями, создающими ощущение, что на самом деле, город живой. Казалось, что город живет своей жизнью, о которой можно узнать лишь ночью.

Впереди, уже включили освещение Эйфелевой башни. Недалеко от нее, лишь перейдя Сену по мосту, Галя повернула направо, и пошла вдоль набережной. Вскоре, немного замедлив шаг, она с любопытством рассматривала толпы туристов, взбирающихся на пришвартованные суда, на которых совершались обзорные экскурсии по городу. Однажды ночью, укутавшись пледом, она сама с группой таких же любителей морских прогулок, плыла на похожей барже по реке, слушая заученный рассказ гида о вырастающих из берегов достопримечательностях. Улыбнувшись своим воспоминаниям, она пошла дальше.

Сразу за причалом начинались как раз те чудесные творения, от которых она была без ума – баржи. Они служили сотням парижан и домом, и средством передвижения по стране. Сейчас, при искусственном освещении, они и вправду казались маленькими домиками. Почти что в каждой из них горел свет, и были видны силуэты людей внутри. Возле одной из барж (темно-синей, как ей показалось), которая была впереди, стояло несколько человек, и о чем-то

негромко разговаривали. Когда она поравнялась с ними, один из них повернулся в ее сторону. Обычно Галя не обращала на это внимание, так как привыкла к интересу со стороны отдыхающих, особенно, когда прогуливалась по набережной, с интересом разглядывая окружающих. Но в этот раз, мужчина, сделавший несколько шагов в ее сторону, неуверенно обратился к ней по имени.

Это был Жак, с которым она познакомилась утром. Галя очень обрадовалась, увидев его. Ей самой было странно ее поведение, но где-то внутри, еще днем, она хотела вновь увидеться с ним. Они перекинулись парой фраз, и Жак сказал, что хочет познакомить ее со своими друзьями, так как он поведал им об утреннем происшествии.

Оказывается, эта темно-синяя баржа с белым верхом была плавучим домом Жан-Жака, а люди, которым ее представили – его соседи. Седой Мигель, в двубортном пальто, похожий на преподавателя в университете, владелец соседней баржи, белой, с зеленой полосой поверх ватерлинии. Гале показалось, что она неоднократно видела ее из окон своей квартиры, плывущую в сторону острова Сант-Луис. Справа стоял лысеющий американец Марк со своей женой Беатрис. Они позвали Галю с Жаком как-нибудь присоединиться к ним за ужином. Жак, увидев, что Галя растерялась, тактично сказал, что у нее сейчас много работы. В прошлом году они продали дом в Нью-Джерси и переехали в Париж. Марк считал, что жизнь на воде – это именно то, что ему нужно. Но уже сейчас ему начинал надоедать весь туристический галдеж и неприятный запах, даже, скорее, вонь, которая иногда появлялась в реке после обильных дождей. Последним ее представили Этьену. Он был примерно того же возраста, как и Мигель и жил в пятнадцати километрах за Парижем. Сегодня, как и каждые выходные, он приезжал в Париж со своей супругой и внуками. Скоро они должны были вернуться из кинотеатра, и пока он коротал время, общаясь с владельцами барж.

Жак предложил показать Гале свой дом, и она, под одобряющие фразы остальной компании, согласилась. Так же они с Жаком попрощались с остальными, которые пошли в сторону Елисейских полей.

Взобравшись по мостику на палубу, Галя чуть не споткнулась о большого черного кота, который недовольно махал хвостом. Жак, улыбнувшись, взял ее за руку и, проведя вовнутрь, включил свет.

Перед ней открылась большая, как бы она сама выразилась гостиная, не уступающая по размерам той, которая была в ее квартире. Уставленная мебелью из темного дерева, с большим диваном из белой кожи и еще одним поменьше, с искусно спланированным освещением вдоль стен и потолка и, что больше всего поразило Галю, с камином. Над ним красовалась черно-белая фотография пожилого мужчины, курящего трубку.

– Это гостиная, – небрежно сказал Жак, и пошел дальше, показывая ей идти следом. Дальше по коридору была кухня, три роскошные кабины-спальни, с прилегающими к ним ванными комнатами, кабинет со столом и компьютером, а также полками, уставленными книгами, и комната с датчиками и трубами – «сердце», как выразился Жак.

– Подожди меня немного там, – он указал на гостиную, – я сейчас, – и зашел в одну из кабин, закрыв за собой дверь.

Галя вернулась назад. Она была удивлена, что этот молодой человек, о существовании которого вчера она даже не подозревала – живет ее мечтой, рожденной в этом городе. Одновременно, ей захотелось найти зеркало и посмотреть, хорошо ли она выглядит. Само мысль о том, что она хочет ему понравиться, ее приятно удивила. Обычно все молодые люди, с которыми она знакомилась, изначально стремились сделать все, чтобы добиться ее расположения. А тут, она, даже подозревая, что она понравилась Жаку, хочет понравиться еще сильнее. Девушке важно чувствовать, себя хоть немного в роли охотника, а не получать всегда готовое. Она посмотрела на свое отражение в застекленной дверце шкафа, и, насколько это было возможно, осталась довольна.

– Мне тоже нравится, – по-доброму рассмеявшись, сказал появившийся из кабины Жак, а Галя почувствовала, как краснеет. – Прошу прощения, – он указал на себя, – я не знал, что у меня будут гости.

За эти пару минут, он преобразился. Вместо черного свитера и прежних брюк, на Жаке была светло-голубая рубашка, расстегнутая на одну пуговицу, и темно-синие джинсы. Он был в очках с тонкой оправой, а под манжетой, на левой руке виднелись часы.

Он пригласил Галю поужинать вместе с ним, и она, вначале отказавшись, согласилась выпить вина где-нибудь неподалеку. Жак надел пиджак, повязал серый шарф на шею, и, взяв в руку пальто, помог Гале подняться на палубу.

Полтора часа спустя, они сидели в ресторане на Rue Lourmel. Пешая прогулка способствовала аппетиту, и Галя, несмотря на то, что обедала с подругами, ужинала вместе с Жаком.

Они успели рассказать друг другу некоторые истории, приключившиеся в жизни, и Гале казалось, что более интересного и красивого парижанина она не встречала. Он был галантен, ловко предотвращал любые неловкие ситуации, вовремя переходил на английский язык и очаровательно улыбался. При этом Жак вел себя сдержанно, и даже его комплименты не показывали его заинтересованности в ней больше, чем она бы хотела.

Галя ответила ему на вопрос, как она оказалась в Париже, начиная с последних недель в России, и заканчивая сегодняшним днем. Большую часть времени Жак молчал, лишь иногда переспрашивая ее. С того самого момента, как она покинула Москву, она ни с кем не говорила так долго и так открыто. Не было того человека, который бы мог ее выслушать, и которому бы она могла рассказать о себе, не опасаясь за последствия, с кем бы могла просто поговорить. Для Гали сам разговор, то, что она делится с кем-то своим прошлым и настоящим, было подобно сексу. Возможно, эти это было равнозначным. Что такое было в Жаке, она не понимала, но ей было хорошо, как уже давно не было.

– А как ты оказался на барже, почему не живешь на берегу?

– О, это долгая история, – начал Жак. – Помнишь Мигеля, ты видела его сегодня, он раньше с моим отцом был компаньоном. У них было две баржи. У Мигеля своя, а у моего отца – та, в которой ты была сегодня.

Пару десятилетий подряд отец Жака, Винсент, устраивал на этой барже недельные экскурсии по Франции и Голландии. В один момент, решив, что жизнь на воде ему наскучила, он купил виноградник в Лангедоке, и перебрался на сушу. Баржа осталась Жаку, который как раз вернулся с учебы в Англии. С того момента, уже на протяжении пяти лет, она находилась во владении сына. Несколько раз в год, начиная с середины весны, объявлялись группы людей, желающих пройтись по рекам Франции, и Жан-Жак, как и его отец, ранее, на несколько дней покидал Париж.

– Тот мужчина, чей портрет ты видела – мой отец, – смочив горло вином, сказал Жак.

Еще во времена работы отца, эта сто футовая баржа пополнилась изысканным интерьером, позволявшим брать немного большую плату за предлагаемые услуги. Этот рискованный шаг полностью оправдал себя, и вложения, баснословные по тем временам, окупили себя менее чем за сезон. В те годы, обслуживая в основном туристов из Северной Америки, Винсент быстро снискал славу самого угодливого капитана, и многие новые посетители его баржи появлялись лишь благодаря лестным отзывам о времени, проведенном в недолгом путешествии. Несколько лет спустя, они возвращались уже к Жаку.

Сена, это единственная улица в Париже, где все друг друга знают. Владельцы других барж удивлялись, почему Жак так редко уходит в поездки. Ведь он мог бы заработать большие деньги, даже просто сдав ее в аренду любому капитану. Но Жаку это не было настолько интересно. Несколько поездок в год с лихвой покрывали все необходимые затраты. Более того, значимая часть дохода оставалась и накапливалась с каждым годом.

Жизнь на воде оказалась практически такой же, как и на берегу. У него были все мыслимые удобства, которые были возможны в обычной квартире, и, случалось, что иногда он днями не покидала своего жилища. Запасов вина хватило бы пережить небольшую атомную войну, а wi-fi и спутниковое телевидение могли скрасить одиночество. Баржа помогала и в личной жизни. Девушки с удовольствием соглашались проплыть по Сене под мостами, и насладиться не только вином, но и Жан-Жаком.

Вернувшись из Манчестера, где он изучал физику, Жак увлекся рисованием. Вначале, его работы годились лишь для растопки камина. Кучи испорченных холстов и килограммы красок в первый год лишь раззадорили его. «Когда-нибудь ведь должно получиться. Нужно больше рисовать» – говорил он себе. Он начал делать небольшие зарисовки постоянно, в поездках, в ресторанах и кафе, на улочках города и в метро. С собой у него всегда был блокнот и карандаш. На второй год Жак уже прекрасно рисовал шаржи и портреты туристов на улицах города. Каждый отданный лист бумаги приносил ему пятнадцать (иногда двадцать) евро и довольную улыбку.

В тот вечер Галя поехала домой. К себе, хотя хотела бы остаться у Жака. Уже после того, как она села в такси, она вспомнила про его серый шарф, который был у нее на шее. Он пахнул Жаком. Той ночью, она положила его на подушку рядом с собой.

Через несколько дней Галя уже ночевала у Жака. Они виделись практически ежедневно. Он любил встречать ее со съемок, и они шли в новое маленькое кафе, где она пила свой любимый капучино. Уличные прогулки стали более интересными, ведь рядом был тот мужчина, с которым ей было хорошо.

Число еще непосещенных музеев и соборов катастрофически уменьшалось, и Жак специально подготавливался к каждому новому визиту, вычитывая в интернете те подробности, которых не было в ее книге. А еще, Гале больше не был нужен репетитор. Жак неплохо справлялся с его обязанностями. Они все чаще переходили исключительно на французский, что не могло ей не нравиться. Ругалась же она, как и раньше, по-русски.

Через месяц они вместе съездили на маленькое кладбище Святого Винсента, где была похоронена мать Жака. Она умерла, когда он был совсем маленький. В тот день, когда они в тишине возвращались домой, Галя поняла, что самые мельчайшие остатки недоверия к Жаку исчезли. Он стал самым близким ей человеком.

На Рождество они слетали к его отцу на юг Франции. Галя была первой девушкой, которую Жак представил ему как свою. Винсент был приятно удивлен. Зная своего непостоянного сына, он понимал, что это большой шаг для него.

В тот же вечер Жак подарил Гале ключ от баржи, ее собственный ключ:

– Твоя маленькая мечта, уже больше не мечта. Баржа в твоём распоряжении, когда ты только пожелаешь. Живи здесь. Если хочешь. Я хочу.

Одна из комнат была полностью отдана под ее нужды, и на ней даже была табличка с ее именем. Это было лишним, так как уже все свободное время они проводили вместе, и одной спальни на двоих вполне хватало.

Мигель, седой сосед, не мог нарадоваться, глядя на них. Он давно относился к Жан-Жаку как к собственному сыну, желая всего наилучшего для него. И Галя, русская девушка, которая была не только красива, но и добра, была для Жака тем человеком, что вернул его к жизни. Мигель давно говорил ему, что рисование портретов на улице, это, конечно, интересно. Но Жаку нужно взяться за холст.

К концу марта Жак нарисовал уже с десяток картин. Вначале, терпеливо привыкая к кисти, он иногда срывался и ругался на своем языке так быстро и непонятно, что Галя смеялась до слез. Начиная с третьей картины, которая была пейзажем, открывавшимся с палубы (если смотреть в сторону Статуи Свободы), он начал выкладывать снимки полотен на своем простеньком сайте в интернете. И неделю спустя, за несколько сот евро его третью работу купил один американец. В придачу к картине, он заказал на начало мая у Жан-Жака недельную поездку по рекам Бургундии для работников своей компании. Вдохновленный таким скромным, но быстрым успехом (а скорее тем, что картина вообще кому-то понравилась), он с еще большим рвением брался за кисть, стремясь быстрее закончить каждое последующее творение.

Но над одной из картин Жак трудился особенно тщательно, скрывая весь процесс от Гали. Это был ее портрет. На нем была изображена она, девушка, какой он ее увидел, обернувшись возле музея Жакмар-Андре. Он подарил ей портрет на свой день рождения, в последний день февраля.

В июне Жак предложил выйти за него замуж, и Галя согласилась. К тому времени они уже не понимали, как могли раньше жить друг без друга. Идиллия. Три года назад, в Москве, она лишь в мечтах могла представить, что окажется в Париже, в городе, который она полюбит, и с человеком, которого будет любить.

В середине августа они поженились. Свадьбу отыграли во Франции, а сейчас, после затянувшегося медового месяца, на годовщину своей встречи, они ненадолго приехали в Москву.

– Детей не хочешь, – я спросил Галю, после ее истории.

– Я сама еще как ребенок, – она рассмеялась, – а вообще, если появятся, я буду только рада.

Галя допила свой уже остывший капучино, и, попрощавшись со мной, поехала забирать Жака, который был где-то в городе на встрече со своими земляками.

– Передавай мужу привет и мои наилучшие пожелания. Ему очень повезло.

– Мне тоже, – тепло улыбнулась Галя, – он потрясающий.

– Верю. Ты бы плохого мужчину не выбрала, – я был рад за нее.

– Все, Олежка, я побежала, – она взяла сумочку с кресла, – соберешься в Париж, звони заранее, чтобы я освободилась. Пока.

Встреча с Галей, и ею рассказанная история очень контрастировала с моим депрессивным восприятием реальности (которое я никому не показывал). То, что случилось с ней в последнее время, Париж, Жак, вся их история, счастливая жизнь все это было так далеко от меня сейчас. Я подумал о Диане и о тех девушках, с которыми я расхотелся. Быть может, я, приближаясь к ним, а потом отстраняясь и убирая их из своей жизни, был с ними жесток, сам того не зная. Я думал всегда о том, что может быть дальше. Но, возможно, в таком понимании, нет ни прошлого, не будущего, только то, что происходит сейчас. Делать все, чтобы было хорошо сейчас. И жизнь Гали – еще одно тому подтверждение.

В половину одиннадцатого, как мы и договаривались, подъехал Илья, двадцатитрехлетний работник банка, высокий, немного худощавый и выглядящий уставшим после четырех дней, которые он провел у меня в группе. Предстояло еще два дня нашего общения, до среды, а сейчас я хотел обсудить с ним некоторые вопросы, о которых он не хотел говорить на занятиях, при всех. На мои ответы и разъяснения потребовалось минут двадцать, и после, уже беседуя как два друга, о посторонних вещах, я озвучил стандартный вопрос, который задавал каждому человеку, с которым я работал:

– А почему ты решил именно ко мне идти?

– О, это долгая история, – Илья усмехнулся.

– Время у нас есть. Ты не спешишь?

– Нет, я специально освободился с тобой увидеться.

– Ну так? – я улыбнулся и вопросительно кивнул ему.

Илья поставил кофе в сторону, взял стакан с водой, и, сделав глоток, начал рассказывать. Он поведал мне о том, какой была его история с девушками раньше, пока он не записался на мой тренинг:

– Все началось с одной книги по пикапу, которая, скорее всего, задумывалась как учебник по достижению девушек. Это были переведенные с английского языка материалы по соблазнению и пикапу, которые один автор выдавал за свои. Эта книга перевернула мое сознание и по ней я жил некоторое время. После того как я прошел мастерский курс нлп - стало понятнее содержание книги, но как оно помогает «клеить» девушек, до сих пор было для меня загадкой. И в отношениях с девушками меня это не продвинуло. Справедливости ради, стоит отметить, что после прочтения книги был период, когда я даже стал встречаться с тремя девушками одновременно, но дальше поцелуев дело не зашло – я просто не знал, как себя вести с ними. Книга скорее настроила мое сознание на восприятие девушек, я стал просто замечать их взгляды и подходить. Редко подходить, переступая через себя и часто чувствуя себя

последним идиотом, так как считалось обязательным сказать что-то такое, от чего у девушки навсегда останется впечатление обо мне. Помню, как я однажды ехал в метро, и вдруг поймал на себе взгляд одной симпатичной девушки, которая сидела напротив, и немного слева. Так случилось, что мы вместе ехали долгое время, переглядываясь украдкой, но, всё же создавая вид, что не смотрим друг на друга. Людей в вагоне было немного, и, в конце концов, после долгих сомнений, угрызений и моральных пинков самому себе, я решился заговорить с ней. Выдав один из заученных шаблонов с какого-то форума – «А мы с вами виделись во сне. Я был в шлеме и на белом коне, а вы прекрасной принцессой». Я до сих пор физически ощущаю ту неловкость, которую я испытывал, говоря эту длинную и ненужно заученную тираду. Но девушка ее блистательно выдержала и дала мне свой номер телефона.

Илья сделал еще глоток и поставил стакан на стол.

Телефоны, кстати, были тем универсальным мерилем, по которому оценивалась вся деятельность начинающих пикаперов. Те, кто еще умудрялся заниматься с девушками сексом после всех подстроек, «свиданок», «прожимов» и прочего - были почти героями.

Так я жил около года. Причем, моя личная жизнь складывалась скорее благодаря тому, что я высокий, симпатичный и начитанный парень, а не благодаря всему тому, что я получал в интернете и от своих собратьев по несчастью. Но это было интересно. Было что-то такое в том, чтобы называть себя пикапером.

Потом случилось так, что меня бросила девушка, и я, решив, что в моей жизни должно быть больше девушек, оказался в первый раз в жизни на пикаперском тренинге. Первое же задание на улице (которое обозначалось термином «полевое») оказалось настоящим кошмаром. Нужно было за определенное время поздороваться с большим количеством девушек. Считалось, что это уберет мою боязнь общения. А я, по совершенно непонятным для меня причинам, испытывал теперь дичайший ужас, как только я приближался к любой девушке. Напарник буквально за шиворот подтаскивал меня к проходящим девчонкам. В зал я вернулся с жалкими двумя телефонными номерами (которые оказались чужими, а не тех девушек) и чувством полного непонимания, что происходит, почему я так себя вел - и что со всем этим делать. Я помню, как вечером того же дня я сидел в Макдоналдсе с ребятами, с которыми вместе проходил тренинг (на вечер тоже были задания), и у меня внутри было все словно выжжено. Взгляд в одну точку, гудящая и абсолютно пустая голова. Так плохо мне не было никогда.

На следующий день к моему удивлению, стало легче. И закончили второй день мы заряженные эмоциями под завязку, и чувством, что все будет хорошо. Но после окончания тренинга, в понедельник, я не мог даже встать с кровати. Я провалялся весь день и встал на ноги только к вечеру. Чувствовал я себя как лимон, который после отжима решили высушить. Ни одной мысли, не одной эмоции, только дикая усталость глубоко внутри. И никакого желания общаться с девушками. Вообще. Можно сказать, что я оплатил свой входной билет в мир пикапа. Я чувствовал, что прошел огонь и воду, но жизнь не изменилась. Если раньше я встречался с девушками, пусть не менял их каждую ночь, но они были мне действительно интересны, то теперь я уже не мог вернуть то, что было, и не мог даже знакомиться, не говоря уже о сексе.

Потом я попал на «Манежку». Каждый вечер, а иногда и целый день, мы с приятелями находились на Манежной площади - альма-матер всех пикаперов Москвы в поисках девушек. Те же телефоны, те же хлипкие результаты, знакомства с парнями с других тренингов и с такими же новичками, каким я был раньше. Было несколько веселых историй, было движение. Но это и все, что можно сказать о том периоде.

Осенью я пошел на еще один тренинг, теперь уже двухнедельный, который состоял из периодов мощнейших позитивных состояний, когда я делал что-то новое для себя - и мощнейших откатов, когда я чувствовал себя полнейшим лузером, и не знал вообще что будет дальше.

Тренеры заряжали нас эмоциями и отправляли вперед, делать «полевые». Там я научился делать задания, которые тогда казались мне выполнимыми, идти через себя, и, наверное, самое

главное, я научился делать все для галочки. Самое главное – дать результат на тренинг. А как это будет сделано – без разницы. За невыполнение заданий назначали штраф. За опоздания собирали деньги, хотя никто в действительности не понимал, зачем? Ведь если бы то, чему нас учили, было бы действительно ценным – все бы приходило вовремя. Нам объясняли, что это было сделано для организации процесса, но люди все равно опаздывали. А еще на лицах некоторых парней я читал готовность «выполнить штраф», который они прописали перед тренингом, нежели подойти к девушке. Считалось нормальным солгать, и сказать, что все задания выполнены. Я их отчасти понимаю – не хочется быть лузером перед своими братьями. В итоге, тот, кто больше всех лгал – по завершению тренинга становился местным авторитетом в кругу пикаперов. А большинство историй на перерывах были про то, как у парней что-то не получилось. Причем рассказывали они о своих неудачах с горящими глазами. В общем, была жесткая, но четкая система, в которой унижение и страх наказания ставился на первое место. Женщины были врагами, мясом, и единственным возможным вариантом победы над ними было их трахнуть. Но парни тренеры были веселые. Они немного нивелировали это негативное восприятие действительности с бесконечными ужасными результатами.

Мне лично эта система дала результат – за сутки с небольшим я переспал с двумя девушками. С одной из них я потом встречался почти год. Но при знакомстве с этими девушками я делал все «не по правилам» – я просто общался с ними и чувствовал, что они «ведутся» – тогда я старался не вспоминать о произошедшем со мной ранее, а просто был самим собой. Уж лучше бы всего моего прошлого опыта вообще не было.

После тренинга я опять угодил в провал. Мне было проще встречаться с одной девушкой, чем знакомиться с другими. Страшно. Были девушки из прошлого, которые иногда приезжали ко мне, и с которыми я спал. Но каждая девушка была лишь для галочки. После секса с ними мне почти всегда хотелось оказаться от них подальше. Удовольствия не было почти никакого, особенно когда я вспоминал, каким образом они попадали ко мне домой. Качество девушек становилось все хуже и хуже и в конечном итоге я стал похож на тигровую акулу, которая жрёт все, что попало. И все сводилось к очередной новой галочке. Это была полоса большого самообмана. Чувств к девушкам (я не говорю о любви – хотя бы влюбленности) хватало максимум на неделю (если я старался) потом я становился к ним равнодушен. У парней, с которыми мы по-прежнему общались после прохождения тренингов и всей информации, которую они переварили – дела были еще хуже. Некоторые вообще не могли ни с кем переспать.

Илья наклонился к столу и сделал глоток кофе, который уже немного остыл:

– Потом еще я ходил на тренинг, который был направлен на развитие коммуникации. Считалось, что мы должны научиться убеждать девушек в том, что они должны с нами спать, а также, информация на нем научит нас убеждать, оказывать влияние, в общем, прокачает по полной программе. У нас вел тренер, который очень старался. Но не так, как надо. В нем всё было не то. – Илья задумался, - более неестественного тренера я не видел никогда. Это чувствовалось в его движениях, в его реакциях на рассказы парней. В его речи. Смех тоже казался неестественным. Он кидался маркерами, постоянно показывал «фак». Хотя информация, которую он давал, в общем, была довольно полезной. Но учиться у него не хотелось. Его поведение и то, как он общался, приобретало какой-то уродливый оттенок. Да таких много, не он один. Не суть.

Я смотрел на Илью, который, увидев красивую, загорелую официантку улыбнулся ей, а потом опять повернулся ко мне:

– А потом уже, я услышал о тебе. Читал твой жж, видео смотрел, слышал рассказы про тебя и все твои красивые соблазнения. Как девушки сами соблазняют. Что ты совсем другому обучаешь, не как остальные. Тому, как ты действительно сам делаешь, а не на словах. Это я у тебя и увидел. Поэтому я здесь.

– Ну что я могу сказать, хорошо, что пришел. Может, и во мне разочаруешься со временем, – я усмехнулся.

После недельного пребывания в Москве, которое прибавило мне и сил и желания в дальнейшем работать с Россией, я прилетел в Вильнюс и в тот же вечер уехал к себе, на море. На следующий день, ближе к ночи, я встретился с Димой, и мы отправились по клубам как в былые времена. О Диане мы не говорили.

Утром, я проснулся довольно рано, как это обычно бывает после долгих гуляний. Выпив воды и приведя себя в порядок, я выбрался из дома. На улице было довольно тепло, казалось, что ненадолго вернулось позднее лето. Перейдя дорогу, я поднялся на третий этаж торгового центра, в книжный магазин, и прошел к полкам с зарубежной прозой. После тяжелой ночи мне хотелось спокойно позавтракать и почитать что-то новое. Какой-то баланс между праздными гуляниями и просвещением. В магазине было несколько людей, которые неспешно прогуливались вдоль стеллажей с книгами. Я взял первую попавшуюся книгу, посмотрел, что, автор и само произведение мне незнакомы, и направился к выходу. По пути я увидел хорошенькую темноволосую девушку, в светлых штанах и короткой белой майке. Она была в солнечных очках, закрывавших ее глаза. Тихо подкравшись к ней сзади, я наклонился к ее уху.

– Тяжелая ночь? – я шепнул ей

Девушка вздрогнула, не ожидая никого рядом. – Почему это? – она растерянно ответила.

– В очках рассматривать книги, – я посмотрел на потолок, – солнца вроде нет.

– А почему ночь тяжелая? – девушка сказала уже более уверенно.

– Глаза всю правду говорят, где была, что делала, вот и прячешь их – я произнес более тихим голосом. Она рассмеялась. – Да я сам такой. Не помню, чем вчера занимался. Были бы очки – тоже бы надел.

– Дать мои? – девушка сняла свои очки и улыбнулась. У нее были большие карие глаза

– О нет, не надо, – я более пристально на нее посмотрел, разглядывая ее глаза, – нет, точно не надо. Они тебе больше нужны, – и сразу добавил, – шучу.

Девушка, смеясь, легонько стукнула меня кулаком в грудь.

– Да, сволочь, мерзавец, грубиян, это всё ко мне, – с последним словом я утвердительно кивнул.

– Совсем не сволочь, – она опять оглядела меня, – что читаешь?

Я показал ей книгу, которую недавно взял с полки.

– На сегодня уже выбрал, – сказал я, указав ей на обложку, – «Случайный турист», люблю покупать разные интересные книги, а потом по несколько фраз из них запоминать. Создается впечатление, что читал, – девушка ухмыльнулась, – можно потом говорить, – я нахмурил брови, – А вот мне больше всего нравится творчество несравненного Пауло Линса. А несравненный он потому, что мне не с кем его сравнить.

Мы рассмеялись.

– Да и дома на полке неплохо смотрятся, – я перевел взгляд на девушку, – если друзьям не отдам. Вообще, классная книга вроде.

– А фильм ведь есть, – девушка робко перебила меня.

– Так есть еще и фильм, – я сокрушенно уставился на нее, – фильм не смотрел, придется читать. А вообще, знаешь, мне кажется, что каждый писатель, должен выпускать двд к своей книге. Минут на двадцать максимум. Кратко описать, как там все происходит, сам должен рассказать, кто там главный и что будет в конце книги, чтобы мы знали – читать ее или нет. А пока такого нет, – я глубоко вздохнул, – придется читать. Хотя не обещаю, что прочту полностью, – я улыбнулся и сразу продолжил более официальным тоном, – ну что же, милая девушка, хорошего тебе вечера, а мне, – я посмотрел на книгу, читая имя автора, – придется общаться с мисс или миссис Энн Тайлер. Вроде миссис. Старая тетка на вечер, – я улыбнулся. – Хорошего вечера тебе.

Девушка рассмеялась и сказала «тебе тоже», а я направился к кассе.

– Кстати, – сказал я ей, развернувшись, – тебе можно и без очков ходить, – и подмигнул.

Пройдясь еще по нескольким магазинам, я спустился на лифте на первый этаж и увидел ту самую брюнетку, смотрящую на меня. Я шел к машине, и выход на стоянку был в той самой стороне, где была девушка.

– Все-таки очки сняла, – сказал ей, когда между нами оставалась пара метров. Она улыбнулась.

– Эй, читатель, – она кивнула мне, – поехали, позавтракаем.

– Милая девушка, ты хочешь, чтобы я отказал сегодня миссис как ее, – посмотрел на обложку, – Тайлер, и поехал завтракать с тобой, загорелой, красивой, – я начал рассматривать ее, и сопровождать это словами, – классно одетой, уверенной в себе, – я поднял указательный палец, – и сексуальной, да, сексуальной и умной девушкой. Так? А потом, мы понравимся друг другу еще больше и пойдем насколько нам хорошо вместе и поедем ко мне домой. Ты одна живешь?

– Да, а к чему такие вопросы? – улыбка не сходила с ее лица.

– Тогда или к тебе поедem, хотя скорее ко мне. А потом найдем этот самый фильм по книге, и пока он будет скачиваться – мы будем кончать на кровати. Так?

Она рассмеялась в ответ: – Я с тобой спать не буду. Нет.

– Ну, хорошо, – я переложил книгу в правую руку, – тетка Тайлер подождет. Идем.

* * *

– Я в душ, – Надя сползла с постели и направилась в ванную, а я, раскинув руки и ноги, как морская звезда, уставился в потолок. Тяжело дыша, и все еще чувствуя приятную усталость после секса, я ощущал, как капли пота скатываются по телу и соприкасаются с простыней. От этого было немного холодно и щекотно. Я поднял валяющееся на полу одеяло и, вытерев им лицо и грудь, соскочил с кровати.

Из ванной доносилось журчание воды, и было слышно, как Надя поет. Я улыбнулся. Нечасто у меня дома были девушки, которые пели в душе. Достав из холодильника пачку ананасового сока, я начал жадно пить. Сделав несколько глотков, я ногой закрыл дверцу и, секундами спустя, открыл дверь на балкон. На улице уже стемнело, и на еще немного светлом небе уже были видны звезды. Я опять прошелся на кухню, и, сделав пару глотков, уселся на стол. Каменное покрытие было непривычно холодным.

Тем временем Надя открыла дверь ванной и вытиралась полотенцем прямо в комнате, а я, улыбаясь во весь рот, пялился на нее.

– Что смотришь так? – она спросила, вытирая плечи.

– Нравишься. Секс с тобой обалденный.

– А ты сомневался?

– Ни капельки, – я честно ответил. Спустившись со стола, я подошел к ней. – Попка классная у тебя, – я положил левую ладонь ей на ягодицу, и она довольно улыбнулась. Отойдя чуть в сторону, я сел на диван и поднял сок вверх, – пить будешь?

Сегодняшний день мы с Надей провели вместе. Рабочая неделя у нее начиналась лишь завтра после обеда, поэтому сегодня до сна еще было много времени.

– Вообще, надо начинать работать со вторника. Понедельник, как известно, день тяжелый.

Сообщив ей об этом, она пообещала мне сделать понедельник выходным днем, как только станет правителем Земли. Зная ее (насколько позволил сегодняшний день), это вполне может произойти.

Сейчас, опять лежа после душа в кровати, мы рассказывали друг другу истории из своей жизни, а также понемногу перешли на разговор о мужчинах и женщинах. Надя рассказала, что все в ее жизни довольно хорошо, если бы не один момент. Несколько месяцев назад она встретила Максима. Познакомилась в клубе с симпатичным парнем, потом несколько раз встречались, спали, но при этом у него были другие девушки, а она точно также встречалась с

другими парнями. Обычная жизненная ситуация, как часто бывает. А через пару недель Надя осознала, что никого, кроме Максима, ей больше не надо. Жизнь стала какой-то более красочной и яркой. Своему избранному мужчине она тоже нравилась, даже больше чем нравилась. Они начали чаще видаться, потом стали все реже проводить ночи по отдельности. И, как-то, сама того не понимая, Надя заметила, что они уже все время вместе. И тут она поняла, что не просто влюбилась, а полюбила его. Накрыло, как только это возможно. А Максим, почувствовав, что больше не нужно ее добиваться, охладел. У него все чаще начали появляться внезапные дела, которые нужно было решить. Появились какие-то пропавшие ранее друзья, с которыми он проводил вечера и выбирался в клуб. Надя продолжала видаться с ним, но уже знала, что он изменяет ей. Максима она видела в клубе с девушками, и он всегда говорил, что это просто подруги. Иногда она караулила в машине у его дома, видя, как он приезжает к себе с другой. В такие моменты, она звонила ему, спрашивая, как ее любимый провел день, и какие у него планы на вечер. Максим обычно отвечал, что очень устал на работе, и сейчас уже ложится спать. Сказав, как по ней скучает и как хочет ее увидеть, но эта чертова работа... он клал трубку. А она, сидя в машине, беззвучно плакала и била кулаком по рулю. Иногда, дома, когда Максим был в душе, Надя брала его телефон и просматривала сообщения. Вот Максим написал ей, как он ее любит, а следующая смс какой-то Алине, что, через двадцать минут, он заедет за ней. Она презирала себя в те минуты. Если бы кто-то раньше сказал Наде, что она будет с мужчиной, который будет ей изменять – она бы рассмеялась ему в лицо. А сейчас, она закрывает глаза на все, о чем знает. Надя не могла больше представить себе жизнь без него. Все было нормально, но очень серо без него. И его ложь, все, что он делал, более редкие встречи – это все, что ей оставалось. Бывало, что он приезжал поздно ночью к ней домой, они занимались сексом, и Максим, поцеловав и обняв ее, засыпал. А Надя, лежала, смотря на него и целуя его руку, и вытирала слезы. В такие моменты она всегда считала, что счастье – это быть здесь и сейчас, и надеялась, что эта ночь никогда не закончится. Она всегда боялась спрашивать его о возможных (очевидных для нее) девушках. Признался бы Максим или нет – не важно. Наверное, было бы даже лучше, если бы он сказал правду. Иначе бы она еще меньше уважала его, слушая, как он оправдывается, и говорит, что ничего не было. Хотя, когда Максим говорил, что любит ее, Надя отключалась от всего, что знала о его изменах. Ей так хотелось ему верить и ничего не говорить самой. Иногда легче молчать.

Со временем встречи стали все, реже. Прекратились телефонные звонки и сообщения по вечерам. Стало все меньше совместных ужинов, и они все реже стали появляться вместе на людях. Романтические вечера дома при свечах остались в прошлом. Теперь они виделись раза по два в неделю. И каждый раз она высчитывала часы и минуты, в ожидании этой недолгой встречи. Все остальное время, как Надя сказала, она не жила, а ждала его. Потом он ее оставил, так и не сказав, что изменял.

– Больше никаких отношений, по крайней мере, с такими духовными инвалидами, – сказала мне Надя и нервно усмехнулась.

– С кем?

– С теми, кто еще не дорос до любви, и меня не принимает.

– А, понятно, – я задумался.

После небольшой паузы, я поведал о своих недавних приключениях в Минске, чтобы она не оставалась в своих мыслях. Она уже всю слушала меня, забыв о недавнем разговоре, и все чаще улыбалась. Через некоторое время она опять была той же самой веселой девушкой, как и вначале. Когда я завершил свой рассказ, Надя, повернувшись полностью ко мне, и, подложив руку под голову, сказала:

– А хочешь, скажу, какое мнение у меня сложилось о тебе?

– О, давай, послушаю.

– Ты классный, – она рассмеялась.

– Ага, знаю, дальше что.

– Ты хорошо одеваешься.

– Подлецу все к лицу, не буду даже спорить.

– Стильный, – она продолжила, – пахнешь хорошо (я понюхал себя). Ты знаешь женщин, и знаешь, чего они хотят.

– Знаю, что хочешь ты? – я положил руку ей между ног.

– Не перебивай. Насколько я тебя успела понять, знаешь не только меня, – Надя улыбнулась. Ты можешь дать женщине именно то, что она хочет. Распознать, что нужно и это дать. Эдакий мужчина, с сердцем, чувствами и яйцами.

– Первый раз такое заявление слышу. Супер. Вот что значит знакомство с начитанной девушкой. Что еще?

– С тобой хорошо. Умеешь создавать какую-то ауру вокруг себя. К тебе люди тянутся, и хочется рядом быть. Какое-то притяжение.

– Ну, с этим проще, – я пододвинулся к ней, и повернулся на бок, – видишь, сам притягиваюсь.

Она рассмеялась и поцеловала меня.

– А у тебя есть кто-то?

– Кто именно? Собака?

– Нет. Девушка постоянная есть? Жена может?

– Нет. Я не желаю другим зла.

– Хватит шутить, я серьезно.

– Нет. У меня нет того человека, кто бы меня терпел.

– Ну, такого терпеть довольно приятно, – Надя хитро улыбнулась. – А часто у тебя вот такие встречи как со мной бывают?

– Именно такие – нечасто. А вообще, порядком.

– Не надоедает так?

– А почему должно надоесть? У меня девушки только тогда, когда сам хочу. Я ж себя не насирую.

– А как на это подруги смотрят? Они знают, что ты такой?

– Какой? Я просто делаю то, о чем другие только мечтают, и все. Ай, не хочу, об этом.

Некоторое время мы лежали молча.

– Слушай, а ты вообще никогда не думал жениться?

– Думал, как-нибудь, – я усмехнулся. – Вообще-то жениться – это плохая примета. Это давно люди узнали. Вот все хорошо бывает, а потом решили пожениться – и все. Ссоры, дети, мусор выносить, зачем надо это? Разберусь со своей жизнью, потом посмотрим. А тебе это зачем? Меня заарканить хочешь?

– Нет, просто спросила. Такой парень, и холостой. Даже странно.

– А я тебе для чего нужен?

– Как это?

– Ну, как же. Девушка с первых минут понимает, что именно она хочет от мужчины – секс, женитьба, отомстить ему за то, что он еще не сделал, или же дружба. Хотя нет, дружба, это когда ей ничего от него не надо.

– А как ты думаешь, что мне от тебя надо? – она толкнула меня в грудь, и я лег на спину. Надя наклонилась надо мной, игриво улыбнулась и сказала: – на женитьбу – нет, ты не для глубоких чувств...

– А вот сейчас ты меня обидела, – я прервал ее.

– Олег, ты, и глубокие чувства, – она фыркнула, – не поверю.

– Зря, честно. А вдруг у меня душа есть, любви хочу, и кучу детей перед домом?

– Не сейчас ты этого хочешь.

– Умница, – я приподнялся, и, чмокнув ее в губы, опустил голову на подушку, – вот это более похоже на правду.

– А то, что мне от тебя надо, – она села сверху, – отомстить за все, что у нас не будет. И секс.

Я всегда восхищаюсь женщинами, которые умеют открыто показывать свои желания, или же, красиво на них указывать. Теми, что могут понять для себя, чего они хотят, и, не стеснясь, выразить это. Без вульгарности, без пошлой сексуальности, без навязчивости. Теми, которые не стараются подстроиться под мужчину или современные социальные рамки, а делают так, чтобы ими восхищались окружающие. Без блядства и развязанности. Теми, кто ощущает некую тонкую внутреннюю грань, которая проявляется и в поведении, и в отношении к другим, и в отношении к самой себе. В наше время слишком значим акцент на примерное поведение и общественное мнение, на то, как себя нужно вести, какую роль сыграть для других, какое впечатление о себе составить. Женщинам, в этом плане, гораздо сложнее. Они, в жизни, в большей степени зависят от мужчин, чем мы от них. Из-за этого и из-за столь распространенной мимикрии, желания соответствовать, правилам, и еще быть, по крайней мере, не хуже других, они часто забывают, кем являются на самом деле. В результате, начинается общение мужчин не с теми женщинами, какими они, в сущности, являются. И лучшие мужчины без самых прекрасных женщин становятся вымирающим видом.

Как часто бывает, что, познакомившись, пообщавшись несколько минут и обменявшись контактами, при следующей встрече, образ, дополненный фантазиями и дорисованными мыслями, не соответствует действительности. И спутница, с которой уже представляется классный секс в постели, и дальнейшие встречи и радостные моменты, она становится не «настолько» интересной, уже в начале вечера. Мы чувствуем, что нашу маленькую мечту как бы предали, а та красивая картинка недалекого будущего – на самом деле была лишь в нашем воображении. И с каждой последующей девушкой, мы все больше закрываемся и все меньше отдаем себя другому человеку. Конечно, секс хорош. В этом мы любим всех женщин. Или почти всех. Но, с годами секса становится больше, а любви меньше. И, проведив до двери очередную девушку, с которой было точно также божественно, как и со многими предыдущими, мы все равно понимаем, что, по сути, опять остались одни. Та, о ком забываем через десять минут после оргазма, не сделает мужчину счастливым. Зная это, мы и сами не стараемся для женщин, не видим в них «тех самых». В итоге получаем в своей жизни что-то, усреднено-серое, обычное. И становимся надменными и циничными ублюдками, в чем, никогда, на трезвую, незамутненную голову себе не признаемся.

И лучшие женщины, общаясь со средними мужчинами, сами, со временем, станут такими. Кстати, с нами все точно также.

В итоге – все хотят любви. “Love is all you need” – кто-то распевал эти слова, и был прав.

А бывает так, что одна из таких женщин, девушек, что смотрит на тебя в ресторане взглядом, который нельзя охарактеризовать иначе как “Fuck me eyes”, подойдет к тебе и перебросятся парой фраз. Она даст тебе салфетку с уже выведенным на ней номером своего мобильного. Это будет не одна из тех, кого ты встретишь поздней ночью в клубе, обдолбанную кокаином, и которая будет с упоением сосать тебе в туалете, а наутро не вспомнит, каким ты был по счету. Для нее уже нет ни прошлого, не будущего. Только то, что происходит сейчас. Хотя, будущее тоже есть.

Так вот, это будет девушка, безусловно, прекрасная, но уже разочарованная и не живущая иллюзиями, несколько раз брошенная и еще больше сама бросавшая, ничему не удивляющаяся, и безумно боящаяся опять попасться на какого-нибудь мудака из прошлого, каким ты можешь стать. Если она хочет не просто секса, то она тебя боится. Вообще-то, она тебя боится, даже если хочет лишь покувыркаться в постели. И эта боязнь не позволит ей подпустить тебя к себе. Вы вместе можете радоваться полуторачасовому оргазму, но это не сделает тебя ни на шаг ближе к ней. Всего лишь на ...надцать сантиметров. На сегодня. Лишь секс. Больше ничего не связывает.

И в какой раз, ловя завистливые взгляды окружающих мужчин, многое бы отдавших за то, чтобы оказаться на твоём месте - ты будешь наигранно устало рассказывать другу о том, что все же девушки, оставляющие на салфетках номера телефонов, это такое клише. А про себя думать как же это все-таки приятно! Но почему-то опять кажется, что не будет ничего большего, чем секс. Две-три недели полурегулярных встреч максимум.

А та девушка, с которой ты познакомился в клубе, она тоже хочет любви. По ночам в городе появляются хищники. Или все же падальщики? И для них, да и для нас тоже, в жизни есть слишком много отношений, но так мало настоящих чувств.

*Ты в Милан, а я в Лондон,
Сколько стоит твоя любовь?
И в моем и в твоём небе - дождь.
Что с нами будет завтра,
Чего стоит твоя любовь?
И в моем и в твоём небе снова дождь.*

7 января. 9 утра.

Посмотрев на Юлю, я опять захотел ее. Мы занимались сексом часа три назад, когда я проснулся потому, что захотелось пить. Сейчас же, я повернул ее к себе спиной, и медленно, даже немного сонно, вошел в нее.

Обычно, после секса утром, сон снимает как рукой и хочется идти и выпить кофе. Юля же сказала, что еще часа два хочет поспать. Странно.

Спокойно я эти два часа точно не просижу, а делать что-то надо. Я встал и подошел к балкону. Открыв его, я сразу же ощутил, как морозный воздух пробежал по коже. Высунув голову за пределы квартиры, я посмотрел по сторонам, убеждаясь в том, что город еще спит в это солнечное зимнее утро.

Я часто выезжал покататься поздно вечером или ранним утром. Проехать за городом, найти новые дороги, или же проехать по уже излюбленным трассам. Я решил, что надо поехать прокатиться куда-нибудь и сейчас.

Так, что надо сделать? Одеться, взять часы, ключи и документы от машины, посмотреть на себя в зеркало и открыть дверь. Спуститься в гараж, сказать машине «привет, малышка. Соскучилась?». Завести движок, почувствовать, как машина просыпается, поиграться с газом, слушая завывания компрессора, отражающегося от стен подземной стоянки. Короткая джинсовая куртка с мехом не мешает за рулем, можно ее не снимать. Тихо выехать на улицу, остановиться на светофоре и пропустить переходящего улицу замерзшего мужчину, укутавшегося в меховой воротник.

Через несколько минут поездки повернуть в сторону моря. В сентябре с этого моста слетел знакомый на STI, не надо повторять его ошибки.

Понимая, что я опять один, сам по себе, за рулем, и рядом нет девушки – я улыбнулся. Небольшие облака закрыли солнце, и оно уже не так сильно отражалось в зеркала заднего вида, и не ослепляло при поворотах.

Движок нагрелся, все суставы (мои и малышки) готовы к приятной поездке. Еще 400 метров прямо, потом поворот направо и... Несколько километров прекрасной узкой извилистой дороги вдоль моря. Ограничение 80, но прекрасное сцепление с дорогой и отсутствие машин вполне позволяет не беспокоиться, когда стрелка спидометра пересекает отметку в 140.

«Ну что, малышка, поехали». Переключаю в спорт режим, и сразу ощущается лучшая реакция машины на педаль акселератора. Ну что, все готово для прогулок по побережью.

Небольшой поворот налево, можно срезать угол по встречной, не сбавляя скорости. Метрах в трехстах впереди что-то перебегает дорогу. Косуля! По одной они никогда не ходят. Так и есть, за одной сразу же выскочила другая. Хорошо, что они зимой более осторожны, чем летом.

Все, дорога свободна. Ни одной машины, и приближаюсь к затяжному повороту направо с ограничением 60км/час. Я всегда прохожу его на скорости 120, возможно это какая-то засевшая мне в подсознание установка анархиста, «в два раза больше чем можно». Прошел центр поворота, наращиваю скорость, можно выйти и на встречную... машину немного дергает вправо. Чувствую, что проскользнуло правое переднее колесо, но почему – покрытие дороги сухое. А, вот в чем дело. По самому центру дороги тянется узкая полоска льда. Вода замерзла между маленькими трещинами асфальта, да и краска разделительной полосы по своим качествам намного уступает асфальту. Включаю TCS, пробую еще раз – все нормально.

В машине тепло, настроение прекрасное, поворачиваю направо и медленно поднимаюсь на горку, разворачиваюсь и останавливаюсь. Отсюда интересный вид на море – узкий, уходящий далеко вперед, отрезок дорожного полотна, а впереди сине-зелено-серая масса воды, сливающаяся с небом. Стоит появиться солнцу, и цвет воды меняется на светло-голубой, как будто на улице лето. Но это не сейчас.

Спускаюсь и поворачиваю направо, продолжая свою поездку по побережью. Дорога местами обледенелая, так что можно сбавить скорость и насладиться зимним пейзажем. Играет “Chicane – No Ordinary Morning”, да, утро действительно необычное. Неподалеку отсюда есть дорога, по которой я учился ездить на мотоцикле. Тогда у меня была Катана (Suzuki GsxF 750), которая отслужила мне верой и правдой. И первые 250 и первый стопши с разворотом на 180 градусов – все было здесь. Падений только не было. Надеюсь, и не будет.

Выезжаю на двуполосную дорогу в сторону Паланги. Километров десять спокойного вождения.

Поворачиваю на бензоколонку, захожу, беру пол-литра колы-лайт и питьевой воды, сегодняшнюю газету и иду к кассе.

– Привет, как ты оказался здесь так рано?

Симпатичная брюнетка за кассой. Приятно продолжать день такой встречей. Я познакомился с ней в начале сентября в одном из ночных клубов и, лишь потом, остановившись заправиться на бензоколонке при въезде в город, узнал, кем она работает.

– Проснулся рано, не мог дома высидеть. Ты же меня знаешь, – кладу все возле кассы, – все это и кофе

Раньше она часто заканчивала работу в восемь вечера и подъезжала ко мне около десяти. Клубы, море, прогулки, секс – все это регулярно повторялось. Бывало, что я оставался у нее на двое суток, и все это время мы не спали.

– Ну да. Опять всю ночь где-то гулял? – в голосе прозвенели нотки обиды и ревности.

– Нет, проспал пятнадцать часов подряд. Отсыпаюсь за прошлый год. Какие у тебя планы на вечер?

Я поставил бумажный стаканчик "Statoil" в кофейный аппарат и нажал на кнопку «кофе». Потом заплатил.

– Планов пока никаких, а есть предложения?

– Не знаю пока. Ты в восемь заканчиваешь?

– Ага.

– Тогда если что решу к этому времени – позвоню.

– Хорошо, буду ждать. А почему кофе без молока, ты же с молоком любишь?

– А потому, – открыл бутылку с водой и долил в стакан. Попробовал, не горячо, можно пить, – потому что можно сразу пить. Ну, все, я тебе позвоню, пока.

Мне нравится, когда на меня смотрят девушки и прикусывают нижнюю губу. Просто нравится.

За пару-тройку глотков я осушил стакан с кофе, бросил его в мусорку и сел в машину. Завел движок, положил газету и бутылки на соседнее сиденье, надел перчатки, положил мобильный возле ног и тронулся с места.

Сорок километров в одну сторону, теперь тридцать назад, по другой дороге. Город сильно изменился за эти пятьдесят минут, что меня не было. Появилось множество машин, все куда-то спешат.

Развернуться у казино, двести метров по прямой, направо, и поставить машину у подъезда, не заезжая в подземный гараж. Газеты, кола, домой.

Кинув газету на стол, я, не снимая обувь, пошел в спальню, посмотреть спит ли еще Юля или нет. Она даже не услышала, что я пришел. На самом деле, я думал, что она уже, по крайней мере, примет душ, и мы сможем пойти позавтракать напротив, в ресторан Navalis.

После кофе, который оставил привкус во рту, хотелось чего-то выпить. Для алкоголя было еще слишком рано. Я открыл холодильник – йогурты, рэд булл, тарелка с виноградом, сыром и орехами, которые мы ели ночью, после возвращения домой, бутылка только что купленной колы. Это всё. С учетом того, что девять из десяти раз я ел не дома, а где-то за его пределами, этого вполне хватало. Почувствовав, что скоро опять могут начаться боли в пояснице (еще за рулем я ощутил некий дискомфорт внизу спины), я открыл шкаф, который был прямо над микроволновой печью, рядом с холодильником.

Ага, вот он. Кетанов лежал прямо на самом краю, и это было очень удобно. Не дай Бог, я бы положил его в прошлый раз хотя бы на десять сантиметров глубже. Количеству всевозможных лекарств у меня дома могла бы позавидовать небольшая аптека. У меня было практически всё, что может понадобиться человеку для снятия боли. А уж средств от простуды и подобных вещей – было просто не счесть. Самое интересное, что я привык ко многим лекарствам, и они на меня уже практически не действовали. Даже трамадол и метадон, одни из самых сильных болеутоляющих, на оказывали нужного эффекта. По странному стечению обстоятельств, единственным, что еще как-то снимало боль – был кетанов. Его я пил практически ежедневно. И если бы я кинул его подальше на полку, то он бы просто затерялся среди остальных лекарств. Запив таблетку рэд буллом, я глубоко выдохнул и осмотрелся.

Когда я выбирал квартиру, у меня было три главных требования. Просторная, обязательно в центре, и чтобы меньше чем в трех минутах ходьбы был хороший ресторан. Центр – да, куда уж больше. Хороший ресторан – тоже в наличии, даже два отличных ресторана. А насчет простора – одна из комнат была больше восьмидесяти квадратов. Однажды, мы с друзьями даже устроили футбольную вечеринку. Мы перенесли телевизор и диван в спальню, а возле стены поставили футбольные ворота для мини футбола. С одной стороны комнаты была кухня, отделенная стеклянной барной стойкой и несколькими барными стульями на тонких металлических ножках. С ее другой стороны был вход в спальню, отделенный сдвигающейся в сторону дверью, сделанной из матового стекла. Вообще из него были сделаны все двери в квартире, кроме входной. В спальне, одну из стен полностью занимал шкаф, выполненный из трех частей. Одна часть была отведена под пиджаки и рубашки, число которых пополнялось с каждой поездкой. На полках второй секции лежали свитера, футболки и джинсы. Большую часть из этой одежды я одевал крайне редко, предпочитая находить в магазинах новые интересные вещи. Но иногда случалось так, что шоппинг просто надоедал и, бывало, что я по полгода мог не покупать обновок. В третьей части стояли коробки из-под посуды, телевизора и прочей бытовой техники. Шкаф открывался легким движением руки (а иногда и ноги), которое сдвигало зеркальную дверь в сторону. Эти три секции в закрытом состоянии представляли собой одно огромное зеркало во всю стену. Иногда, занимаясь сексом, я смотрел в него, выбирая позиции, которые со стороны бы выглядели лучше всего.

По правую сторону большой комнаты были окна во всю стену и две двери на балкон, который был метров двенадцать в длину. Во время всех тусовок именно на нем

проходили все самые грязные и развратные вещи, которые, как правило, были очень приятными.

Слева, за стенкой из матового стекла, была ванная комната, которая по размерам ненамного превышала спальню. Прямо у входа в нее стояла душевая кабина, а с другой стороны, на небольшом возвышении – ванна. За всё время я пользовался ванной три или четыре раза. И один из них был этой ночью, вместе с Юлей.

Первый раз я увидел Юлю семь дней назад, в Москве, на новогодней вечеринке, которую устраивал Чил. В ресторан возле Белорусской, который был отведен под наше празднование, я приехал в половину десятого вечера. В это же время начали собираться гости, пошли неспешные беседы, и в какой-то момент я почувствовал, что не хочу видеть большинство этих людей. На тот момент я еще не знал их. К десяти вечера уже было более ста человек. Я сидел за столом, вооружившись стаканом виски, когда Чил позвал меня и, положив мне руку на плечо, тихо сказал:

– Олег, сейчас одна девушка придет, пообщайся с ней.

– Чил, но ко мне же Даша в одиннадцать приедет.

– Ничего, пока что поболтай с ней. Она одна приехала.

Так я познакомился с Юлей. Это была высокая стройная девушка с русыми волосами, одетая в черное полупрозрачное платье. С первых же минут мы нашли общий язык, и было понятно, что этот вечер закончится очень хорошо. Я рассказывал истории о других странах, она говорила мне о работе. Оказалось, что у нас много общего, и кроме этого, мы оба закончили юридический факультет. Я всё шире улыбался Юле, а она всё чаще смотрела своими голубыми глазами на мои губы. Когда один из моих друзей подошел ко мне и спросил, есть ли у меня с собой презервативы (я дал ему номерок от пальто, и он взял один), так как он хочет заняться со своей девушкой сексом в туалете, я намекнул Юле на нас. Она рассмеялась и сказала, что никогда не занималась сексом в первую ночь, и сегодня тоже не собирается. Но с того момента, когда мы позировали фотографам или находились вместе, она всё сильнее прижималась ко мне, что не могло меня не радовать.

Она сказала, что часа в два ночи собирается в «Дягилев», и позвала меня с собой.

– Юля, я бы с удовольствием, но я, скорее всего, не смогу.

– Почему? – она искренне удивилась, всё еще продолжая держать меня за руку.

– Понимаешь, сейчас, в одиннадцать, должна приехать девушка, которой я обещал встретить Новый год вместе.

– Ну, так давай, встречаем Новый Год тут с ней, а потом ты и я поедem отсюда. Какие проблемы?

– Я постараюсь, обещаю, – я провел ладонью по ее волосам, пропуская их между пальцев.

Через некоторое время подъехала Даша. Ответив ей по телефону, что сейчас встречу ее, я повернулся к Юле:

– Мне пора уже. Я сейчас вернусь. Но уже не один. Поэтому, если ты что-нибудь хочешь сейчас сказать или сделать, это самое лучшее время.

Она провела рукой мне по щеке, обняла меня, посмотрела на мои губы и горячо поцеловала меня.

Даша была полной противоположностью Юле. Загорелая, аrogантная брюнетка в блузке, которая едва покрывала ее груди, и они вполне могли выскочить в любой момент, – она сразу привлекла внимание всех присутствующих своей общительностью. Я не придумал ничего лучшего, как только познакомить девушек и проводить вечер вместе с ними. С одной стороны, у меня была Юля, которая всеми знаками показывала, чтобы я избавлялся от Даши, и мы бы уединились с ней. Скорее всего, до клуба мы бы не доехали. С другой стороны, была Даша, которая сама хотела затащить меня в туалет, но я не хотел

портить впечатление Юли о себе. В итоге, одна из девушек время от времени общалась с каким-нибудь моим знакомым, которого я ей представлял, а в это время я целовался с другой. В ту ночь, в связи с этим распределением внимания, родилось понятие, которое, впоследствии, широко распространилось среди людей, так или иначе связанных с соблазнением – тёлкоменеджмент.

После полуночи Чил взял микрофон, позвал меня, и, обратившись к гостям, произнес поздравительную речь в мой адрес. В это же время вышел дед Мороз, в котором без труда можно было узнать Сашу 4ю. В его руках была надувная резиновая женщина в натуральную величину, которую он мне «торжественно» вручил. В тот момент у меня проскочила мысль, что при виде таких резиновых игрушек у мужчин ухудшается потенция. Эта кукла была самой страшной из всех, которых я видел по телевизору, в секс-шопах, или вообще мог представить. Но это не помешало кому-то из гостей забрать ее с собой из ресторана этой ночью.

В половину второго Юля уехала в клуб. Я проводил ее до машины, которая за ней приехала, и пообещал заскочить в клуб позже. Даша ликовала, так как я остался в ее единовластном владении. Кстати, она была абсолютно трезвой. Она пила всего лишь третий бокал шампанского, так как приехала на А4, которую недавно приобрела.

В четыре утра, после того, как мы с Дашей съездили домой к Чилу, (он попросил привезти некоторые бумаги) и там занялись хорошим новогодним сексом (Даша к тому же, выстрелила из хлопушки, и конфетти разлетелись по всей комнате. Вова долго еще грозился заставить Дашу приехать и навести порядок), она отвезла меня в клуб.

Там мы опять увиделись с Юлей, но перекинулись лишь несколькими словами, так как каждый был занят своей компанией – она с подружками, а я с девушкой, по имени Анжи и ее компанией, которые шумно праздновали Новый Год. Настолько шумно и размашисто, что ее охраннику постоянно приходилось приглядывать за ними, чтобы они не вывалились за перила.

Той ночью я больше не общался с Юлей и часов в семь утра поехал домой. На следующий день мы послали друг другу пару смс, и на этом наше общение прекратилось.

Четвертого января, уже, будучи в Клайпеде, я получил от нее смс следующего содержания: «Даже несмотря на то, что ты предложил мне заняться сексом в первую ночь, я к тебе прилечу».

Два дня спустя, в субботу днем, вчера, она была у меня.

Взяв из холодильника еще одну банку рэд булла, я уселся на диван и включил телевизор, сразу убавив звук, чтобы не разбудить Юлю.

Мы с Сашей ехали по направлению к реке, встречать Юлю. Я опаздывал.

– Да, ждешь уже? Извини, мы тут застряли на встрече одной. Сейчас, через три минуты будем. Выйди к дороге. А, там уже, хорошо. Сейчас. – Я оторвался от телефона, – Саша, блин, давай быстрее. Некрасиво же так.

Юля стояла, прислонившись к перилам, и смотрела на меня. Она была одета в черные сапоги на высоком каблуке, обтягивающие джинсы, короткую кожаную куртку с мехом, и черную кожаную бейсболку на голове.

Я выскочил из машины и быстрым шагом направился к ней.

– Привет, – мы поцеловались и обнялись. – Как я рад тебя видеть.

– Я тоже, – она опять поцеловала меня.

– Извини, что опоздал немного. Не замерзла?

– Ну, есть немного.

– Идем.

Я взял ее за руку, а в другую руку взял ее небольшой рюкзак с вещами. Подойдя к S320, я открыл заднюю дверь, подождал, пока Юля сядет, и легонько прикрыл дверь. Она автоматически закрылась сама. Я сел на сиденье рядом с водителем.

– Это Саша, это Юля.

Саша был человеком, с которым я проводил больше всего времени в Клайпедде. Почти каждая вечеринка проходила в его компании, но кроме этого, мы друг в друге что-то находили. Наше общение было довольно глубоким, и мы как-то понимали друг друга. Почти также, как мы с Чилом понимали друг друга.

Я очень хотел, чтобы Саша познакомился с Вовой, а также со многими другими моими друзьями в Москве, и месяц назад, он прилетел в Москву на неделю, когда я вёл там тренинг в начале декабря. А еще за пару недель до этого, мы с ним ездили в Минск на выходные, просто провести время. Тогда, разговорившись в машине, мы не заметили, как подъехали к границе. Точно также мы вовремя не увидели опущенного шлагбаума, который мы объехали по встречной на скорости далеко за сто пятьдесят. Когда мы дождались своей очереди на паспортном контроле, пограничники сказали, что просматривали видеозапись нашего «полета сквозь шлагбаумы» несколько раз. Интересно, что они нас не то что не оштрафовали, а даже как-то одобрили наш проступок.

– Очень приятно, – сказала Юля.

– Куда мы сейчас? – Саша обратился ко мне.

– Давай сейчас мы в магазин, у меня дома нет ничего, потом домой, привести себя в порядок, а потом пересечемся, – я повернулся к Юле, – вечером пойдем в клуб, а перед этим посидим где-нибудь поужинаем, хорошо?

– Да. Как хочешь, я не против сегодня повеселиться, – она посмотрела на меня, и я протянул ей ладонь, которую она взяла своей рукой.

Саша подвез нас до торгового центра, а сам поехал домой к жене и ребенку. Мы с Юлей накупили еды, заодно прихватив пару полотенец и несколько красных тарелок. Я первый раз покупал посуду, и удивился, увидев, что тарелки стоят от двадцати евро и больше. Интересно, подумал я, а когда в фильмах показывают, как женщина истеричка посуду бьет, это же за несколько минут можно месячную зарплату вдребезги разнести.

По дороге домой, в такси, я рассказывал Юле о том, что именно мы будем сегодня делать, куда пойдем. Рассказал о Саше и о том, что наше знакомство с ним началось с взаимных претензий друг другу в клубе, и мы обменялись номерами, чтобы встретиться позже, поговорить, и как это выросло в хорошую крепкую дружбу. Рассказал о том, какие главные ориентиры в городе, и что завтра я хочу пойти с ней на какой-нибудь фильм, так как давно не был в кино в Литве.

– А вот, собственно, и приехали.

Мы поднялись на третий этаж, я открыл дверь и первой впустил Юлю в квартиру.

– Чувствуй себя, как дома, – закрыв дверь, я положил пакеты с продуктами на стол. – Давай, покажу тебе, где тут что, – сказал я ей после того, как мы сняли обувь и верхнюю одежду. – Так, это ванная, свет включается здесь, – я нажал на выключатель на колонне, – это вентиляция, – нажал на его вторую половинку, – еще здесь, у зеркала включается. Чистые полотенца эти вот. Которые купили, тоже сюда кинь. Дальше, это кухня моя, если это можно так назвать, – я усмехнулся, – холодильник пустой, как видишь. Тут балкон, подсветку можешь включить, если хочешь. – Я приобнял ее сзади и поцеловал в шею, когда она включала две лампы, которые подсвечивали треугольный козырек над выходом на балкон. – Ладно, холодно, идем дальше, – мы направились в спальню. – Тут я сплю, и сюда, – я открыл дверь шкафа и указал на пустую полку, – можешь вещи сложить.

– Классно! Красиво тут!

– Ну, нормально, – я поцеловал ее, – пошли, продукты разложим.

Юля взяла один из пакетов, и открыла холодильник, – а ты как и куда кладешь всё?

– Знаешь, давай ты всё разложишь. Поверь, я тут всё знаю не больше тебя. Я почти не бываю дома. Вообще, пока ты здесь у меня – делай, всё как тебе хочется. Побудь хозяйкой.

Она разложила продукты и сказала, что примет душ. В это время я уже снимал с себя рубашку, и сказал, что пойду в душ первый. Пусть пока освоится, подумал я.

Выйдя из ванной в одном полотенце, завязанном на поясе, я застал Юлю за просмотром телевизора. Она поцеловала меня и пошла в спальню, разделась, и в бюстгальтере и в трусиках прошла мимо меня до ванной. Тогда я первый раз обратил внимание на одну ее особенность – всегда, когда она ходила босиком, она ступала лишь на пальцы. Я проводил ее взглядом. Без одежды она классно смотрится, пронеслось у меня в голове, а ее маленькие черные стринги съела попка. Я усмехнулся. От такого вида и от понимания того, что будет через несколько минут, я почувствовал прилив крови внизу.

Я услышал, что она включила воду, и улегся на диване, положив под голову подушку. Полотенце немного развязалось, и я не стал его завязывать заново.

Интересно, вот она выйдет, и как всё начнется? Такие мысли всегда появлялись, когда я собирался заниматься сексом с девушкой, и это было не спонтанно, не какой-нибудь пьяный трах в туалете клуба или животный секс на пляже. В таких случаях всё начинается быстро, и по-разному. А в случаях, похожих на этот, всё всегда было более-менее похоже. Она выйдет из ванной в полотенце, или в нижнем белье? А если в полотенце, то на ней будут трусики или нет? А она сядет рядом или ляжет ко мне? А как она отреагирует, когда ее полотенце развяжу? Как мне было бы лучше, выше лечь или нет? А она начнет меня целовать или минет делать? Как тут удобнее будет? Надо бы тут минут пять сексом заняться, потом в спальню перейти, так, наверное? А как она всё это представляет?

Все эти вопросы могли пронестись у меня в голове за считанные секунды. Интересно, что я знал, как всё будет, я всё знал наперед, но эта «как бы неопределенность», меня забавляла. Она позволяла получать хоть какой-то элемент неожиданности.

В этот раз всё было довольно просто. Юля вышла, закутавшись в синее полотенце, села, рядом со мной и наклонилась ко мне. Я потянул за край полотенца в районе ее груди и сказал «иди ко мне». Семь минут на диване, после чего мы пошли в спальню. Я скинул одеяла на пол, и мы еще двадцать с лишним минут не вставали с постели.

В перерыве, я спросил ее, что означала ее смс.

– А я еще в ту ночь хотела с тобой сексом заняться, только я подумала, что ты после этого не хотел бы со мной увидеться.

– Почему? – я удивленно поднял брови.

– Потому что, может, я была бы для тебя девушкой на одну ночь, новогодним развлечением, – Юля перевернулась на живот, положила голову мне на грудь и посмотрела в глаза.

– Глупая, – я приподнял голову и поцеловал ее в лоб, – ты мне понравилась тогда. Я бы точно хотел с тобой и дальше общаться.

– Ну, вот так.

– А значит твоя смс, это было что-то наподобие «я к тебе приеду, но не хочу, чтобы это выглядело так, что я первая предложила», – я усмехнулся.

– Ну да, что-то в таком роде, – Юля улыбнулась.

Я рассмеялся. – Классно что ты здесь. Спасибо.

Через полчаса, после того, как мы вместе сходили в душ, я выбирал, что именно одеть на вечер. На принятие решения и на то, чтобы всё одеть на себя, у меня ушла четверть часа. Сегодня вечером я был в потертых темно-синих джинсах, которые покупал

в прошлом году. В них я просунул коричневый ремень с пряжкой в виде итальянского флага. Завершала внешний вид розовая рубашка, воротник и манжеты рукавов которой виднелись из-под тонкой серой кофты, надетой поверх. Посмотрев на себя, я улыбнулся, вспомнив, что точно также я выглядел, когда давал интервью в какой-то журнал в Таллине, в последнюю неделю ноября. Сейчас только не хватает грязных засаленных волос, как тогда, после бурной ночи.

Я вышел из спальни и пошел в ванную, где возле зеркала подкрашивалась Юля. Она была уже одета, так как раньше меня вышла из душа и пошла одеваться, а я в то время просматривал почту на ноутбуке. На ней были те же обтягивающие ее длинные ноги джинсы, и она надела тонкую черную кофту с высоким воротом.

Встав возле нее, я включил фен и начал сушить волосы. Юля вышла из ванной и, несколько секунд спустя, вернулась с небольшой коробкой, завернутой в поздравительную бумагу, и перетянутую розовым бантиком.

– Это тебе, с Новым годом прошедшим, – она дала мне коробку и поцеловала меня. Я выключил фен.

– Спасибо большое, а у меня нет ничего для тебя, – ответил я, полностью растерявшись. Я не ожидал получить от нее подарок.

– Не важно. – Она опять поцеловала меня.

В коробке оказались духи Givenchy, которых у меня как раз не было. Она сказала, что была почти уверена, что у меня таких не будет.

Мне стало не по себе, что девушка сделала мне подарок, а я в ответ ничего ей не подарил. И если я даже завтра ей что-нибудь куплю, то это всё равно уже будет не совсем то, что нужно. Я решил, что обязательно ей сделаю какое-нибудь приятный сюрприз в следующий раз.

Юля пила Actimel и надевала сапоги в то время, когда я занимался своей прической. Волосы с боков направил вперед, на лбу косая челка, а наверху всё было просто взъерошено – «лирический беспорядок», как я это называл. «Ну, вроде нормально. Можно идти» – я сказал сам себе и подошел к Юле.

– Ты как, нормально чувствуешь себя? – она обратилась ко мне.

– Да, всё хорошо.

– Coldrex взял?

Еще в конце августа мне стало заметно хуже. У меня усилились боли в груди, в тех местах, которые были белыми пятнами на фотографиях, сделанных еще в мае. Иногда, несколько дней подряд, у меня были ужасные боли в груди. Каждое биение сердца отдавалось сильным ударом в груди, как будто кто-то сильно бил деревянным. Однажды, эти боли даже заставили меня прервать свой тренинг.

Тогда я вел OrtegaProject в Минске, и в один момент я почувствовал, что в середине груди всё как бы застыло. Стоя у флипчарта, я глубоко вздохнул, надеясь, что боль уйдет. Но становилось лишь хуже. Я попросил Чила продолжить мою речь и вышел из аудитории. Как только закрылась дверь, я без сил опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Просидев так около минуты, я дошел до туалета и умылся. Посмотрев в зеркало, я сказал отражению: «Всё хорошо. Сейчас пройдет. Всё хорошо». Минуту спустя я, с улыбкой на лице опять был со студентами.

Таких случаев было немало. И, что самое страшное, я привык. Я привык к тому, что у меня всегда всё болит. Если раньше головная боль, простуда или ноющие после занятий спортом мышцы могли испортить настроение, и я мог нервничать и переживать по этому поводу, то сейчас всё стало немного по-другому. Мне было плохо ежедневно. Постоянно. И я перестал обращать на это внимание. А те редкие часы, во время которых я чувствовал себя хорошо – это были лучшие часы моей жизни в то время.

На этих ударах в груди мои беды не заканчивались. В последнюю неделю сентября что-то произошло со мной. У меня поднялась температура. Моя обычная температура тела установилась на отметке в 37,5 градусов. Это в обычном, относительно здоровом состоянии. Таблетки не помогали, уколы не помогали. При этом еще раза по три в сутки, у меня поднималась температура выше 39,5 градусов.

Однажды поздним вечером в Минске, со мной была прекрасная девушка Аня, с красивой фамилией Молибога. Мы были на награждениях одного ночного клуба, где ей нужно было показаться. Отсидев официальную часть, мы подождали, пока к нам присоединится мой друг, и пошли в расположенное рядом казино «Белая Вежа». Там, спустившись вниз, мы сели на диван и решили перекусить.

Во время еды я почувствовал себя не очень хорошо. Это всегда начиналось внезапно. Вначале, я замечал некоторую дрожь, и понимал, что через несколько минут меня начнет просто трясти. Параллельно с этим я ощущал, как у меня становятся холодными кончики пальцев и нос. Через пару минут ногти становились синими, а губы фиолетовыми. Меня начинало трясти так, что я не мог нормально донести чашку с разведенным в ней пакетиком Coldrex, который единственный прекращал мои начинающиеся агонии. У меня всегда с собой была, по крайней мере, пара пачек этого порошка. Еще штуки три – в машине, еще несколько в сумке с ноутбуком. Если я несколько дней проводил в другой стране с кем-то (потусоваться в клубе с другом, или же поехать отдохнуть с девушкой), то у этого человека обязательно была пачка с собой, на всякий случай. В этот раз лекарств у меня с собой не было. Они остались наверху, у охраны, где я оставил сумку с ноутбуком. Как назло, в казино было много моих студентов, проходивших тренинг, и они могли увидеть, что человек, обучающий их, чувствует себя плохо. А я этого не хотел.

Аня взяла мою руку, и она была более чем холодна. К тому моменту я уже начинал дрожать.

– Я сейчас, наверх.

– Олег, что ты хочешь там? – Аня посмотрела на меня. Видно было, насколько она переживает.

– Мне надо из сумки принести Coldrex.

– Никуда ты не пойдешь, – она возразила, – где он лежит?

– В сумке, в том маленьком отделении.

– Посиди здесь, я сейчас принесу.

Она встала и пошла наверх. Саша посмотрел ей вслед, повернулся ко мне и сказал:

– Офигенная девушка. Побольше бы таких.

Мне оставалось лишь согласиться.

В это время ко мне подошли мои знакомые, и я привстал из-за стола. Стараясь скрыть, как только возможно, что мне сейчас не до них, и я в любую минуту могу отключиться, я сказал, что подойду к ним попозже. Через минуту появилась Аня, а еще через десять, после того, как я выпил воду с желто-зеленоватым окрасом и лимонным вкусом, мне стало лучше и я смог нормально вздохнуть.

Такие ситуации возникали раза по четыре в день, поэтому иногда я пил лекарства заранее, чтобы не допустить даже начинающегося озноба. Ко всему этому я начал очень сильно потеть по ночам. Врачи сказали, что это нормально при моей болезни, и что еще может начать чесаться кожа. Слава Богу, хоть этого не было. Может казаться странным, но ночью, я попеременно спал на разных сторонах постели, а иногда на полу. Менял одеяла и подушки, а еще, когда кровать уже была насквозь мокрая, я шел спать на диван. Обычно, часов до шести утра я ворочался в постели, и только когда уже не оставалось сухого места в постели, когда я в очередной раз шел в душ, и опять доставал новое одеяло – мне удавалось заснуть. Те ночи, которые я проводил «в сухой» постели, я мог сосчитать по пальцам.

Приятной неожиданностью было то, что накануне моей новогодней поездки в Москву, эти температурные колебания прекратились на несколько дней. Больше не было температуры под сорок градусов каждые несколько часов. Не было того, что я дважды за ночь вставал пить лекарства. Я помню, что я действительно спал целых три ночи подряд, а не лежал с дрожащими зубами и включенным феном (начиная с октября, у меня дома и в поездках, всегда был в спальне фен для волос, при помощи которого я согревался в моменты озноба) под одеялом. Это был как бы новогодний подарок свыше – «Олег, отпразднуй Новый год, отдохни от всего».

И я отдохнул. Но как только празднования закончились, я опять начал считать счастливые минуты, когда я мог нормально двигаться, дышать, говорить, и не думать о боли.

Несмотря на все мои лишения и испытания, я всё так же продолжал вести образ жизни, похожий на жизнь нормального человека. Со стороны мало кто замечал мои недомогания, так как я их скрывал всеми подручными способами.

Любой человек, взглянув на меня со стороны, сказал бы лишь то, что я выгляжу немного уставшим, но в прекрасной форме. Хорошая осанка, живой взгляд, улыбка, завораживающая других, увлекающее общение и прекрасные манеры – это всё было тогда, когда кто-то был рядом. Когда же я был один – я и передвигался уже с трудом. Опухоль в пояснице задела какие-то нервные окончания, и мне сложно было садиться и вставать, не говоря уже о том, чтобы поднимать тяжести или одеться.

В Риге был интересный случай, когда в часночи я должен был быть в клубе «Студия 69», со своими студентами. Я жил в пяти минутах ходьбы от него. После проведенного тренинга, пол одиннадцатого вечера, мы с моим другом, Романом, приехали ко мне домой. Я хотел переодеться и отдохнуть, поспать хотя бы час (до этого были бессонные ночи и рабочие дни), а друг в другой комнате посмотрел бы телевизор или посидел в интернете. В итоге, я заснул практически моментально, а мой друг, улегся на диван, и задремал, смотря ТВ. Без пятнадцати час я проснулся. Понимая, что надо как можно скорее вставать, я попытался подняться с кровати, но не смог даже нормально подвинуться. Меня как бы парализовало. Кое-как я сдвинул ноги с кровати и попытался сесть. В этот же момент меня как будто ударило током в спине, и я упал обратно на кровать. Через две минуты таких попыток, я окрикнул Романа. Он подошел и помог мне сесть на кровать. В голове все кружилось. Я медленно поднялся, опираясь на его руку, потом также медленно прошел в ванну и привел себя в относительный порядок. Одевшись, с его помощью, мы вышли из квартиры.

– Только никому не говори, – сказал я ему, спускаясь в лифте.

Еще через пятнадцать минут мы были в ночном клубе, где я общался и со студентами, и с друзьями, и с новыми девушками. Никто из них не знал, чего мне это стоило.

Сейчас, перепады температуры возобновились, и зимой мне было холодно как никогда прежде. Я помню, что еще в конце ноября, когда я летел из Хельсинки в Москву, я сказал себе, глядя в иллюминатор на ночное небо – «пережить бы эту зиму».

Почти всегда, когда после приветствия мне задавали стандартный вопрос «как дела?», я отвечал фразой, которая автоматически всплывала в голове «живой еще», после чего я глупо усмехался. Тем временем мне становилось всё хуже. И я всё яростнее пытался это скрыть.

Многие люди общались со мной, не зная о моей болезни. Юле же, я сказал об этом по телефону, когда она изъявила желание приехать ко мне. Я описал ей мое состояние, когда мне плохо, почему-то надеясь, что она откажется от поездки ко мне. Мне казалось, что ее приезд ко мне, не будет ей на пользу.

– Да, взял. Идем,

– А как же ты пьешь виски и лекарства, – она пристально посмотрела мне в глаза.

– А что делать. Жизнь такая, – я поцеловал ее в нос. – Идем.

Мы спустились к такси. К половине одиннадцатого мы встретились с Сашей в арабском ресторане, так как и он и Юля хотели покурить кальян. Интересно получается, в России, практически в любом ресторане можно съесть суши и покурить кальян. Пришли в истинно итальянский ресторан – извольте попробовать роллы с лососем. Заглянули в украинский отведать борща – кальян покурить не желаете? Эта дебильная комбинация просочилась в большую часть заведений общепита. Хорошо, что во многих странах Европы запрещено курить в общественных местах. Естественно, сюда входят и рестораны, и ночные клубы. Мы перекусили, обсудили и эту тему, и свои клубно-шопинго-вселенские темы, резво переходя с того, что любят женщины, на труды Макиавелли, и к часу ночи, уже изрядно выпившие, но несколько не пьяные, были в ночном клубе. Саша же нас покинул, поехав по своим делам. Недолго пробыв в клубе, мы решили, что лучше, всё-таки поехать домой. Дома я открыл бутылку красного сухого вина, а Юля занялась приготовлением закуски. На одну половину огромной тарелки она положила несколько видов сыра, орехи и маринованные грибы, а на другую – канapé с мясом и рыбой. Но перед тем, как всё это опробовать, мы оба залезли в ванну и долго не вылезали оттуда, успев дважды заняться сексом, расплескивая воду на пол. И еще раз перед сном.

Закончив пить ред булл, я поставил банку на пол. Потом, подумав, что надо взять еще одну, пошел к холодильнику. В это же время из спальни вышла заспанная Юля.

– Доброе утро, соня. Не спится?

– Угу, - она закрыла лицо ладонями и сладко потянулась.

– Как спалось?

Она подошла ко мне, обняла меня и поцеловала в щеку, – угу.

Я усмехнулся, – завтракать пойдем? А то я голодный.

– Сейчас?

– Как соберешься, так и пойдем. Кушать хочешь.

– Немного. – Она отстранилась от меня.

– Давай собирайся тогда.

– Я в душ. А ты кофе сделай пока, – Юля направилась в ванну.

– Хорошо.

Я пошел включать чайник, а она закрыла дверь в ванную и включила воду в душе.

Двадцать минут спустя мы уже были на улице. Было ужасно холодно, и я укутался в меховой воротник, последовав примеру Юли. Нам предстояло пройти метров пятьдесят и перейти дорогу.

Эту пару минут, пока мы шли в ресторан напротив, мы не разговаривали. Холодный воздух обжигал легкие и выдавливал слезы из глаз. Мы шли, молча, желая скорее зайти внутрь и заказать яичницу с беконом, которую я только что разрекламировал, выходя из дома. По дороге я был занят своими мыслями. Мне было непонятно, зачем Юля сорвалась ко мне, проведя со мной всего пару часов под Новый год. Конечно, это было приятно. Но всё же. Ни о какой влюбленности тут не могло быть и речи. Просто понравился – да, возможно, может что-то большее. Но всё-таки, зачем? Я всегда задавался таким вопросом, когда ко мне прилетали девушки из других стран. Каждая из них могла бы найти себе парня гораздо лучше меня. Такого “all in” типа парня, который бы мог им дать всё – и любовь, и внимание, и всё остальное. Для кого-то я таким буду. Но сейчас точно нет. Так почему я? Что же я мог дать, кроме хорошего секса и классного времяпровождения вместе? Скорее всего – ничего, если подумать совершенно трезво. Ну, еще, знал, что каждой из них нужно. Да, скорее всего из-за этого были все эти

милолетные романы, каждый из которых оставлял внутри некую брешь. И эта трещина становилась все больше. Теперь она. Хорошо, что мы просто классно проводим время вместе, и ничего больше. Два человека, которым просто хорошо вместе. Мне стало спокойней от этой мысли. Но это относительное спокойствие продлилось довольно недолго.

Вечером, мы стояли у выхода из торгового центра, в котором находился кинотеатр, и ждали такси. Мы были на какой-то очередной веселой голливудской комедии, в которой в самом конце всё бывает прекрасно. На тот момент. Все счастливы и довольны.

Я спросил тогда Юлю, чего она хочет в ближайшем будущем? Она сказала:

– Хочу еще год проработать, для стажа надо (она работала секретарем в суде), в Европу хочу слетать отдохнуть, в апреле планирую в Англию.

– Классно, я там часто бываю.

– Можем вместе, – она сказала это как-то утвердительно.

– Посмотрим, как всё будет, но было бы классно, – я представил, что именно смогу ей показать в городе, который мне был таким родным.

– Еще хочу замуж выйти в этом году, – она произнесла эти слова совершенно спокойно.

– Детей хочешь?

– Да, конечно.

Я не ожидал услышать таких слов. На роль жениха я точно не подходил со всеми своими проблемами, да и не хотел я. Не моё это. Не так должны люди вступать в брак и думать об этом. Всё должно быть естественно, натурально, позыв чувств и желание сохранять верность и быть лишь с одним любимым, куча правнуков и счастливая старость. А до свадьбы, да и после нее тоже – неисчерпаемая любовь и одобрение всего того, что происходит в вашей совместной жизни. И всё похожее. Но свадьба, это ни в коем случае не спланированное заранее действие.

– Ну, это, точно не со мной. С моим-то здоровьем и всем, что происходит.

– Но ты говорил, что это излечимо? – Юля повернулась ко мне.

– Да, когда только это будет. Но точно будет, – я поцеловал ее.

Я перевел тему на только что просмотренный фильм, начал что-то рассказывать про историю кинематографа, и в это время подъехало такси.

Зайдя домой, я увидел пропущенный мэйл на блэкберри. Это был мой коллега, вместе с которым, завтра после обеда, мы должны были встречаться с клиентом. Изменились некоторые цифры в одном из контрактов, и мне нужно было успеть уточнить новые данные. Поговорив по телефону, я подошел к Юле, которая сидела на диване в белых шерстяных носках, (которые когда-то связала мне моя бабушка) и переключала программы на телевизоре.

– Малышка, мне надо уехать на часок. По работе.

– Хорошо, возвращайся скорее.

– Постараюсь. Чувствуй себя как дома. Я скоро буду.

– Можно компьютер включить, я в интернет?

– Да, крышку просто подними. Всё, – я чмокнул ее в губы, – я пошел.

Спустившись в гараж, я еще несколько минут не выезжал, ожидая, пока немного прогреется движок, и сиденья станут достаточно теплыми. Тогда я и вспомнил о девушке с бензоколонки, с которой общался утром. Как только выехал наверх, я позвонил ей:

– Привет. Работу закончила?

– Да, привет. Домой еду уже. А ты что делаешь?

– Мне сейчас по работе надо встретиться, потом занят буду. Ты завтра что делаешь?

– Завтра опять до восьми вечера работаю. А потом два дня выходных.

- Давай завтра созвонимся тогда после обеда. Решим что и как, хорошо?
- Давай.
- Ну, всё тогда. Выспись хорошо.
- Хорошо, – она рассмеялась, – слишком не заработайся.
- Постараюсь. Пока.

Давно ее не видел, может действительно встретиться?

Полтора часа спустя я уже был по дороге домой. Я мог бы освободиться и раньше, но затянулся разговор с Томасом. После обсуждения деталей, которое заняло минут десять, мы сидели на диванах из мягкой коричневой кожи в фойе гостиницы, и курили сигары в специально отведенной части, напичканной кондиционерами и системой вентиляции. Я пил сок, а он налегал на виски.

Я знал Томаса еще с детства. Мы жили в одном дворе. И даже вместе играли в футбол за местную детскую команду. Я был в полузащите, а Томас в нападении. Летом мы с 11 утра и до позднего вечера (пока еще был виден футбольный мяч) были на стадионе в парке скульптур, который находился метрах в ста от нашего двора. А зимой заливали каток во дворе. Для этого все дети во дворе или скидывались деньгами и вызывали пожарную машину, которая быстро покрывала водой огромную площадь, или же сами таскали ведрами воду. А потом ставили кого-то охранять наш новый «каток». Не дай Бог, если кто-то пройдет по нему, пока вода не замерзла.

В девяностых годах, Литва раньше других отделилась от Советского Союза, и все как-то поменялось. Не сразу, но все-таки очень заметно. Помню, как обидно было слышать слово «кацап», в свой адрес. По сути, это слово ничего не означает, но тогда, будучи мальчишкой, во дворе, это было очень больно. И все началось внезапно. Еще вчера вместе играли в футбол, а сегодня уже в тебя летят слова и яблоки, с растущей во дворе яблони. Помню, приходилось драться и за себя и за других. Было обидно, что приходится получать только из-за того, что ты русский. Потом все вернулось как бы на свои места, никаких явных притеснений не чувствовалось, но всё сказалось позже. Сказалось на количестве русских, поступающих в вузы, на меньших зарплатах и пенсиях для русского населения, на обслуживании. Мы с отцом с моих малых лет часто ходили в рестораны ужинать. Он учил меня, как надо вести себя за столом, как правильно держать столовые приборы, как пользоваться салфеткой и как правильно пододвигать стул, когда садишься. В то время мы часто ходили в ресторан “Vetra”. Приходили часам к семи-восьми вечера, уходили около девяти. И, однажды, всегда ранее обращавшаяся к нам по-русски официантка, начала говорить по-литовски. Когда мой папа спросил, почему так, она ответила, что директор приказала. Со временем все вернулось, рыночные отношения победили национализм, но с тех пор я знаю литовский как родной. Двор и произошедшие события невольно заставили его выучить. В школе с языками не было проблем, и когда я учился на журналистике, то девушка с моей группы, с которой я проводил много времени вместе, только на третий год узнала что я русский. Произшедшие события повлияли на то, что в каждой стране, в которой я жил с того времени, разговаривал на местном языке. Когда мне было 14 лет, родители Томаса переехали в другой конец города. С того момента, и до 23 лет мы виделись раза три, нечаянно пересекались где-то на улице и в клубах. В последнюю из этих случайных встреч он извинился за детство.

У него сегодня был тяжелый день. Вчера он узнал, что его жена ему изменяет. В то время, когда он дни и ночи напролет занимался тем, чтобы обеспечить ее всем, что она хочет – его любимая, вначале безобидно переписывалась в интернете с одним парнем, а потом, однажды, она с ним встретилась. Было это заранее запланировано или нет – Томас не знал. И уже знать не хотел. Этот парень оказался другом одного из общих знакомых, и в красках хвастался, как эта сексуальная домохозяйка (как он называл жену Томаса), врала своему мужу и выкручивалась, лишь бы только найти время на встречу. И как, впоследствии, они прекрасно провели те пару часов.

– Наверное, – он говорил, – ее муж просто на нее не смотрит. Она была так хороша. Горячая, сочная, просто супер! Ее давно уже не драли, как следует.

Томасу рассказали об этом в обед, и еще целых четыре часа, до того, как он приехал домой, он не мог в это поверить. Конечно, мысли об ее измене всё чаще закрадывались в его голову в последнее время, но он просто отгонял их. Шесть лет назад, когда он женился, они с женой были молоды и безумно счастливы, смотрели в будущее, планировали, как и что у них будет в дальнейшем. А потом что-то начало меняться. Томас начал работать в нашей компании, всё больше времени стал проводить на работе (или где-то еще, но также по работе), возвращаясь домой лишь поздно вечером. Его жена, весь день проводившая дома, или в фитнесе, или в салонах красоты, или встречаясь с подругами, выплескивала все свои фантазии на уставшего мужа, который, вернувшись домой, хотел всего лишь отдохнуть, обняв свою любимую. Вместо этого он получал страстную ненасытную пассивность, на которую у него уже просто не хватало сил. Секса становилось всё меньше. Со стороны могло показаться, что такая красивая и страстная жена – мечта любого мужчины, и коллеги искренне завидовали Томасу. На совместных приемах они всё также были любящей друг друга парой, на которую все обращали внимание, но на самом деле все не было так хорошо, как казалось. Это произошло на четвертый год их совместной жизни. Его жена стала всё больше времени по вечерам проводить за компьютером, переписываясь с незнакомыми мужчинами. Дальше флирта, как она говорила, ничего не заходило. Но уже тогда, это был первый знак к тому, что могло случиться дальше. И случилось. Встретив в сети одного очень интересного и необычного (каким она его видела) мужчину, она так же, совершенно спокойно, начала с ним переписку, считая, что это будет обычное общение. Но чем больше они общались, тем чаще она думала об этом новом виртуальном романе. Она присылала ему смс по вечерам, когда его не было в сети, просила прислать новые фотографии (и сама устроила свою фотосессию, специально для него) и просила еще больше рассказать о себе. Чуть позже, она поймала себя на мысли, что всё чаще, мастурбируя, представляет, как занимается сексом с ним, а не с мужем. Тогда она и поняла, что в этот раз хочет пойти дальше, чем просто флирт в интернете. При первой же случившейся возможности они переспали.

Вечером, Томас совершенно спокойно поговорил об этом с женой, собрал вещи и уехал в гостиницу.

– Что теперь делать будешь?

– Не знаю, Олег. Не знаю. Пока поживу здесь, а потом посмотрим.

– А с ней как? Что насчет нее?

Он молчал. Взяв сигару, выпустил дым изо рта и совершенно спокойно, даже равнодушно сказал:

– Убью ее. Помирился, а потом уедем куда-нибудь и убью. Или несчастный случай подстрою, или сам убью. Мне уже не важно. – Он посмотрел на меня. – Я с ней шесть лет прожил. Она всегда твердила, что денег мало, что это она хочет, что еще что-то хочет, а я, как дурак, Машенька это купи себе, Машенька то. Может и сам виноват, что мало времени уделял. Но тогда надо было на развод подавать, а не изменять.

– Отдохни лучше, потом подумаешь что делать.

– О да, - он оживился, – теперь то я точно отдохну. Придумаю, что-нибудь, чтоб не было так, как у всех.

– У всех по-разному, в итоге. Трудно, чтоб было как у всех.

– Нет, это очень просто, как у всех – ему сложно было быстро говорить в нормальном темпе, поэтому он произносил слова отчетливо и медленно, из-за этого каждое слово звучало очень убедительно, – мы всё делаем прекрасно, а потом проигрываем концовку. Или думаем, что всё прекрасно. Как я с Машей. Многие люди когда-то вспыхивают. А некоторые просто живут в своих мечтах. Думают, что живут прекрасно, а на самом деле просто свои потребности покрывают. Ни идеалов, ни веры, ни

принципов. Большинство людей годами живут в том же месте, у них та же работа, порой лучше или хуже, у них одно и тоже хобби. Всё расписано на годы вперед. Я был такой до вчерашнего дня. А теперь я, я не знаю, где я буду через десять минут, – он стряхнул пепел с сигары, – и я этому рад. Я знаю, что это будет что-то и где-то, где мне будет интересно и хорошо. Теперь будет только импровизация, а не как раньше.

– Вот и хорошо. – Я был рад, что Томас начал думать о чем-то впереди, хоть его слова мне и казались какими-то обрывками мыслей.

– Вот сука, – он процедил сквозь зубы. – У тебя есть мечта, – он задумчиво посмотрел вперед, – хочешь ее достичь. А что ты для этого делаешь? Скорее всего, что ничего. И так давно уже. Всё, что делается, это лишь для того, чтобы сейчас что-то было, и себя обманываешь. А однажды ты проснешься один, помотришь в зеркало, и увидишь, что твоя мечта тебя съела, и ты старый и ничтожный. Так и будешь жить несбывшимися воспоминаниями о том, как было бы хорошо, если бы твоя мечта воплотилась. А всё потому, что ты, как и многие другие – перфекционисты. Тупой, безмозглый, грёбаный перфекционист, которому надо или всё, или ничего. Только ты своей мечты недостоин. Даже самой мелкой. – Томас, опять закурил и, прищурившись, посмотрел на меня. – Мне это дядя сказал, когда мне лет двадцать было. Он о себе говорил тогда. Или обо мне. А я тогда его не понял. А самое главное, что я сейчас понял, – он громко выдохнул, – надо прекращать ждать и надеяться. – Казалось, что он сейчас скорбит обо всей своей жизни, в которой он глубоко разочаровался.

– Слушай, забей. В жизни много всего еще будет.

– А я не говорю о ней. Пошла она куда подальше. Эта сука получит свое. Не сейчас, так потом. Или сейчас убью, или потом ей жизнь испорчу, когда она даже и подозревать ничего не будет. Хорошо, что сейчас узнал, а не потом. Падла, – он большим глотком опустошил стакан с виски. – А представляешь, если бы дети у нас были! Слава Богу, что эта тварь не родила.

– Том, успокойся, – я положил руку ему на плечо.

– Да нормально, все. Нормально. – Он улыбнулся и выдохнул. – Всё.

Мы еще немного посидели, я подождал, пока Томас напьется до состояния вселенской жалости к себе (тогда он точно сегодня не сделает ничего плохого), проводил его в номер, и пошел к машине. Где-то внутри, в районе груди было неприятное чувство. Я выпил таблетку.

– Заждалась? – спросил я, закрывая дверь на замок.

Юля сидела за барной стойкой в нижнем белье и в шерстяных носках. Она смотрелась очень аппетитно. В квартире было очень жарко, так как всё отопление было включено на максимум. Причиной этому были мои периодически возникающие ознобы и моя повышенная температура. Если мне дома было «довольно тепло», то все кто заходили ко мне домой, обращали внимание на то, что у меня было просто пекло. Перед Юлей стоял мой ноутбук, и она что-то смотрела там.

– Да, ты долго как-то, она слезла со стула и подошла ко мне. Обняв, она приподнялась на пальцах и поцеловала меня. «Как жена» пронеслось у меня в голове. Я снял туфли и пальто.

– А я твой блог в жж почитала. Много интересного нашла, – она ехидно улыбнулась.

– И что нашла? – я надеялся, что она не залезала в интернет через «Оперу», где были сохранены все мои пароли, и она могла бы читать и скрытые записи, и те, которые предназначались лишь друзьям. Я подошел к компьютеру и увидел включенный Explorer, стало легче.

– Я с самого начала решила почитать, только первые пару месяцев прочитала. Мне вот это понравилось, – она открыла свернутое окно. Там была самая первая запись, которую я опубликовал.

За окном туман.

Пролистывал свои воспоминания. Не может быть... Когда это все было? Сколько друзей. Скольких не стало. А сколько женщин. Мириады девушек и женщин. Сколько же было значимых в моей жизни женщин, тех, кто оставил яркий и не всегда приятный шлейф в моей жизни. Почему я? Вспоминал о них. Им это надо.

Первая. Осенняя. Как всегда старше. Появилось и вошло в привычку. Как же ее звали? С кольцами на руках. Веселый голос. Видел ее первый раз. Минут сорок. Он же последний. Единственная из всех, кого бы я не узнал.

Светлая. Чуть младше меня. Все было как у взрослых. И первый раз на кровати ее родителей. Ее пьяная сестра за стенкой. Не было бы у сестры парня, была бы и сестра... Закончилось однажды летом. Надоело. Не хочу видеть. Неужели когда-то был с ней? Пусть у нее все будет хорошо. Ей это надо.

Рыжая. Задорная. Я понял, что попал, как только она вышла из самолета. В тот день вечером искала меня, но я не вернулся в гостиницу. На следующий день сказала: «Давай сбежим отсюда». Еще через день улетела. Я смотрел на поднимающийся самолет и хотел плакать. В руках был номер ее телефона и слова «береги как зеницу ока». Общались. Сейчас у нее семья, растет дочка. Иногда вижу ее, не переключаю канал. Уже не звоню. Зачем?

Родная. Далекая. Познакомились, когда она была в Нью-Йорке. Потом ждал когда прилетит. Опоздала на свидание. Я час сидел на залитой осенним солнцем площади в пока еще незнакомом и чужом мне городе. Пришла. У меня вспотели ладони. Я был счастлив. Целовались на балконе тринадцатого этажа, наполовину свесившись вниз. Прошло много лет. Она меня понимает лучше меня самого. Красивая и умная, такое редко встречается. Чуть не вышла замуж за другого, но за несколько дней до свадьбы одумалась. Она мне нужна. Не видел ее уже пару лет. Она меня не забывает. Возможно любит. Часто звонит. Иногда ночью. Жили бы в одном городе – были бы вместе. Не сложилось.

Шикарная. Утонченная. Была старше меня вдвое. Выглядела на свой стаж вождения. Глубокие зеленые глаза. Я приезжал к ней на выходные. Мы ели осьминогов и оленину. Она рассказывала об Ахматовой и о французских живописцах. Мы наряжали елку и шли в спальню. Она приезжала ко мне и оставалась в гостинице. Рассказывала о новых веяниях в Милане, привозила сувениры из Парижа (надо все-таки открыть коньяк). Я был ее эликсиром жизни, она – моим пропуском в самосознание. Недавно она сказала, что я очень помог ей в то время, что всегда останусь родным и близким. Приятно и важно. Я взрослел.

Любящая. Беззаветно. Приехала на несколько часов. Друг попросил показать ей море и побыть с ней. Ее он предупредил, что она может не захотеть вернуться. Осталась на ночь в гостинице. Через неделю переехала в мой город. Безумно любила и все прощала. Это и привело к тому, что я начал избегать встреч с ней. Она делала все для меня и ничего не просила. Лишь быть рядом. Сильно обидел ее. Хочу попросить прощения, если когда-либо встречу. Мне это нужно.

Долгая. Очень. Все начиналось прекрасно. Романтика, любовь, другие страны и подарки, цветы и домашние животные. Летали в Питер на день святого Валентина. Потом привык к ней, но называл это любовью. Ссорились. Танцовщица. Был на десятках концертов вместе с ней. Спала, положив голову мне на колени. А я вглядывался в ночную дорогу и боялся переключать передачи, вдруг проснется, она же устала. Спустя пару лет, когда полностью надоело, сказал что ухожу - не держала. Было неприятно, хотя на другое и не надеялся. Через некоторое время звонки, крики, слезы. Вернулся. Сам хотел вернуться. А потом все по-новому. Уехали жить в другой город. На очередную годовщину ушел с работы, собрал наши вещи и отвез ее назад к маме. Изредка виделись. Недавно встретились, переспали. Не понравилось. Изредка вижу. Никаких эмоций.

Моя. Действительно моя. Хоть никогда полностью моей не была. Выгуливали собак, и она пригласила к себе домой покурить кальян. Ушел утром. Три недели уходил утром. Встречались так, чтоб никто не знал. Ночные купания под луной, секс до утра, завтрак на рассвете – и опять в кровать. Засыпали лишь, когда всходило солнце. На год старше меня. Чувственная. С длинными темными волосами, роскошным телом и безумно красивыми руками, ногти на которых оставляли подолгу незаживающие раны на моей спине. Она целовала их. У нее проблемы с сердцем, но лучшие врачи ничего не находят. А ей больно. Отравилась два года назад, теперь болит сердце. Когда я рядом – боли нет. Просила меня оставаться на ночь, чтоб ей было лучше. Мы любили друг друга. Я улетел в другую страну из-за нее. Когда она провожала меня, я хотел услышать «Не улетай...», но так было нужно. Она хотела переехать ко мне, но не получилось. Была не одна. Я вернулся. Полгода мы были вместе. Она постоянно рисковала. Не было ни дня, чтобы мы не увиделись. Были одним целым, а почти никто и не знал. Я боялся за нее. Когда молодой, своей смерти не боишься. Она говорила, что ненавидит меня. Постоянно думает обо мне и понимает, что не можем быть вместе, поэтому ненавидит. Так не могло продолжаться. Перед Новым годом она улетела в Монако, я в Лондон. Вернулся. Шел дождь. Невероятный ливень в первую неделю января. Она вернулась, мы встретились, я обнял и поцеловал ее. Больше мы не разговаривали. Впервые в жизни я отказался от своей любви, ради человека, которого любил. Это невероятно больно и правильно. Безумная комбинация. Лучше бы я умер, чем принял такое решение. Я научился любить. Я сделал так, чтобы она во мне разочаровалась и не захотела меня видеть. Так было нужно. Возможно, мне это не удалось. Иногда случайно видимся в одном ресторане. Не говорим, даже не здороваемся. Как будто два незнакомых человека. Но когда она смотрит на меня, в ее глазах проскальзывает непонимание, любовь и ненависть. Другие это замечают. Нельзя. Иначе все, что я отдал за ее сохранность, здоровье и жизнь – окажется напрасным. Я хочу, чтобы она гордилась мной. Я не хочу ее видеть, но приходится. Мне больно. Ей больно.

Искренняя. Актриса. В жизни. В общении. Во всем. Даже работа. Увидел ее в магазине. Таких женщин редко встретишь стоящими в очереди. Позвонил через несколько дней. Пообедали. На следующий день я был у нее дома. Стал ей близок во всем. Я знаю о ней все. Она знает, что со мной хорошо и надежно. Забирал ее сына с тренировок. Не был на ее тридцатилетии в прошлом году, поздравил отдельно. Не общаемся долгими неделями, но всегда остаемся рядом. Просит прийти на ее спектакли. Видел ее несколько дней назад. Сидел с другом в ресторане, и пришла она с подружкой. Обняла меня. Обиделась, что не звоню. Попросила зайти. Раньше представляла меня как своего «учителя по английскому», теперь как близкого друга. Соскучилась. Напоследок провела мне рукой по груди и сказала «не пропадай опять». Официантка улыбнулась.

Я смотрю в ночное небо и надеюсь, что больше такого не будет.

Кофе остыл.

За окном туман и ночное небо.

Все могло бы быть иначе.

Не получилось.

2005

– Да, помню, как это писал. Давно это было, – я оторвал взгляд от экрана.

– А как получилось, что вообще это написал? Почему?

– Юля, поверь, – я отошел от компьютера, и, расстегивая рубашку, направился в спальню, – ты не хочешь это знать. С одной девушкой оттуда разошелся, вот и написал. Давно было, – последние слова я уже почти крикнул, зайдя в другую комнату.

Я кинул рубашку на кровать и уже снимал джинсы, когда появилась Оля.

– Там написано, что это 2005 год. С того времени еще были такие, о ком бы написал?

– Да, – я вытащил ногу из штанины и посмотрел куда-то в сторону, – да, была одна девушка, – я вспомнил о Диане.

– А почему вы не вместе? – Юля прислонилась к двери.

– Жизнь такая. Кто же со мной захочет быть, – я усмехнулся, – посмотри на меня. Я не для долгих отношений сейчас. Да я и сам не хочу. Сложно это всё.

– Но ты же поправишься.

– Да. Я знаю. Но посмотри, какой я сейчас. Юль, – я подошел к ней и поцеловал ее, – давай не будем опять. Всё хорошо. – Я пошел в сторону ванны. – Я в душ, а ты, сделай, пожалуйста, Coldrex мне.

– Опять? – в ее голосе звучало удивление, – ты же перед фильмом пил.

– Вроде опять надо, как-то не очень чувствую себя. Сделай на всякий случай.

– Хорошо, – она пошла к газовой плите, а я в душ.

Стоя в душе под обжигающей струей воды, я смотрел, как всё сильнее запотевают стеклянные стены кабины. Уже через пару минут начали собираться капли, которые медленно скатывались вниз, по пути лишь увеличиваясь в размерах. Я думал о том, что не хочу даже представлять то, что когда-нибудь меня может постигнуть такая же участь как Томаса. Да и не кажется мне, что я вообще когда-нибудь женюсь. Хотя всё может быть, но не сейчас. Чувствуя, как у меня опять начинается озноб и повышается температура, я еще добавил горячей воды. Я переключился на мысли о Юле, о том, что она должна была думать, зная, что общается с человеком, у которого такое заболевание. И при этом, я понимал, насколько сильно она переживает. Сегодня днем я видел, как она вытирала слезы, когда я рассказывал ей о своей жизни, а точнее, о том, как всё поменялось с того момента, когда я узнал о лимфоме. Были эти слезы обо мне, или она плакала о себе – я не знал. Но я понял что Юля – это еще один человек, которого я, так или иначе, могу

обидеть, сделать ей больно. А этого мне не хотелось. И сейчас, стоя в душе, я понимал, что это уже конец наших встреч, которые еще толком не успели начаться.

На следующий день, после обеда, она уехала обратно к себе, а я направился увидеть Томаса, и уже вместе поехать на встречу с клиентом. После этого я поздно вечером встретился с девушкой, которая работала на Statoil'e. Встреча ограничилась обычным ужином. Ничем более.

Юля приехала ко мне и на следующие выходные. Тогда, в следующую субботу, примерно в час ночи, всё еще не желая спать, мы оделись и поехали немного развлечься. Клуб был забит полностью. Мы прошли в самый конец заведения, где оказались в компании моих друзей и подруг. Юлю несколько раз уводили девчонки потанцевать, а я общался со знакомыми, которых уже давно не видел. Здесь было не так громко, по сравнению со всем клубом, и можно было разговаривать, не слишком напрягая связки.

Мы стояли и целовались с Юлей, когда я увидел, как меня подзывает к себе одна моя знакомая, Лена, которая уже давно была ко мне равнодушна, но я не отвечал ей взаимностью. Наши отношения были прекрасными, но только в дружеском формате. Подойдя и поздоровавшись, я заметил, что Лена изрядно пьяна:

– Олег, а это что такое? – она показала в сторону Юли, – а ну-ка познакомь.

– Хорошо, – я нехотя согласился, – ты только веди себя нормально. А то опять начнешь, – я недоверчиво посмотрел на нее. Знакомить девушек у меня не было никакого желания, но это представлялось самым спокойным развитием ситуации в данный момент

– Милый, разве я себя когда-нибудь плохо вела?

– Мдаа, – я предчувствовал, что знакомство не ограничится обменом имен, – идем.

Мы подошли к моим друзьям, и я представил Лену компании. Некоторых она уже знала. При этом я показал одному из наших общих знакомых, чтобы он увел ее отсюда прямо сейчас. Он подошел к ней и, дав ей бокал шампанского, попытался привлечь к себе, но Лена начала разговор с Юлей, с которой я уже был рядом в тот момент. Девушки познакомились, и, вроде бы, началась обычная для ночных клубов беседа, но только до тех пор, пока разговор не перешел на обсуждение меня. После того, как мы с Юлей начали целоваться, изрядно пьяная, Лена сказала:

– Да ты знаешь, он тебя в гостиницу отвезет, трахнет и бросит.

– А может я как раз, и хочу с ним только сексом заниматься, – Юля довольно улыбнулась, парируя грубость.

– Нет, ты не понимаешь, ты не знаешь, кто он такой, он тебя бросит после первой ночи.

– Я вообще-то у Олега уже второй день живу. – Юля прижалась ко мне и провела рукой по щеке.

На какое-то мгновение мне показалось, что сейчас начнется очередная женская драка, но вместо этого Лена, сверкнув глазами, зло посмотрела на меня и отчетливо проговорила Юле:

– Тут одна девушка в клубе есть. Она Олега очень любит, она тебя просто убьет. Уезжай отсюда лучше, я серьезно говорю.

– Так мы сейчас допьем и поедем домой, продолжим сексом заниматься, – Юля мило улыбнулась, и, закусив нижнюю губу, посмотрела на меня, после чего я ее поцеловал.

– Сука, – процедила сквозь зубы Лена и, сильно поставив бокал, из-за чего остатки шампанского разлетелись по столу, развернулась и ушла, пробираясь сквозь толпу танцующих.

«Холодная война двух блондинок» – подумал я.

– Юль, извини, я не знал, что так получится, – я обнял ее и опять поцеловал в губы. Ее лицо было прямо возле моего.

– Да всё нормально. Бывают истерички. Наверное, ее никто не трахает, – она рассмеялась.

– Не знаю.

Юля повернулась ко мне спиной и стала тереться об меня попкой, при этом обхватила мою голову левой рукой, закинув ее назад.

– Ты хочешь домой, – я прошептал в ее ухо.

– Может быть, – она и дальше терлась о низ живота.

– Идем? – я легонько прикусил мочку ее уха.

– Давай еще минут двадцать побудем, и поедем.

Она приехала ко мне и на следующей неделе, и, скорее всего, наши встречи продолжились бы и дальше, но в конце января у меня опять начались постоянные поездки по работе, которые продлились месяца три.

Мы периодически созванивались с ней в течение последующего месяца, но наше общение становилось всё более редким. Мы всё также обсуждали нашу возможную поездку в Лондон в конце апреля или в начале мая, понимая, что ее, скорее всего, не будет. Максимум, что могло бы случиться – это если бы мы оказались там в одно и то же время, совершенно случайно. И кто-нибудь из нас отправил сообщение «Привет. Я в Лондоне. Как ты? Где ты?» и получил бы в ответ «Привет. Я тоже тут». Последовали бы еще пара встреч и прогулок по этому городу, которые бы закончились в номере гостиницы. И всё.

Вместо этой поездки у нас остались приятные воспоминание друг о друге (поддерживаемые периодическими смсками) и ощущение, что, может быть, когда-нибудь, если мы встретимся, то будем друг другу теми же близкими людьми, которыми мы стали в январе.

12 апреля, в четверг, в день космонавтики, у меня был дневной рейс из Риги в Москву. А через два часа после приземления, я уже должен был вести свой тренинг. Тем утром произошло событие, которое имело весьма неприятные последствия.

В восемь утра, перед выездом в Ригу, я завтракал у себя дома. Я уже был одет и готовился через несколько минут спуститься в гараж, положить чемодан в багажник, и проехать триста километров до аэропорта. Всё должно было пройти абсолютно обычно. Но, жуя кусок бутерброда с лососем и огурцом, я сильно чихнул и в этот же момент резко наклонился вперед. В ту же секунду, мне показалось, что кто-то сильно уколол меня между ребрами с правой стороны. Я стоял практически парализованный от боли и не мог нормально пошевелиться. Через пару минут боль уменьшилась, и я смог хоть как-то двигаться. Было ощущение, что зажат межреберный нерв. О таком я читал в интернете, и слышал в какой-то программе по телевидению. Думая, что со временем всё пройдет, я выпил обезболивающего и спустился вниз.

Самолет Рига – Москва поднялся в воздух. Очередная поездка, друзья, знакомые, а также десятки новых людей, с которыми я буду общаться, и которых еще не знаю. Опять будет кто-то близкий мне на эти несколько дней. Воспоминания, впечатления.

Я посмотрел сквозь иллюминатор. Всегда window seat, мне так нравится. Можно смотреть на облака под собой, или же, в ясную погоду, на меняющийся пейзаж. Самолет набирал высоту, когда я закрыл глаза и, немного спустившись в кресле, прислонил голову к иллюминатору. В самолетах я почти всегда спал. Привычка.

Мне всегда нравилось летать. Мне получал удовольствие от самого полета, от того, как желудок прилипает к позвоночнику в момент набора скорости и высоты. Также нравилось, что я мог выключить мобильный телефон, и хоть пару часов провести в относительном одиночестве. Я подкладывал заботливо принесенную стюардессой подушку под голову, и отключался. При этом я наслаждался не только покоем над землей, но и самим ощущением передвижения. Аэропорты, другие страны, другие города.

Последние пять месяцев, почти полностью, кроме января, я провел в дороге. Была Москва, где я познакомился со своими новыми уже друзьями. Обжился в городе, который уже стал для меня родным, и в котором я чувствовал себя почти также комфортно, как и в Лондоне. В столицу Англии я продолжал летать с регулярным постоянством. В основном, это были однодневные пребывания, прилетел – встретился – улетел, или же трехдневные поездки, во время которых я работал со своими клиентами. Каждая из таких поездок существенно прибавляла мне денег в банке и улучшала и без того мой неплохой английский язык.

А до этого был Турин. Город, по пути в который, можно было разглядывать сквозь иллюминатор снежные вершины Альп. Из всех поездок туда, больше всего я вспоминаю ту, сентябрьскую, когда мы с клиентом полетели в Италию, а не в Россию.

Тогда у меня было два дня, во время которых я был свободен большую часть времени. Мой клиент поехал на завод в окрестностях Турина, и у меня были лишь небольшие дела, которые были довольно быстро сделаны. К вечеру я был в гостинице.

Уже начинало темнеть. Спать мне не хотелось, и я решил провести ночь в клубе. Поужинал, принял ванну, посмотрел ТВ, и к одиннадцати вечера вышел из гостиницы. Улицы были забиты целующимися парочками, мужскими компаниями и девушками, которые, в основном, ходили вдвоем. Казалось, что ночью город живет своей жизнью. Точно такой же активной, как и днем. Время от времени я спрашивал проходящих мимо молодых людей, есть ли нормальные клубы неподалеку и как туда добраться. Все направляли меня или к реке или к площади Vittorio - скоплению ночных заведений. Так как это было недалеко от гостиницы Golden Palace, (где я остановился) я решил прогуляться, благо погода была довольно неплохая.

Порекомендованные мне и находящиеся прямо у реки "The Jam" и "The Beach" меня, мягко говоря, не впечатлили. Зато довольно неплохо мне хотел продать наркотики итальянец, сидящий на ступеньках возле реки. Вначале, окрикнув меня, он предложил гашиш, но после моего презрительного "no" сказал "I got coke". Я по инерции прошел метра два, остановился, развернулся и решил узнать, по сколько же он продает:

– How much?

– Ten Euro.

Я засмеялся и пошел дальше.

– Hey, you take more, you'll get a discount, – он попытался хоть как-то меня заинтересовать.

Повернувшись к нему, я сказал, – Ten is way too low. If you'd say fifty, I'd think about that. But now I think you're pushing shit. Bye

– No, it's good...

Я уже ушел.

Решив все-таки отыскать хорошее ночное заведение, я направился по оживленной широкой улице на запад. Много пабов, много ресторанов, но ни одного ночного клуба. Я прошел мимо одного ресторана, и решил перейти через дорогу. И тут ко мне сзади подбежала девушка и что-то оживленно и довольно начала говорить на итальянском.

– I don't understand Italian. Niento Italiano, – я ответил.

– Oh... Parfume... Bello, – девушка закрыла глаза и глубоко вдохнула носом. – "What is it?" – спросила она, тщательно проговаривая слова.

Я любил экспериментировать с духами, и в тот вечер на мне был букет из Versace Man и Intimately Beckham, Я озвучил ей весь состав.

При более тщательном осмотре девушки промелькнула мысль – «а может в гостиницу вернуться?», но непоколебимое желание повеселиться сегодня и уехать из клуба с красивой незнакомкой пересилило. Я спросил девушку, есть ли нормальные клубы где-нибудь поблизости. Она начала отвечать по-итальянски, и это означало конец разговора для меня. Попрощавшись, она поцеловала меня в щеку.

Пройдя еще немного, у меня сложилось мнение, что в Турине люди проводят время исключительно в пабах и на улице возле них. Я дальше направился по улице, но что-то мне подсказывало, что я иду не туда. Через пару сот метров открытых заведений значительно поуменьшилось, и я начал приближаться к жилым домам. Людей было мало, и я решил позвонить в гостиницу, чтоб они мне прислали такси.

В это время мимо меня и ряда оставленных на обочине автомобилей, медленно проехала голубо-металлическая Ferrari 360 с особой женского пола за рулем. Девушка явно искала место припарковать машину. «Она точно должна знать хорошие клубы» промелькнуло у меня в голове. К этому моменту девушка уже втиснула свой болид между машин и заглушила движок. От меня до нее было метров тридцать. Пока я направлялся к девушке, она вышла из машины и торопливо пошла по мостовой в мою сторону. Метра за три до меня она взглянула на меня, и я обратился к ней:

– Sorry, could you please... (девушка замедлила шаг). Could you tell me if there are any really good nightclubs around here?

– You are not Italian?

– No, otherwise I would talk to you in your language, – я усмехнулся.

Девушка полностью остановилась, – Who knows...

– I do. Believe me, you wouldn't want me to speak to you in Italian. My Italian really sucks.

Она рассмеялась в ответ.

– So, could you please advise me some nice nightclubs? I'm new to the city but I've heard that there are some good ones, – я еще надеялся попасть в какое-нибудь хорошее место.

– I don't think you'll like them, – она покачала головой.

– Why not?

– Just a guess. No, really. Cacao is good, Joy and Joy, what else... But they are so so.

– Fuck, – я недовольно поморщился и сжал губы, – Fuck, fuck, fuck... So am I doomed?

- What?
- I mean that I won't like what I will see
- Yes, you will not.
- Hmm, what could you recommend me?

И тут я осознал, что из-за своего желания провести ночь в клубе, я совершенно не обращаю свой взгляд на девушку, с которой я говорю. А она очень красива. Высокая, с правильными чертами лица и стройным телом, длинные прямые волосы, дорого и красиво одета. А почему бы ни провести вечер с ней, если в клубах мне действительно не понравится?

И тут всё началось. Я что-то отвечал девушке, мы познакомились. Она жила прямо в этом доме, возле которого мы стояли, и она вначале подумала, что я местный и хочу украсть ее машину (хоть улица просматривается видеокамерами). Она рассказала мне, где в Турине можно интересно провести время днем. Мы обменялись еще несколькими фразами и разговор шел к логическому завершению, когда я должен был бы поблагодарить ее и пожелать спокойной ночи. Но это не входило в мои планы, да и девушке, как мне казалось, я очень понравился. Я посмотрел поверх нее, потом в ее глаза и сказал:

– I'm leaving Torino on Sunday morning, going back home. It's a pity, but we won't see each other again. And you are one of a kind. I haven't seen more fabulous girl in Italy.

- Oh, c'mon, – она засмузилась.
- Really. And I feel like it will be a cold and lonely way back home to my hotel.
- Where are you staying? – Она перебила меня.
- Golden Palace Hotel, a decent one near via Roma, – я немного поморщился.
- It is a very good hotel indeed, – она одобрительно кивнула головой.
- Really? Looks just slightly better than ordinary.

Тут я понял, что надо переходить к более активным действиям.

- Stephanie, I want to ask you something.
  - What?
  - I don't know how to say it correctly, but if you are not that sleepy... and you see I'm not local,
- я выдержал паузу, – Show me Torino. I wanna see the city and I'd like to do it in your company.

– I don't know, I feel like tired, – она отказалась, но скорее это было просто нежеланием соглашаться сразу же.

- You know it all. Show me, please.

Улыбка на моем лице вызвала такую же ответную реакцию и у нее. Она сказала, что может меня сопроводить, но только если недолго и недалеко. Я ответил, что еще не ездил в Феррари голубого цвета, и чтоб девушка была за рулем. Стеф, (как я ее называл) поднялась домой, сменила куртку, и мы отправились в неспешную поездку по ночному Турину. Водит она – по-женски.

Мы кружили по кварталам, она останавливалась у каких-то памятников и на площадях, рассказывая мне о них, потом мы пили кофе, купленный в макдрайве. Потом мы заехали в еще открытый ресторан и ели пасту с бараньим соусом. Там мы обнимались, целовались, скрипач подходил и играл для нас. Я чувствовал, что эта ночь уже более интересна, чем ночь в клубе. Она рассказала о себе, а я о себе, упустив область соблазнения, мы вспоминали интересные истории из прошлого, делились впечатлениями о других странах. Она отвезла меня на другую сторону реки По, в горы, где с одной из площадок открывался великолепный вид на ночной Турин. Мы вышли на улицу и облокотились о крыло машины. Болтали, целовались, и я понял, что это прекрасное место для секса.

- How is "I want you" in Italian? – Я коварно улыбнулся.
- Ti voglio. Why? – она поцеловала меня.

Посмотрев на нее, я сказал, – Say it like you feel it.

Ответа не последовало. Секс на капоте машины. Домой к ней за ее вещами, ко мне в гостиницу, секс, сон.

Утром мы каждый пошли по своим делам.

На следующий день опять лило как из ведра. Интересная закономерность – вечером сухо и ясно, а днем дождь. По крайней мере, так было во время той поездки. Сотрудники гостиницы и Стеф подтвердили, что это только последние пару суток. До этого не лило месяца два. Днем я прошелся по магазинам, в одном из которых работала очень красивая девушка лет двадцати двух. Итальянка, смуглая, красивое упругое тело, прекрасная улыбка и очень нежный и приятный голос. Мы поговорили несколько минут, и это был один из тех случаев, когда понимаешь что вот оно – то, что тебе нужно. Мы улыбались, шутили, она поправляла майку на мне и проверяла, хорошо ли сидят на мне джинсы. Я же распутывал ее волосы, которые запутались в цепочке, и снимал ее кулон, слушал ее поучения, как правильно должны сидеть джинсы на девушке, трогал ее бедра и застегивал пуговицы на ее штанах.

Получилось так, что у нее в магазине я ничего не купил. Когда я уходил, она очень тепло смотрела на меня. У меня было ощущение, что мы еще встретимся.

Примерно в полвосьмого вечера, когда магазины в Турине начинают закрываться, я вышел в город прогуляться и поужинать в одном из многочисленных итальянских ресторанов. Неспешно прошелся по крытым мостовым, посмотрел на выступление уличных актеров и опять свернул на Via Roma. На самом деле я думал продолжить свой путь по прямой, но что-то подсказывало мне, что надо свернуть. И тут я увидел сегодняшнюю девушку. Она шла навстречу мне и искренне улыбалась. За секунду я представил, как сегодня мы проведем вечер вместе. Поужинаем, пройдемся по городу, обнявшись, будем сидеть, укутавшись в теплые пледы за столиками на улице, попивая белое вино, как будем целоваться, заниматься любовью, разговаривать, молчать вместе, соприкоснувшись щеками, как будем спать вместе и изредка просыпаться, чтобы заняться сексом и опять заснуть дальше. Возможно, она даст что-то, чего не дала мне Стефани. Я смотрел в лицо этой девушки в ее красивые и манящие черты лица. Она излучала такую доброту, искренность, заинтересованность, любовь, аристократизм, тепло – все то, что заставляет меня думать о девушке, когда ее нет рядом и наслаждаться ею, когда мы вместе.

И я понял, что, несмотря на то, что я хочу, безумно хочу этого, я не могу позволить себе этому случиться. Между нами пара тысяч километров и я не смогу видеться с ней часто. Да и не в моем состоянии сейчас, когда я и чувствовал-то себя не слишком. А видеть ее в качестве девушки на одну ночь я не хочу, иначе я буду лишь вспоминать о ней с нежностью, но она будет одной из многих, о ком я так думаю. Она понравилась мне настолько, что я не хочу портить этот образ, который я сам себе нарисовал с ее помощью. И не нужно.

Она остановилась у светофора и опять улыбнулась мне. Я не подошел. Она стояла около минуты, ожидая пока закончится поток машин и загорится зеленый свет. Она постоянно оборачивалась и улыбалась мне, и с каждым разом она мне нравилась все больше. Она перешла дорогу, обернулась, прошла несколько шагов в таком положении, помахала мне рукой, развернулась и пошла дальше. Она оборачивалась еще раза четыре, и каждый раз смотрела на меня. Я всматривался в ее отдаляющуюся фигуру до тех пор, пока ее силуэт не скрылся среди колонн plaza San Carlo. Я даже не знал ее имени. Через полтора часа я встретался с Стефани.

Самолёт трянуло, и я открыл глаза. Похоже, я задремал, так как стюардессы уже разносили обед в пластмассовых коробочках. Я осторожно потянулся, разминая затекшие мышцы и суставы. Отказавшись от еды, но, выпив чая с молоком и стакан апельсинового сока, я положил пустые стаканы на соседнее сиденье, и закрепил подставку на кресле перед собой. Я опять взглянул вниз. Подо мной было белое одеяло облаков, местами вздымавшееся словно снежные сугробы. Возникало ощущение, что земли внизу больше нет, некуда приземляться, и мы навсегда останемся в воздухе. Я улыбнулся и снова закрыл глаза.

Затем Санкт-Петербург, последний раз в котором я был шесть лет назад. Сейчас же, за три месяца я уже был в нем дважды, прожив там, на Театральной площади, возле Мариинки, две недели. В Питер нельзя ездить осенью или зимой. В это время там свирепствует пронизывающие до костей ветра, которые уничтожают всё положительное впечатление от

города. При этом, если не жить в центре, то Питер становится точно таким же серым российским городом, как и многие другие. И в нем также холодно, как и в Таллине, городе, где понятие «гламур» отсутствует как вид. Еще был Минск, по пути в который, в самолёте, я познакомился с рыжеволосой девушкой, с которой мы потом случайно пересеклись тем же вечером в клубе, а следующим вечером, точно также, совершенно случайно, встретились на Comedy club, и я пригласил ее к себе за столик. Авиа знакомства могут быть очень приятными. Тогда в Минске я ужасно себя чувствовал, и были дни, когда я просто не мог подняться с кровати. Однажды, за час до тренинга, в пять часов вечера, у меня была температура 40,3 градуса, и я физически не мог приготовить себе лекарства. А час спустя я поднимался на третий этаж, чтобы бодрым голосом сказать группе «Добрый вечер, молодые люди. Начинаем. Прошу всех сесть».

Потом, пару недель спустя, первого марта, в четверг, еще утром я был на берегу Балтийского моря, в Риге, где закончил вести тренинг. А уже после обеда я летел из Москвы в Екатеринбург. Там, на Урале, мы наконец-то начали нормально общаться с Сашей 4ю. До этого наше общение больше напоминало холодную войну. Несмотря на то, что мы часто проводили время вместе – все равно не было некой открытости в общении. А здесь, далеко от Москвы, все изменилось. По случайному стечению обстоятельств, мы проводили наши тренинги в одном и том же здании, в одно и то же время, и наши аудитории были по разные стороны коридора, одна напротив другой. В дверях были стеклянные витражи, и можно было видеть, как за дверью постоянно сидят несколько студентов из соседней аудитории, и слушают мое выступление. В Екатеринбурге я даже предложил Саше остановиться в той квартире, где я жил, так было удобнее и интереснее ездить «на работу» и выдвигаться в клубы по вечерам.

Кстати, здесь мы могли отдыхать так, как не могли позволить себе в Москве. Однажды тут мы разыграли небольшой спектакль. В пятницу уже под утро мы приехали с Сашей и с Никитой (парнем, который работал со мной в Екатеринбурге, и у которого я остановился) в ночной клуб «Подвал». Мы интересно смотрелись втроем. Никита был натуральным блондином, а мы с Сашей – два загорелых черноволосых парня. В общем, колоритная компания. Взяв виски, мы с 4ю увидели, что наш друг уже общается с одной из своих многочисленных знакомых. А сами тем временем обратили внимание не девушку, которая стояла возле гардероба.

Мы были рядом, и она посмотрела на нас и улыбнулась. Эта брюнетка была невысокого роста, в свободном черном платье с глубоким декольте, загорелая кожа и минимум косметики на ее симпатичном лице.

– Привет. – Поздоровался с ней Саша.

– Ой, мальчики, привет, – она улыбнулась еще шире. – А вы что здесь делаете?

– Зашли попить немного, скоро уезжаем, – ответил я.

– Только пришла? Или уходишь уже, – обратился Саша?

– Не, я телефон достать, – в это время она протянула руки к шубе, которую ей подали, и взяла телефон. – А вы давно тут?

– Минут двадцать, – мы с Сашей переглянулись.

– Какие вы классные, – она оглядела нас, – а вы откуда?

4ю усмехнулся и посмотрел на меня, – оттуда.

– Ой, из Москвы. А я там была недавно, там классно.

Саша дотронулся до ее платья, – прикольное платье у тебя. И вырез, что надо, – он посмотрел на ее грудь, и девушка весело засмеялась.

– Мальчики, а вы какие-то интересные. Меня, кстати, Элла зовут, – она протянула руку. Мы сказали свои имена.

– А вы где живете тут?

– Где-то недалеко. Ненадолго приехали, вместе остановились, – сказал Саша и усмехнулся.

Элла посмотрела на нас немного удивленно и, указав на нас пальцем, спросила, – А вы не?

Мы с Сашей переглянулись, и, решив подыграть ей, встали рядом, дотронувшись друг до

друга локтями.

– Геи, ты имеешь в виду? – Я спросил ее.

– Ну да.

– А что в этом такого. У людей может быть свобода выбора, если они никому не мешают. Или ты против? – я наигранно обиделся, но девушка, кажется, поверила мне.

– Ой, нет, что вы, – она улыбнулась, – у меня у самой есть друг гей.

– Это хорошо, каждый человек вправе распоряжаться собой так, как хочешь, правда, – Саша улыбнулся.

– Мальчики, какие вы классные! А вы только, – она замялась, – ну, только с мужчинами, или с девушками тоже.

– Иногда и с девушками, нельзя же их лишать такого счастья, – мы с Сашей чуть не начали смеяться.

Такое заявление странным образом раскрепостило ее. Последующие пару минут мы обсуждали грудь девушки, 4ю засовывал свою руку под ее платье, убеждаясь, что она упругая и правильной формы. Мы уже вплотную приблизились к девушке и всю ее гладили. Она же клала руки нам на рубашки и под них.

– Слушай, а тебе групповой секс нравится? – спросил Саша.

Элла, похоже, уже готова была на всё, – да.

– Часто занимаешься? – 4ю опять положил руку на ее грудь.

– Нет, не часто, но нравится.

– А с двумя парнями тоже, или только с девушками, – я спросил ее?

– И с парнями тоже, – она улыбнулась.

– А когда-нибудь пробовала заниматься сексом с двумя бисексуалами?

– Нет, – у нее загорелись глаза.

– Элла, – я попробовал сказать очень серьезно, насколько позволяла атмосфера клуба и сложившаяся ситуация, – ты не представляешь, какие это ощущения для женщины. Это такое колесо любви!

Мы с Сашей рассмеялись, уже не выдерживая этого театра. Элла же попросила у нас номера, и мы договорились, что она завтра придет к нам.

В воскресенье вечером, я, попрощавшись с ним и проводив его в Москву, поехал поужинать с друзьями, а позже встретился с девушкой. Вернувшись домой и включив свет в комнате, я увидел, что на кровати под одеялом кто-то спит. Это был 4ю. Оказалось, что Саша вернулся домой, так как у самолета сгорел двигатель, и он вылетает другим рейсом лишь в семь утра. Поездка в этот город запомнилась множеством приятных моментов, которые следовали один за другим. А еще, здесь, в Екатеринбурге, я последний раз нормально общался с Чилом.

Увидев многое, что творится между мужчинами и женщинами в процессе их общения, увидев, как именно знакомятся и как проводят время люди в России и близлежащих странах, я ужаснулся. Большинство из студентов, которые приходили ко мне на тренинг, уже раньше знали о профессиональном соблазнении. Но это нисколько не приближало их к своей заветной цели. Они всё еще были очень далеки от понимания женщин и самих процессов нормального общения. И из-за этого я столкнулся с самой сложной проблемой в русскоязычном обществе – показать, что сам процесс, который люди называли соблазнением, является абсолютно нормальным явлением. Не только парням и девушкам, но также и более взрослому населению. Люди нравятся друг другу, встречаются, влюбляются. Иногда занимаются сексом в первую же ночь. Это нормально. Это всегда было, только называлось разными терминами. Во всем мире общение с противоположным полом – тема номер один, (после политики и цен на нефть) и это общение, эти эмоции, вызываемые при общении с человеком – они нас сопровождают всю жизнь. И именно этот обмен эмоциями двигает миром наряду с деньгами.

А то, что происходило в России сейчас, по крайней мере, в большинстве случаев для парней – напоминало приближение испуганного НЛЮ, когда вместо нормального общения, при виде красивой девушки, молодой человек не решался подойти (в лучшем случае). Или же, набравшись смелости, и заучив волшебную фразу (от которой каждая девушка захочет с ним,

по крайней мере, переспать), он победоносно ее озвучивал своим неуверенным голосом. К сожалению, волшебные фразы в русской реалии теряли свою силу, и большинство разговоров погибало, еще так и не развившись. Так называемый своеобразный страх общения с девушкой был вызван комплексом неполноценности. А в дальнейшем само общение бывало просто отвратительным, о котором и не хотелось вспоминать.

– Ну, как так можно? – я, почти засыпая, говорил с собой, где-то в мыслях, сонно смотря сквозь иллюминатор вниз, – есть же нормальные мужчины, которым просто не хватает навыков общения, они идут учиться к тем, кто сам еще вчера был студентом. У меня же у самого уже много студентов, которые, получив какую-то информацию, теорию, уже выдают себя за прекрасных тренеров и коучей. Одно дело, если бы они помогали в знакомстве, в том, как надо девушку правильно подвести к сексу, но нет же! Говорят о смысле жизни и о том, чего нужно добиваться. При этом еще вчера по этому поводу обращались ко мне. Мдаа... Но это уж лучше чем то, что было на российской сцене соблазнения раньше. Была какая-то странная однобокая информация и правила, по которым мужчина должен трахать всё что движется, и если одна из сотни согласится с ним и дальше общаться – это уже успех. Хотя, какие тренеры – такая и информация. Сложно оставаться нормальным мужчиной, когда для того, чтобы общаться с девушками и получать их внимание необходимо использовать всевозможные техники, спиралевидные метафоры, левые фишки и прочий мусор, засоряющий и мозг и душу. К сожалению, никто не может смотреть дальше, чем позволяет его понимание, а тем более, передавать знания. И в плане обучения эта фраза очень актуальна.

Я начал ерзать в кресле, пытаюсь устроиться удобнее, так как после утреннего события дома, боль начала проявляться в спине и в груди. Вызвав стюардессу, я попросил ее принести стакан холодной воды, и позже, растворил в ней две таблетки Solpadeine. Спустя несколько минут резкие покалывания сменились тупой болью, к которой вполне можно привыкнуть. Я опять попытался заснуть.

Мне почему-то вспомнился один мой клиент, вернее даже не он сам, а тот вечер, когда мы познакомились.

Однажды, во время очередной поездки, меня угораздило остановиться в гостинице F1 возле Ганновера. До самого города было не очень далеко, но мне было лень, просто лень ехать еще куда-то. Тем более, пришлось бы утром опять возвращаться на автобан. Моя поездка была одним из случаев, когда я всем говорил, что направляюсь в одно из мест, где я уже бывал, или даже, что я просто нахожусь дома. А на самом деле я был в тысячах километров от тех людей, кого я знал. Где-то в новой точке на карте (я не глядя тыкал пальцем в карту, выбирая место поездки). Потом точно также тихо возвращался, и никто зачастую даже не замечал моего отсутствия. В тот раз я опять оказался в Германии.

Уже темнело, и я, свернув с автобана, оказался в придорожной гостинице, недалеко от которой был двухэтажный “Burger King”.

Когда я увидел это здание, мне показалось, что я уже останавливался несколько лет назад именно здесь. В августе 2001 года я с девушкой проехали по южным балтийским странам: Литва, Польша, Германия, Дания. И однажды ночевали как раз в F1. Тогда мы еще заезжали в Леголэнд в Биллунде. Я еще раз осмотрелся, пытаюсь вспомнить хоть какие-то детали того путешествия, которые дали бы мне понять, был я тут или нет, но, те воспоминания давно стерлись.

Я оставил автомобиль на стоянке перед входом, взял сумку с вещами, и зашел вовнутрь. Стандартная процедура на ресепшене, 30 евро, и через пару минут ключи от номера на втором этаже оказались у меня. Отель ничем не отличался от стандартных придорожных «картонных» отелей, только в Германии они довольно ухоженные и там стерильно чисто (или мне такие попадают). Быстрый душ, и можно отправляться перекусить, ведь я не ел от самого Берлина, и только в Магдебурге съел какой-то бутерброд на бензоколонке.

В “Burger King” не было свободного места. Естественно, после дня за рулем, хочется чего-то более вкусного и красиво приготовленного, чем фастфуд, но я был готов съесть что угодно. Точно также думали и все эти десятки, если не сотни людей. Там же было очень много детей. Было ощущение, что собрали всех в округе в возрасте от 5 и до 14, и привезли на вечернюю трапезу. Кое-как заполучив пару бутербродов и тут же запихнув их в желудок, я вернулся в гостиницу. Спать я еще не хотел, поэтому, вытащив запасливо припасенную бутылку Джека, и взяв с собой еще две гондурасские сигары, я вышел из номера.

Задний двор гостиницы был просто великолепен; не в смысле художественных изысков, а просто прекрасно подходил для спокойного часа или двух в одиночестве и приятной компании алкоголя и табака. Уже стемнело, но солнце лишь недавно село за горизонт, так что было довольно тепло, и комаров не наблюдалось. Я раскурил сигару, сел на пластиковый стул и облокотился на стол. Я отправил Диане пару смс со словами «Все нормально. Живой» и сделал первый глоток Джека. Все-таки хороший и знакомый виски.

Завтра был предпоследний день моего «свободного» графика, и мне нужно было хотя бы приблизительно решить, что я хочу делать и куда ехать, так как свою «точку» я уже посетил. Но думать абсолютно не хотелось.

Во время моих ленивых размышлений я услышал, что сзади открылась дверь, ведущая в этот дворик, и вышел парень лет тридцати-тридцати трех, небритый, даже заросший малость, в майке, шортах и в тапках.

После пары "Guten abend" было понятно, что на английском, который был его родным, нам гораздо легче объясняться. Он спросил можно ли присоединиться, и я с удовольствием пододвинул ему стул и предложил сигару. Он не отказался, представился как Ewan и через некоторое время мы оба курили и попивали Jack Daniel's из горлышка, передавая друг другу бутылку.

Общие фразы насчет погоды и здешних дорог закончились, и мы перешли на более личные темы, при этом все еще объясняясь абстрактно, в большинстве случаев. Уже потом, когда бутылка опустела, и мы направлялись обратно в гостиницу, он рассказал о своей семейной жизни, и почему он сейчас здесь. Эван дал мне свою визитку, а я пообещал прислать по мэйлу свои контакты.

Он путешествовал по Европе на мотоцикле, оставив работу и съемки дома. Оставив жену и детей. В середине марта мы с ним встретились в Лондоне

– Блин, я же с Дианой тогда был, когда с ним познакомился, – я начал вспоминать приятные моменты из прошлого, но сразу же остановил себя, – хватит. У нее своя жизнь. Забудь.

Я закрыл глаза.

Потом, в конце марта, я летел из Вильнюса в Киев. Тогда, только выйдя из аэропорта, я впервые попал под теплый уже весенний дождь на Украине. Это был единственный пасмурный день, за все время моего пребывания там.

Мы были на первоапрельской съемке “Comedy Club” в Киеве.

– Смотри, – Сергей показал на смуглую девушку, стоящую метрах в десяти от нас, и улыбающуюся мне.

– Да, хорошая девушка, – я взглянул на эту брюнетку. Немного отодвинувшись от барной стойки, я посмотрел на девушку так, чтобы она видела, как я ее оцениваю, одобрительно кивнул и рассмеялся. Она смущенно отвернулась, и что-то сказала парню, стоявшему рядом с ней, потом опять повернулась ко мне.

– Так, смотри, – сказал я Сергею, и подозвал девушку рукой к себе, показывая, что тут есть место и для нее. Она рассмеялась и отказалась, подзывая уже меня. В течение следующих

секунд десяти я, пытался жестами изобразить, что это ей нужно подойти ко мне, так как здесь больше места, а рядом с ней нам будет тесно. Девушка не соглашалась и опять подозвала меня.

– Ну что, придется идти, девушка зовет. Давай, я потом подойду еще, – я улыбнулся Сергею и направился к брюнетке.

– Привет. Там места больше. – Я показал в ту сторону, где до этого стоял.

– Привет, – она улыбнулась, – ну и что. – Девушка говорила с заметным акцентом.

– Слушай, я с тобой потом бы с удовольствием пообщался, а сейчас уже к друзьям иду, я кивнул в сторону столика у сцены. – Ты что потом делаешь?

– Я с девчонками посидеть где-нибудь, и свободна.

– Давай созвонимся потом.

– Хорошо.

– Только я своего номера не знаю. Я тут с четверга только, и это новый номер какой-то, – указал на свой телефон.

– Запиши мой. – Она продиктовала несколько цифр, – Зара.

– Зара? – я удивленно посмотрел на нее, – красивое имя. Я Олег.

– Приятно, – она улыбнулась.

– Всё, Зара, я пошел, позже созвонимся. На сегодня ты моя, – я улыбнулся, и она рассмеялась в ответ, – я позвоню.

Я пошел вниз, за столик, осторожно переступая через провода телевизионных камер.

– Где был? – спросил меня Андрей.

– К Серому ходил. – Я обернулся и посмотрел на Сергея, а также взглянул на Зару, которая смотрела в другую сторону зала

– Как он, нормально?

– Да, стоит, пьет, – я опять повернулся к столу.

– Это хорошее дело. Давай, – он взял стакан с виски и указал на мой стакан, потом посмотрел на девушку, сидящую рядом, и на меня, – Галя, Олег. – Я сделал глоток.

На сцену должен был выйти новый резидент, и нас всех попросили активней его поприветствовать. Поставив стаканы на стол, мы начали хлопать в ладоши.

В час ночи мы уехали. Андрей предложил перекусить в «Авалоне», и я позвонил Заре. Она с подругами сидела в каком-то ресторане, и сказала, что потом подъедет ко мне. Было уже часа три, когда она появилась с подругой возле нашего дивана. Места, чтобы к нашей компании присоединились еще две девушки – не было. Поэтому я и Сергей взяли девушек и пошли в другой зал, устроившись на белом диване за круглым столом.

Через минут пятнадцать, мы уже сидели, отключившись от происходящего вокруг. Я смотрел на эту смуглую брюнетку, и слушал, как она с акцентом говорит по-русски. Зара родилась в Марокко, и ее родным языком был арабский и французский. Приехав в Киев учиться, она тут и осталась, уже на несколько лет.

– Зара, – я обратился к ней, опять запуская пальцы в ее полосы и целуя ее, – я хочу уже домой ехать. Поехали со мной. Я хочу, чтобы ты осталась у меня.

Она улыбнулась в ответ, – хорошо.

– С нами Серёга поедет, у меня дома его вещи, и он в половину пятого уезжает назад в Днепропетровск, – я предупредил ее.

Мась, – она сказала подруге (почему-то, она часто обращалась так к подружкам, это слово, скорее всего, вбирало в себя очень многое), – мы пойдем уже. Я к Олегу поеду.

– Ты уверена?

– Да.

– Серый, поедет уже? – я обратился к другу.

Сергей лежал на диване, положив голову на грудь очаровательной блондинке, которая гладила его по голове, и смотрел в потолок. – Да, пора уже, – он поднял голову и сел на диван. Девушка обняла его и прижала к себе, – хоть его мне оставьте.

Попрощавшись с Сергеем, который уже спускался в такси, я закрыл дверь в квартиру. Пройдя на кухню, я почему-то решил выйти на балкон. За пределами квартиры было довольно

тепло и тихо. С высоты седьмого этажа была видна вся Красноармейская улица, и где-то там, через пару километров, заканчивался Крещатик. С минуту я простоял там, наслаждаясь свежим воздухом и тишиной, которая была редкостью в дневные часы. Потом я пошел в душ, а после лег в постель к Заре, которая ждала меня в спальне. Через час мы заснули.

Зара оказалась действительно интересной девушкой. На год старше меня, роскошная, дерзкая, она говорила всё, что у нее было на уме, и не считалась с другими. При этом, за тех, кого любила, готова была отдать всё. Она рассказывала мне о своей жизни, о том, как раньше жила в Марокко. На мои робкие замечания по поводу того, что я хотел бы когда-нибудь посетить Касабланку, она ответила:

– Котик, Касабланка, это не то. Там ты уже не увидишь Марокко. Там уже грязно, все не так, как раньше, – она презрительно фыркнула. – Марокко, это другое. Ты «Бабель» смотрел, – я кивнул, – вот это Марокко. Горы, когда не видно края, песок, и там же море или океан.

Она начала рассказывать какая это прекрасная страна, какие гостеприимные там люди и как мне там понравится. Я лишь согласился и про себя подумал, что теперь обязательно должен туда съездить.

До четверга мы были вместе. Встречались каждый день. Проводили всё свободное время рядом. Завтракали и ужинали вместе. Только на время моей работы и ее дел – мы были не вместе.

Мы сидели в ресторане возле Крещатика, и Зара рассказывала о том, что по обычаю, она обязана выйти замуж за мусульманина, и из-за этого ей сложно общаться со всеми людьми тут. И по ее мнению, мужчины были какими-то ненатуральными.

– Почему я тогда? Почему ты приехала тогда ко мне, и почему мы сейчас вместе, – я удивился, так как впервые общался с девушкой арабкой.

– А я тебя захотела еще до того, как ты меня увидел. Я на тебя смотрела, когда ты там, в «Арене», со всеми общался, с этим Сережей, с Андреем, с кем-то еще. Ты выделялся. Я еще тогда другу своему на тебя показала, и мы тебя прозвали «розовая рубашка», – она рассмеялась и провела рукой мне по щеке.

– Если бы я черную рубашку надел, черным бы назвала? – я поцеловал ее

– Не знаю. Но ты другой был. Не как все.

– Так вот почему ты смотрела так. А если бы я тогда не подошел всё-таки, – я посмотрел ей в глаза.

– Я бы подошла.

Зара сказала, что в следующий раз, когда я буду проводить тренинг в Киеве, она приведет всем моим студентам по самой лучшей девушке, если я только попрошу, так как у нее есть очень много девчонок, ее подружек, которые все сделают для нее. Представляя такую перспективу, я рассмеялся.

– Я серьезно говорю, – она обиделась. – Назови любую. Актрису, модель, певицу, из Москвы могу подружек позвать.

– Да я верю, не надо. Они и сами девушек берут. Хотя, я подумаю, предложение заманчивое, – я улыбнулся.

В четверг я улетел из Киева, проведя последнюю ночь не у себя дома, а у нее, на Бассейной. Она не хотела, чтобы я улетал, да и я бы с удовольствием остался, но к вечеру мне нужно было быть в Ростове-на-Дону, где я бы провел всю свою следующую неделю.

– Котик, я тебя не забуду никогда, – она сказала перед тем, как я покинул квартиру. – Не смейся, я серьезно. Я тебе обещаю. А это многого стоит. Если тебе когда-нибудь что-то нужно будет, ты только скажи. И я знаю, что мы увидимся обязательно еще.

Я обнял Зару, и спустился к такси.

Над головой зажглась лампочка «Пристегните ремни». Появилась стюардесса, проверяющая, все ли пристегнулись и выпрямили спинки своих кресел. Похоже, поспать мне так и не удастся. Я зевнул.

*Во сне,
Меня ты видишь в этом сне,
Рисуешь тень на мокрой простыне.
Во сне,
Улыбка тянет эту ночь,
А я опять сижу в пустом окне.*

*А утром снова ты,
Нелепых фраз, цветов букет,
Я помню всё, ты шепчешь, нет.
Собрали сны, и в них видна,
Лишь часть тебя,
Лишь часть меня.*

В обычный апрельский московский день у меня была назначена встреча в ресторане French Café с другом. Он немного опаздывал, поэтому, учитывая то, что у меня с самого утра во рту не было ни хлебной крошки, я решил перекусить.

Стандартный заказ для этого места как всегда состоял из супа, карпачо и спрайта со льдом и обязательно ломтиком лимона, который я обычно давил в стакане трубочкой (чаще всего желтого или зеленого цвета). В ресторане было немало людей, но несколько столиков все равно были свободны. Сделав заказ и пару звонков, я от скуки принялся рассматривать посетителей. Тут было на что посмотреть; чопорные бизнесмены, громко обсуждавшие продажу акций какого-то предприятия радовались возможной прибыли и активно перемещались вокруг стола, оперируя цифрами и графиками, при этом постоянно извинялись, когда наступали друг другу и на без того сношенные туфли. Мамочка, сидящая впереди меня, постоянно ругала своего сына за то, что он вертится на стуле и играет солнечным зайчиком, вызванным его детскими наручными часами. Один джентльмен постоянно смотрел на часы и оборачивался к двери, когда кто-то заходил. Так и хотелось подойти к нему и сказать: «Пробки. Она придет». Официантки резво бегали между столов, администратор встречала вновь прибывающих посетителей, а маленький мальчик все играл с солнечным зайчиком и никак не слушался свою маму.

Пресытившись созерцанием происходящего вокруг, я достал свой телефон и начал просматривать уже имеющиеся там фотографии и видео, и в это время в заведение вошла высокая брюнетка, окинула взглядом ресторан и направилась к администратору. Джентльмен, сидящий у окна, немного привстал, но, увидев, что это не тот, кого он ждал, разочарованно опустился на стул. Администратор указала брюнетке на свободный столик в другом конце помещения, но девушка, бегло окинув взглядом ресторан, показала на столик по соседству со мной, и, быстро направилась к нему. Девушка прошла к столу, уселась за него, скинула свою легкую кожаную куртку, положила маленькую сумочку рядом с собой и начала просматривать меню. Я повернулся направо и рассмотрел ее получше. Брюнетка, стройная, красивая, с правильными и женственными чертами лица, собранные в хвостик волосы, длинные тонкие пальцы рук, очень плавные движения и немного грустный, даже скорее уставший взгляд, никак не сочетающийся с порой появляющейся на ее лице улыбке. Она окинула меня обычным взглядом (которым смотрят на простых прохожих, чтобы убедиться, что это не ваш знакомый) и продолжила рассматривать меню. Я также погрузился в телефон.

Через некоторое время, за которое к девушке никто не подошел, она встала и направилась к ближайшей официантке:

– Подойдите, пожалуйста, а то ко мне уже минут десять никто не подходил

– Сейчас, секунду.

Буквально через полминуты к девушке подошла та самая официантка, которая обслуживала и мой столик.

– Вы выбрали?

– Да... Я хочу чего-нибудь простого и одновременно сытного. Какой-нибудь салатик и суп, куриный бульон.

– Можете взять ... (девушка сказала название салата, которое я не смог запомнить), очень вкусный.

– Хорошо, тогда я возьму его, куриный бульон и черный чай.

Официантка ушла.

У моей соседки была очень интересная манера говорить. Создавалось ощущение, что в тот момент, когда она говорит, эти вещи материализуются, и их хочется увидеть и почувствовать. Эти сорок секунд общения с официанткой показались мне настоящим шоу.

Я одобрительно покачал головой (скорее для себя, чем показать восхищение девушке) и заинтересованно посмотрел на нее. В этот момент девушке позвонили. По фразам в одну сторону я понял, что в пятницу девушке нужно встречаться с коллегами по работе, и что Игорь обязательно должен подписать документы, а также что дома у нее ремонт и эти работники уже второй день вешают карнизы и некому за ними присмотреть. Телефонный разговор закончился, и девушка облегченно вздохнула. В это время я уже доканчивал карпачо и ждал суп, а девушке только принесли салат. Примерно тогда все началось...

– Извините, – обратилась ко мне девушка, – а Вы случайно не покупали эту рубашку в Новинском пассаже?

Я отложил приборы, повернулся направо к девушке, осмотрел ее и ответил:

– Нет, они продаются в Новинском, но с третьего марта открылся магазин в Европейском. Я на днях взял ее там.

– Ой, эти рубашки просто прелесть, у моего мужа их, наверное, с десятков, но такой я еще не видела.

– Это из новой коллекции, видите, пуговицы спрятаны под полоской, их не видно. А в прошлых коллекциях было, наоборот, там обыгрывались несколько пуговиц, три, пять, когда как.

Я помню, когда я купил свою первую рубашку Vittorio Marchesi, вернее тогда мне ее подарили. В конце ноября, за несколько часов до съемок репортажа для Рен-ТВ я понял, что у меня нет ни одной новой вещи с собой, и мы по дороге купили рубашку. Розовая рубашка с двумя воротниками, розовым и белым. Я переодевался на улице, за несколько минут до начала съемок. Моя рубашка, которую я надел в этот раз, была ослепительно белого цвета с фиолетовым воротником, зелеными манжетами и зеленой полоской вдоль пуговиц.

– Да, я знаю. Вы, кстати, очень красиво выглядите. Вы как-то связаны с индустрией моды?

– Спасибо. На самом деле сегодня я выгляжу не очень. Какая-то бессонная ночь получилась. А с чего Вы взяли, что я каким-то образом связан с этой сферой?

– Ну, не каждый же будет в середине рабочего дня ходить в белых туфлях, белой не офисной рубашке и с такой интересной прической. И все так хорошо подобрано. И Ваши часы, и браслет на руке. Видно, что Вы за собой следите. Поэтому и подумала.

В этот момент я понял, насколько мне не хватает знаний, которыми обладает мой знакомый стилист Женя, который просто живет модой и стилем. Я понял, что мне придется как-то выкручиваться и не говорить много, чтобы нечаянно не сказать лишнего.

Мы разговорились об одежде, о моде, об интересных тенденциях и новинках. Девушка рассказала мне, что работает в этой сфере, что у нее или у ее мужа есть фабрика по пошиву одежды, и она хочет открыть «Академию моды». Я решил не углубляться в то, что это такое.

– Кстати, меня зовут Анна, – сказала девушка и протянула мне руку.

Между нашими диванчиками было не больше полуметра, я взял ее руку, легонько пожал ее, – Олег.

– Олег, а чем Вы занимаетесь?

– Аня, давай, переходим на «ты». Тем более я не думаю, что наша разница в возрасте столь критична.

– Очень хорошо. А сколько тебе, Олег.

– Мне 26.

– Аааа, – Аня театрально возмутилась, – так я еще и старше. Ужас-то какой. Мне 27. Все, жизнь не удалась. Я старая.

За этими фразами последовал настолько заразительный смех, что я поневоле усмехнулся.

– Ты неплохо сохранилась для своего возраста.

Аня продолжала смеяться, наклонилась в мою сторону и дотронулась до меня ладонями. Интересно, – подумал я, – к чему это приведет.

Мы разговорились о наших работах, я сказал, что связан с тренингами и некоторыми другими сферами деятельности. Аня сказала, что все это ей безумно интересно, и она хочет со мной пообщаться еще, при этом было видно, что ее интерес неподдельный. Я дал ей свою визитку, а она продиктовала мне свой номер. Когда я записывал ее фамилию, я сделал пару ошибок, и она меня поправила. У нее французская фамилия, так как муж француз, и написание отличается от произношения.

– А ты с мужем говоришь по-русски?

– Иногда по-русски, но в основном по-французски.

– А дети как?

– Моему полтора года, будет говорить и так и так, но основной все равно русский.

– Не сложно с мужем порой общаться? Ведь иногда так хочется кого-то, кто говорит на твоём родном языке.

– И не говори. Иногда это так напрягает. Вот я сейчас с тобой говорю и как будто отдыхаю. Здорово.

– К сожалению долго не пообщаемся. Скоро придет друг, и нам надо будет уходить.

– Но мы можем встретиться попозже?

– Я завтра улетаю в Казань на неделю, потом Питер и Лондон.

– Мне так интересно все это, не стоишь на одном месте. Это здорово.

Следующей темой нашего разговора была Европа. Аня в начале мая будет в Париже, она покупает себе дом, а вообще она живет в Каннах. Она с ребенком там, а муж работает в Москве. Я сказал, что у меня встреча с клиентом в одном из городов Европы, неважно где, я сам назначаю место, и Аня предложила, чтобы эта встреча прошла в Париже. А когда бы я освободился - она бы показала мне Париж. А если у меня есть время, то чтобы я брал плавки и прилетал к ней в Канны. Я сказал, что посмотрю на свой график и обдумаю это предложение.

В это время подошел мой друг, я представил его девушке, и он галантно поцеловал ей руку. Аня сказала, что не будет нам мешать, наклонилась ко мне, сказала еще несколько фраз, и мы с другом начали неспешно общаться. Я попросил счет и в этот момент Аня со словами «Извините, не хочу вам мешать, но» опять обратилась ко мне. Я сказал, что мы созвонимся и еще не раз и обязательно встретимся. Мы поднялись из-за стола, я попрощался с Аней, и мы ушли.

А джентльмен у окна все нервно посматривал то на часы, то на иногда входящих людей.

В тот вечер мы созванивались и хотели увидеться, но я поздно закончил работу, а рабочие дома у Ани так и не разобрались с карнизами. Мы поговорили по телефону минут десять. Потом она еще раз позвонила ночью, пожелала мне приятного полета завтра, сказала «целую крепко» и мы попрощались.

Всю следующую неделю я был в Казани. Когда я сидел с другом в ресторане «Седьмое небо» и рассматривал город она позвонила мне спросить, дошла ли до меня ее смс с ее французским номером. Получив отрицательный ответ, Аня начала мне объяснять, что что-то не так со связью, и разговор опять плавно перешел к тому, когда мы увидимся. Я узнал, что с середины июня она на два месяца в Москве и если мы не пересечемся в Париже или в Каннах, то сможем увидеться уже летом.

Аня знала, что через неделю я буду в Москве, и позвонила мне в тот же момент, как только я прилетел. Так как я отправлялся в Петербург, я не смог с ней увидеться, поэтому мы в который раз заговорили о Париже. Прощальное «Целую. Пока» и я лечу в Питер.

День прошел не совсем так как я ожидал, поэтому в тот же день после обеда я вылетел назад в Москву, о чем сообщил девушке. Она захотела встретиться, но не надолго, так как следующим утром она вылетала в Париж со своим ребенком. Я сказал, что посмотрю как у меня со временем и сообщу ей. Через некоторое время я получил смс "I want to see you more than 30 min. It's not enough for what I want. Let's meet in Paris or wherever. Kiss you". Это сообщение облегчало мое дальнейшее передвижение, и я в тот же вечер вылетел из Москвы в Вильнюс.

Мое знакомство с Аней сильно повлияло на меня. Я чувствовал, что у меня появилась подруга, которая своим видением жизни и своей мудростью может помочь мне во многих ситуациях. Тогда началось наше странное и приятное общение. Мы изредка встречались и вели себя так, как я раньше общался с Мариной, год назад. Такая же близость, но прибавилось еще что-то. Это было доверие, как с моей стороны к ней, так и у нее ко мне. А то, с какой легкостью она вызывала во мне улыбку в сложнейших жизненных моментах, делало ее самой желанной собеседницей. Я отвечал ей тем же и иногда просвещал ее в семейных вопросах, хотя мне и казалось, что она уже давно всё знает сама. Мы шутили, что нашли друг другу коуча. Я работаю с ней, а она со мной. И у нее был такой же эпикурейский взгляд на жизнь.

С учетом всех наших серьезных бесед, нам хватало еще времени и на простое поддержание общения, когда мы были в разных странах. Мы болтали по телефону часами. Аня могла говорить без перерыва минут по пятнадцать, при этом она настолько увлекалась собственными монологами, что порой просто не слышала моих реплик. Создавалось ощущение, что она хочет поделиться абсолютно всем. Это было приятно. И это было нужно.

Вечером 3 мая, дома в Москве, у меня опять начала сильно болеть спина. Но на этот раз я уже знал, в чем дело.

За пару дней до этого, в Литве, мне сделали рентген грудной клетки. Врач, посмотрев на снимки, сказал, чтобы я немедленно ложился в больницу, и что он даже не имеет права меня выпускать из кабинета, так как я обратился к нему. У меня был перелом седьмого грудного позвонка. Компрессионный перелом. С ним я, оказывается, провел последние три недели, за которые у меня было с десятков перелетов. Маленький кусочек откололся от позвонка и был отчетливо виден на снимке. Мне стало не по себе. Этого еще не хватает, – подумал я, – что же дальше то будет?

– Вы понимаете, что вам вообще двигаться нельзя, – сердито сказал пожилой доктор.

– Я уже полмесяца двигаюсь, и вроде еще нормально.

– Слава Богу, что ничего не случилось за это время. Вам необходимо лечь к нам в больницу, или где ваш лечащий врач находится.

– Я не могу. Я завтра в Москву лечу, а послезавтра в Лондон, – я пытался оправдываться.

– Отмените поездку. Летать вам противопоказано. Вам даже отсюда нельзя выходить, вы понимаете?! – он повысил голос.

– Не могу, никак, – на самом деле я мог, но желания лечь в больницу не было никакого, хотя я понимал, что когда-то придется это сделать. «Вначале идет социальная смерть, а потом физическая» – прочитал я в какой-то брошюре, ожидая врача, и эта фраза всплыла у меня в голове.

– Давайте выйдем в коридор, – доктор открыл дверь, оставив в кабинете своих коллег.

– Олег, вы поймите, что в любой момент может произойти сдвиг этого осколка, и вы можете быть парализованы. Это не шутка. Таких случаев, к сожалению, много.

– Вы знаете, мне действительно не смешно. Но я не могу не поехать. Я могу лечь в больницу потом.

– Потом может быть поздно. Это не шутки, я вам еще раз повторяю.

– Я все понимаю, – мне хотелось разрядить обстановку, и я понимал, что врач за меня переживает, – давайте сделаем так. Вы мне сейчас сделайте всё, что вы можете, таблетки там всякие, как ходить правильно, а я, как только смогу, приеду в больницу.

Доктор покачал головой и отдал мне рентгеновский снимок, – держите.

Он прописал мне обезболивающие, которые у меня и так уже были, и сказал, что мне необходимо купить корсет, и носить его постоянно. На мои опасения по поводу его размеров, он заверил меня, что корсет изготавливается из очень тонких и прочных материалов и носится как жилет на голое тело. Заодно он научил меня, как правильно садиться, вставать с кровати и как ходить, чтобы минимизировать возможность дальнейшей травмы позвоночника. Вообще, ходить и стоять, и даже сидеть, не рекомендовалось. Единственное, что можно было делать – лежать и не двигаться.

По дороге в ортопедический магазин я размышлял о том, что эта новость еще сильнее ограничит мое передвижение. А как же секс? – пронеслось у меня в голове. Хотя, даже с больной спиной, когда я еще и не знал о сломанном позвоночнике, я прекрасно умудрялся заниматься сексом. Так что, сегодняшнее известие не должно было слишком сильно мешать.

Корсет оказался действительно тонким, легко надевался даже под тонкую рубашку и был практически незаметным. Но постоянное его ношение напоминало о переломе даже в те редкие моменты, когда ничего не болело. Я возненавидел его.

Решив нужные мне вопросы в Москве, ранним утром, на следующий день я вылетел в Вильнюс. Проведя несколько часов в центре города, после обеда я вновь был в аэропорту.

Встав в очередь у стойки регистрации, я достал id card, и присел на чемодан. Почувствовав, как завибрировал телефон, я засунул руку в карман пальто, и достал его. Звонила Аня.

– Здравствуй мой дорогой друг. Ты уже в Лондоне? – как всегда весело поздоровалась она.

– Добрый день, моя милая девушка. Нет, в аэропорту. Вылетаю скоро. Сам нормально, а ты как, чем занимаешься?

– Ой, я хорошо. Сейчас гуляем с ребенком по пляжу в Каннах, уже пару раз упали в песок.

– Ты, или сын?

– Представляю, если бы еще и я грохнулась, – Аня засмеялась.

– Ну а что, – я перебил ее, – был бы хороший пример, как красивая дамочка плюхается в песок. Детей вокруг много?

– Нет, дети в такое время спят, только мы одни гуляем. И великовозрастные тетки. Тут такие все смешные. Бабушкам за семьдесят, а выходят – волосок к волоску, бриллианты, шубы. Такие все красивые.

– Ну, у меня тут детей нету, только куча людей, которые слоняются из угла в угол, или в очереди.

– Хорошенькие попугачицы есть? Или все уже пожилые и не твоего вкуса? – она заразительно рассмеялась

– Есть, есть, – ворчливо ответил я, посмотрев по сторонам, смотря на девушек. – А вообще-то не надо никого, я же в Лондоне буду не один.

– Точно, я же совсем забыла. Эх ты, – обиженно воскликнула Аня, – забудешь меня, твою подругу.

– Анечка, это вообще невозможно. Я не знаю, что такое должно произойти, чтобы это случилось.

– Да? – она загадочно протянула

– Да. Но знаешь, я в принципе, могу составить список небольшой из пары сотен пунктов, при выполнении которых я тебя смогу забыть, – я рассмеялся,

– Дурак! – она рассмеялась в ответ

– Кто бы говорил, – я подхватил ее смех.

– Ой, – Аня, прекратила смеяться, – за что я тебя так люблю, это за то, что мы все говорим напрямую.

– Ну, насчет тебя, я пошутил, – уже смеялся в голос, и на меня поглаживали окружающие.

– А я нет – она наигранно обиделась и опять заливисто захохотала.

– Я не насчет дуры, – более серьезно сказал я, все еще смеясь.

– А вот оно как, – ой, юморист, – она немного успокоилась и более серьезно продолжила Ты лучше скажи, как твоя спина.

– Да, нормально вроде, – настроение немного ухудшилось.

– Ты в корсете? – она заботливо поинтересовалась.

– Да, в нем, – я недовольно ответил.

– Ты не переживай только. Все хорошо будет, я точно знаю. Я рассказала о тебе одному такому батюшке недавно, так он звонил, спрашивал про тебя, как ты. Так что знай, о тебе тут думают.

– Спасибо, – я замялся. – Спасибо большое.

– А ты куда после Лондона? В Париж заглянешь?

– Если честно, то не знаю. Ты какого там будешь?

– Я в понедельник.

– Ну, смотри. Я до воскресенья или понедельника в Лондоне, а десятого числа мне на неделю в Питер надо. Если как-нибудь вклиню Париж, то прилечу обязательно, – я действительно хотел увидеть ее.

– Давай, – она немного замолчала. – Классно будет

– Ну, я не обещаю. Посмотрю, как себя буду чувствовать.

– Да, это самое главное. Ты если хоть немного плохо чувствовать будешь – то не надо. И вообще. Остался бы дома и никуда не летал. Тебе же нельзя.

– Ань, не начинай. Можно мне. Наверное.

– Ну, смотри сам. Но если что-нибудь не так, то отдохни.

– Обязательно, – я нагло соврал.

– Ну что же, мой милый друг, мы уже поедem сейчас домой спать, а то зеваем уже вовсю. А тебе я желаю нескучного перелета, и чтобы в Лондоне хорошо время провел.

– Спасибо большое, а ты не скучай во Франции. Я постараюсь прилететь.

– Если что, увидимся позже тогда. Целую тебя, мой дорогой друг, – после этих слов, я опять улыбнулся.

– Целую тебя, Анечка, пока.

Положив телефон в карман, я опять посмотрел по сторонам, улыбаясь людям, смотревшим на меня. Как всегда, после разговоров с Аней у меня было великолепное настроение, и появлялось огромное желание, чтобы всем вокруг было хорошо.

Пройдя регистрацию и рамку металлоискателя, я сидел в небольшом зале ожидания и рассматривал всех тех, кто направлялся со мной. Рейс немного задержали, и около пятидесяти с лишним человек толпились у стойки, над которой на экране высвечивалось “London. Gatwick”, и температура +19 там же. Еще несколько десятков сидели на стульях, уставившись в свои ноутбуки (я вначале последовал их примеру) или же мечтая оказаться на борту, а остальные закупались (преимущественно алкоголем) в магазине.

Самолеты в Британию часто бывают полностью забитыми. Уже на протяжении нескольких лет, граждане Литвы постоянно летают в Англию и Ирландию. Кто на работу, кто просто весело провести время и навестить друзей. Так или иначе, за последние три-четыре года, полмиллиона человек из Литвы перебрались и остались в Великобритании. Для страны с населением в три с половиной миллиона – это много. Да и для самих жителей, по крайней мере, Лондона, такая инвазия не прошла незаметно. Если раньше в этом городе я четко различал арабский, русский, польский и похожие, китайский, хинди и ему подобные, то теперь прибавился и литовский язык. Для меня эти последствия вылились в следующее - если раньше в другой стране, я отзывался на литовские и русские слова, то теперь я старался сделать вид, что не понимаю людей, говорящих на «моём» языке. Стало стыдно за то, что я видел в их исполнении – ужасная культура поведения на людях, крики и непозволительное общение с обслуживающим персоналом. Из-за этого, я старался сторониться незнакомых соотечественников. Самое интересное, что таких людей, крайне некультурно ведущих себя, достаточно мало, но они создают сильное негативное общественное мнение.

Возле окна, открывавшего вид на взлетное поле, показался силуэт, отличающийся от серой массы вылетающих. Я немного повернул голову влево, пытаясь понять, что же привлекло мое внимание. Сквозь толпу людей я увидел хорошенькую девушку в легком платье, и очень короткой куртке поверх. Я часто знакомлюсь в аэропортах и в самолетах, выбирая девушку для времяпровождения еще в зале ожидания. И эта брюнетка, проскальзывающая в толпе, казалась весьма неплохой кандидатурой пообщаться, хотя бы во время полета. Кого я обманываю!? После, после полета. У меня в голове уже промелькнул весь план моего знакомства и дальнейшего общения. Я уже знал, как именно мне надо начать разговор, и что лучше всего будет влезть перед ней в очередь, когда объявят посадку. После, по пути к самому самолету заговорить с ней, успев за эти пятнадцать-двадцать секунд до салона, создать о себе самое потрясающее мнение, чтобы

она спросила какое у меня место. А тут, еще до того, как она назовет свое, я «угадаю» где она сидит, ведь я искусно подсматриваю ее место на билете, когда обернусь извиниться за то, что встал перед ней в очереди. И если возле меня не будет сидеть какая-нибудь другая очаровательная девушка, то я приглашу эту брюнетку на соседнее кресло. Хотя, там уже по обстоятельствам. Занято может быть, или удобней будет к ней пересесть. Если же не получится нормально пообщаться в самолете, есть выдача багажа, там точно обменяемся контактами и потом еще в центр можно вместе поехать. А потом, можно пересечься в клубе, или намного позже, как-нибудь, когда-нибудь, в том городе, где нечаянно будем вместе. Если, я ее еще не забуду к тому моменту. Нет, судя по всему, очень скоро я даже не вспомню о ней, а тем более будут новые девушки потом, так что надо с этой поскорее. Так, в Лондоне у меня девушка, и не думаю, что там что-то будет с этой брюнеткой. Может, когда вернусь? После приезда, три недели я проведу в Санкт-Петербурге, Днепропетровске и Киеве, а потом уж точно она не нужна будет, хватит новых. Так что же? Значит, не надо даже напрягаться и вставать с кресла раньше времени.

– Времени даже потрахаться нет, – пробурчал я себе под нос и усмехнулся.

В этот момент с другой стороны я услышал довольно громкое «Олег! Здорово!». Посмотрев туда, я увидел невысокого мужчину в сером, хорошо сидящем костюме. И сразу узнав его, радостно вскочил с кресла.

– Андрюха, привет! – мы обнялись.

– Привет, привет. А ты куда?

– Я в Лондон лечу. Ты тоже?

– Ага. Как ты, где ты? Рассказывай, сколько не виделись, – он радостно потрепал меня по плечу.

– Да по-разному я. У тебя-то как дела? Прическу, вижу, поменял, – я посмотрел на его отросшие черные волосы, которые раньше были значительно меньшей длины. В остальном он оставался таким же жизнерадостным малым.

– Да, все поменялось.

– Случилось что?

– Ух, – он рассмеялся, – расскажу в самолете. Садись рядом. Один летишь?

– Да.

– Я тоже. Какое место у тебя?

Я достал билет, на котором значилось 11В, а у Андрея было место 14D.

– Разберемся там.

В это время на экране появилась надпись, что объявляется посадка на наш рейс. Похоже, с этой брюнеткой мне не придется общаться. Я взял портфель с компьютером, и мы с Андреем встали в середину очереди.

В самолете он договорился с пожилым мужчиной, который должен был сидеть возле меня, и они обменялись местами. Брюнетка в платье, сняла свою куртку и села тремя рядами ближе к носу самолета.

Я, улыбнувшись, посмотрел на Андрея, который в это время что-то рассматривал в своем компьютере. Мне было так здорово от того, что я с ним встретился, как будто что-то прошлое и хорошее вернулось в мою жизнь. Еще стоя в очереди на посадку, мне показалось, что не было этих нескольких месяцев безмолвия, и что мы такие же близкие друзья, какими были и раньше. Мы были знакомы уже лет девять, и все это время иногда пересекались в общих компаниях, а иногда вдвоем или со своими девушками обедали в городе, рассказывая о новых событиях в жизни. Что-то в нем было родное, из, почти что, детства.

Самолет уже пробыл в воздухе пару из положенных трех часов, а мы вспомнили все из наших давних времен. При этом, периодически просили стюардесс (которых он называл официантками) принести еще две маленькие бутылочки вина.

– А помнишь “Rock me baby”, Андрей начал тихо напевать песню, играя на воображаемой гитаре, и я вторил ему “Rock me all night long”.

– Да, конечно, – я рассмеялся, и вдруг стало как-то грустно, – А я же с тобой и Серым ее последний раз играл.

Андрей задумался, что-то вспоминая, – Знаешь, я вроде тоже.

Последний раз я исполнял это творение В.В. King`а, в далеком 98-ом году. В том году я только начинал играть и пытался скопировать, украсть, придумать, разнообразить и улучшить все, что могли выдать мои мозоли на подушечках пальцев. После фортепиано это казалось так круто. Не нужно куда-то идти, чтоб побыть одному и поиграть. Заперся у себя в комнате, подключил, наушники на голове - и ты один сам с собой. Вокруг родные, телевизор, телефоны, а тебя нет. Лишь гитара, медиатор, и ты подключенный к центру.

Я тогда плохо играл. В параллельном классе учился мой друг – Сергей. Как играл он – я не видел ничего подобного. Казалось, что он и инструмент, это одно целое. Иногда он играл подолгу, я заслушивался, начинал думать о чем-то своем. Завидовал белой завистью. Иногда хотелось что-то сказать, прервав его. А потом посмотришь на него, и, понимаешь, что прервать его игру было бы просто кощунством. Как будто бы что-то интимное и святое прервал. Как службу в церкви. В последнем классе, после школы, мы оставались в каком-нибудь кабинете и до поздней ночи сидели, разговаривая, обсуждая планы на будущее и, естественно, пели. Голос у меня был хороший. Тогда, помню, я еще боялся брать гитару в руки, так как не знал, как и что надо делать. Теперь же боюсь, так как знаю что и как надо, но получается совсем уже не то. Пальцы не те.

А Серый играл так, как будто в мире просто ничего больше не было. После выпускного мы за четыре дня поспали всего восемь или девять часов. Все остальное время были гитары, наши голоса и пиво. Да еще постоянно сменяющиеся люди. У него уехали родители куда-то, и мы все время были у Сереги. К нам постоянно приходили одноклассники или друзья с его двора и окрестностей. Все лето было похожим. Одним из тех, кто постоянно появлялся в нашей компании, как раз и был Андрей. Он был старше нас на год.

Позже я поступил на филфак и на юридический, а Серега перебрался в другой город. Информатика и вычислительные системы. Тогда это было интересно и довольно ново. Он постоянно возвращался, приезжал на выходные. Мы обязательно встречались. А иногда я ездил повидать его.

На восемнадцатилетие он подарил мне два билета на ДДТ. Сказал, что это просто повод будет, чтобы я приехал в Вильнюс в середине октября. Тогда половина общежития, где он жил, пошла на этот концерт. Мог ли я тогда подумать, что спустя полгода сам буду заниматься организацией концертов и слушать своего директора, почему второй раз они к нам сейчас не поедут.

Кстати, именно в его комнате народ засиживался до самого рассвета. Помню, как поздней осенью, у нас в четыре утра кончилось пиво, а в общаге, где жил Серый, тогда почему-то не работал лифт. Тринадцатый этаж. До магазина, работающего в такое время километра два, если не больше. К пяти утра я сидел в коридоре с девушкой, которую знал несколько часов, и болтал о всякой ерунде. Помню, как справа от меня послышались какие-то звуки. Мы тогда еще встали, как будто не хотели, чтобы кто-то подумал, что между нами что-то могло возникнуть. И тут справа появляется Серый с большим пакетом, набитым бутылками пива. Тогда он просто сполз по стене на пол и минут пять сидел, приходя в себя после такой ночной прогулки в короткой джинсовой куртке поверх майки. Пара километров туда, пара обратно, но уже с ..надцатью бутылками, да еще тринадцатый этаж. Комната 1310.

Потом мы реже виделись. Жизнь совсем разбросала. Встречались в позапрошлом году. У него мечты – организовать школу по игре на гитаре для детей. Мне об этом поведала девушка из параллельного класса, в которую я был тайно влюблен в школе. Только в этом августе ей об этом сказал, когда абсолютно нечаянно пересеклись. Она вернулась на несколько дней из Дании, и рано утром мы совершенно неожиданно оказались в таком месте, где ни я ее, ни она меня не могли ожидать – в больнице. Она с

мамой была, сдавали кровь. Какое-то плановое обследование Ее мама меня тогда вспомнила. Было приятно. Девушка классная, в школе была классной, сейчас такая же. Не изменилась вообще. Такая же красивая, чувственная, с глубоким понимающим взглядом. Она была такая счастливая, когда рассказывала о своем парне, с которым живет в Дании. Я еще хотел, чтобы она занималась моими делами в Копенгагене. Не получилось. Время не совсем то. Да и законодательство немного другое.

Пару дней спустя мы обедали в каком-то ресторанчике и разговорились об одноклассниках. Тогда она и рассказала мне о Сереге, а я сейчас напомнил об этом Андрею.

– Да, Серый – это что-то, – Андрей восхищенно посмотрел на меня.

– Все хочу увидеться, а как-то времени нет. Самому перед собой стыдно. Он тут в нескольких километрах, а я не позвоню.

– Вообще классно было бы вместе пересечься.

– О, супер. Давай потом сюрприз устроим ему.

– Не вопрос. Давай, – он указал на пластиковые стаканчики, в которых было белое вино.

– Андрюха, как ты сейчас-то, а то мы все о том, что было? – я поставил стакан на маленький столик, раскладывающийся из спинки сиденья передо мной.

Казалось, он ждал этого вновь повторенного вопроса.

Андрей рассказал, что с августа, с нашей последней с ним встречи, у него в жизни произошли некоторые изменения. Он также как и раньше, заведовал отделом продаж древесины на местном деревоперерабатывающем заводе. Но сейчас, после того, как еще в июле он нашел крупного покупателя в Ипсвиче, Андрей, де-факто, стал представителем завода в Англии. Это положительно сказалось и на прибавке к зарплате с многочисленными бонусами, и на отношении руководства. Работа отнимала много времени, и появились многочисленные поездки, которые немного приостановились, когда в сентябре у него в желудке обнаружили язву. Он не особо расстраивался, только теперь его любимое белое вино и виски он пил значительно реже.

– А в сентябре то, как раз все и началось, – он грустно смотрел в иллюминатор.

– Что именно?

Тяжело вздохнув, Андрей начал рассказывать мне, что в самом начале сентября он познакомился с Илоной, девушкой, которая его не просто зацепила, а в которую он влюбился по уши. Она была на два года старше, красива, одинока, и она точно также влюбилась в него. Он увидел ее на каком-то глупом празднование одной из строительных фирм. Каким образом она очутилась там, Андрей не имел ни малейшего представления. Через несколько минут он уже знал, что эта белокурая красавица часть времени проводит по работе в Англии, а Илона знала, что он одинок и безумно обаятелен. Через два дня Андрей знал, какие фильмы она предпочитает, а Илона – во сколько он освобождается по вечерам. И, совершенно невзначай, Андрей познакомился с ее мамой, которая была от него без ума. А еще через неделю он выяснил, какой гель для душа она использует, а Илона навела порядок у него дома. С того момента их невозможно было оторвать друг от друга. В любой момент они хотели быть вместе.

– Смотри, до чего доходило, – он открыл history в мессенджере, показав переписку. По дате – это был сентябрь:

Попа: Ты с ума сошел!! Ты же не успеешь.

Ме: Ты хочешь чтобы я прилетел?

Попа: Конечно, ты сам знаешь. Но ты не успеешь.

Ме: Смотри, если я вылетаю через три часа в Копенгаген, то в 19:10 я уже буду в Лондоне. Там возьму такси и приеду в Саутхэмптон. А обратно в 8 утра вылетаю из Хитроу в Прагу и вечером буду в Варшаве. Я все успеваю. Часов семь точно пробудем вместе.

Попа: В Лондоне пробки будут. А я там не могу появиться, у меня еще день работы.

Ме: Так и не надо, и приеду. Там сколько по времени на машине?

Попа: Час, полтора. Но ты пока из Лондона выедешь.

Ме: Мдаа... А утром как дорога?

Попа: Еще хуже. Я тебе своего водителя дам, он отвезет быстрее. Но ты подумай еще раз, зачем тебе столько перелетов.

Ме: Сама знаешь зачем. Я уже заказал билеты, в течение получаса должен позвонить сказать лечу ли я точно. Я тебе позвоню.

Попа: Господи, как же я соскучилась по тебе!

Ме: Я тоже. Целую, малышка. Позвоню.

Я даже не предполагал, что Андрей способен на такие поступки и посмотрел на него с явным удивлением, а он словно ответил на мой незаданный вопрос.

– Да, с ума сошел. Было такое.

– Нет, это нормально. Я сам такой, когда чувствую что надо. Ведь такие моменты и нужны для того, чтобы себя ценить было за что-то.

С этими словами у меня в голове за несколько секунд проскочили мои воспоминания обо всех похожих ситуациях в моей жизни. Когда я, будучи мальчишкой, срывался в другой город за триста километров, чтобы увидеть девушку, с которой общался только в интернете. Или как в девятнадцать, ехал в другую страну, чтобы провести ночь с любимой (как мне казалось) девушкой. Или, как, считая, сколько осталось денег в кармане, ночевал на вокзале, ожидая утреннего автобуса. Это было давно. Последние же мои похожие случаи уже были немного более спокойными. Всегда мог найти, чем заняться в незнакомой стране, и как-то находились люди, с которыми я мог бы увидеться, и которые с удовольствием провели время в моей компании. Такое сумасшествие, как несколько часов перелета ради нескольких часов общения – уже было в прошлом. Объяснение было простым – я не был сильно влюблен ни в кого. И даже сейчас, по дороге в Лондон, я всё равно понимал, что это не авантюра, так как я совмещал и работу, и приятное времяпровождение с девушкой, которая мне нравилась.

Андрей продолжил рассказывать про его отношения с Илоной. Про то, как целый месяц он был сам не свой, про то, как он впервые в жизни почувствовал, что такое любовь, которую он совершенно не ждал. Он описывал все те моменты, которые бывают у по уши влюбленных людей, со всеми им свойственными безумными поступками и проявлениями любви. Казалось, что он не хочет пропустить ни малейшей приятной детали, которая была у него с Илоной. Мы уже получили наш багаж, а я все никак не мог заставить Андрея оторваться от его воспоминаний.

Его водитель ждал его у выхода из аэропорта, и положил наши вещи в багажник. И тут, по дороге в Лондон, Андрей посмотрел на меня как-то странно. Улыбка, на его лице начала очень медленно исчезать, а взгляд стал каким-то затуманенным и беспокойным.

– Андрей, что такое?

– А потом, а потом всё.

Он уставился в окно, и уже тихим и ровным голосом, скорее рассказывая себе, а не мне, продолжил о том, как со временем, в их отношениях все стало лишь ухудшаться, и он не знал, что именно ему нужно делать. У Илоны закрадывались мысли о том, что Андрей не любит ее настолько, насколько показывает. Она испугалась раствориться в нем настолько, насколько он этого хотел. Она не верила его чувствам. Это недоверие послужило поводом для многочисленных поисков несоответствия его слов действительности. А со временем, это начало разрушать их отношения основательно. Отсутствие веры в любовь, и, при этом, боязнь потерять Андрея из своей жизни, привело ее к тому, что она начала невольно разрушать отношения.

– Андрей, я не очень понимаю, – мне было сложно следить за его историей, тем более, мне начало казаться, что он перебрал вина, – Что произошло?

– Много всего произошло, Олег. Я уже не хочу вспоминать мелочи. Неприятно, думаю, ты понимаешь, – я кивнул, – мы просто перестали в один момент общаться. Она так решила, – он отвернулся к окну и горячо выдохнул на стекло, – а потом я сорвался.

– Это как?

– Звонил, писал ей сотни смс, просил хотя бы объяснить, что происходит. И еще это послал.

Он открыл почту на компьютере и показал письмо, которое написал ей тогда, когда она перестала с ним общаться.

–Читай, Олег.

– Ты уверен?

– Давай. Уже неважно это всё. Ты знаешь, как я ее любил! – его глаза на миг озарились, и так же быстро вновь стали какими-то потухшими, даже более печальными, чем раньше, – Всё в прошлом, – он равнодушно продолжил, – Только пойми все что там. По-взрослому.

Я кивнул и подвинул ноутбук к себе, поправив экран, чтобы блики солнца не отсвечивали в лицо. Андрей смотрел в окно.

«Милая, прочти, пожалуйста.

Я вижу, что ты не горишь желанием со мной разговаривать сейчас, а мне так много нужно тебе сказать.

Мы часто разговаривали, рассказывали друг другу многое о себе и о разных вещах. Я говорил тебе о своих чувствах, ты говорила, как скучаешь по мне, и как не хочешь меня видеть... Прочти, пожалуйста.

С сентября, с самого начала нашего общения, я понял, что моя жизнь изменилась. Хотел я того или нет – не важно. Она изменилась. Я увидел тебя. И испугался. Испугался так, что порой хотел тебя просто забыть, так как знал, что полюблю тебя сильнее, чем кого-либо в этой жизни. Я так хотел к тебе приблизиться, так хотел тебя обнять. А иногда смотрел на тебя, ты ловила мой взгляд, улыбалась, и проводила рукой мне по щеке. А у нас же тогда были дружеские отношения... Я не знал что делать.

Потом мы пили вино у тебя дома и смотрели какой-то фильм. Я тогда обнял тебя, и мы долго сидели так. А потом мы начали говорить о какой-то ерунде, твое лицо оказалось возле моего, и я тебя поцеловал. Ты попросила меня остаться у тебя на ночь. Дружескому общению пришел конец.

Потом еще пара дней и мы улетели по работе в разные страны. Не было ни минуты, чтобы я не думал о тебе. А как я летел назад, зная, что ты меня ждешь. Я так хотел тебя видеть...

Через две недели мы поехали и купили тебе собаку. По дороге назад ты сказала, что хочешь, чтобы у нас все получилось. Я был счастлив.

А следующий день, наверное, самый ужасный день в моей жизни. Когда ты ушла – я просто молча сидел на диване и ничего не хотел. Так начался период в наших отношениях, когда «один день так, другой иначе».

На следующих выходных ты осталась у меня, после того как ушли твоя подруга со своим парнем. Мы били фужеры (Mr. & Mrs. Smith), занимались любовью, ты спала в моих объятьях. Утром я подумал – ну может сейчас что-то поменяется.

Мы долго говорили с тобой. Ты сказала что я – особенный человек в твоей жизни, что ты надеешься, что все у нас будет хорошо, что мы будем вместе, но до этого еще очень далеко. А я, наивный, радовался как ребенок, что девушка, которая для меня самая дорогая в мире – со мной, хотя бы в тот момент...

Прошло немного времени, и мы поехали на выходные в Ригу. По дороге туда мы с тобой поссорились, и ты сказала, что вообще не хочешь ничего со мной. В опере все изменилось... Милая, это был самый счастливый вечер в моей жизни. Ты была собой, ты была той девушкой, которую я люблю. Вспомни, как мы ушли со спектакля, как целовались, когда смотрели на мучения этой мадам, которая тридцать минут пела на

итальянском о том, как ей хорошо. А как ты специально спрашивала «о чем она поет?», чтобы я сказал тебе что угодно на ушко и поцеловал тебя. Домой, секс. Нам было так хорошо с тобой... В клубе мы могли вести себя так, как мы хотели. Никто нас не знал, а тебе это важно. Мы стояли у барной стойки, а я мечтал, что мы скоро также будем стоять и дома, и тебе будет все равно. Помнишь, когда до оперы мы сидели в “Double Coffee”, ты сказала, что когда ты сделаешь так (шелкнула пальцами), то ты почувствуешь меня своим мужчиной. В тот вечер ты это делала частенько. Я так хотел тебе сказать, что люблю тебя. Ночью, когда мы лежали с тобой в постели, я боялся засыпать. Я знал, что в воскресенье все будет по-другому. Будет родной город, будут другие люди. А твое отношение ко мне зависит от других.

И вот тут все изменилось. Ты начала, как ты говоришь, реально смотреть на все. На то, что со мной тяжело будет, ты начала искать во мне минусы, кричать на меня. Ты провоцировала меня на непозволительные поступки, проявляла неуважение ко мне. А я не мог тебе ответить или оставить тебя – так как я понимал, что это не ты, это человек, который боится что, будет сложно, и таким образом пытается меня оттолкнуть. А на самом деле, чего хотела ты?

Все началось опять... Тогда я почувствовал что это меня убивает изнутри. Потом два дня подряд ты пыталась от меня отделаться... Вспомни как мы отдыхали на море, в октябре. Помнишь, я ушел ночью. Я сидел на скамейке и думал, что же мне теперь делать. Мой мир перевернулся полностью. Я думал, что я тебя потерял. Ты орала, что не хочешь быть со мной, что ты со мной просто так. Я думал, что сойду с ума. Ты звонила несколько раз, просила вернуться, просила прощения. Я пришел. Когда я спросил тебя – «понимаешь ли ты, что я вообще чувствую, ведь это так видно?». Ты попросила сказать, так как это все изменит, но ты уже все знала и тогда. Я сказал, сказал то, как действительно к тебе отношусь. Что я люблю тебя.

Потом опять Рига, только теперь еще с друзьями. Там мы стояли и целовались при них, и все было нормально. А твое отношение зависит от того, есть ли другие. По дороге назад мы остановились на Горе Крестов. Я просил не о себе, я просил о нас. Я молил Бога, чтобы мы с тобой были вместе.

Кстати, я всю свою жизнь на свой день рождения загадывал одно и то же желание. И оно всегда сбывалось, нужно было его поддерживать каждый год. В этом году я впервые загадал другое, надеюсь, что предыдущее от этого не пострадает. А новое желание связано с тобой.

На первое ноября мы были у твоей мамы. Помнишь ночь перед этим, когда моя рубашка была вымазана твоей кровью, и мы смотрели фильм о любви, долгий, очень долгий фильм о любви. Как мы хотели, чтобы мы были одни. Плевать на месячные и на все остальное, как же мы хотели друг друга...

Потом, твоя мама видела наше общение, потом домой. Ты осталась у меня дома. На следующий день я остался у тебя. Помнишь, как ты меня попросила тогда. Мы тогда шутили, что это ведет к тому, что будем жить вместе. Той ночью нам было так хорошо. Я обожаю, когда чувствую как тебе хорошо со мной. У меня вся спина исцарапана тобой, прокусано плечо, но как ни странно, мне это нравится.

Той ночью мы много говорили. Ты сказала, что безумно боишься за меня, за нас. Мы говорили о будущем, о том, как все может быть. Ты сама говорила об этом. Мы говорили о том, когда у нас могут быть дети, ты сказала, что не хочешь, чтобы я был с кем-нибудь кроме тебя. Ты была счастлива. Я был счастлив...

А со всем этим у нас были постоянные ссоры. Тебе не нравится, что я мало ем, что не так сижу, еще что-то. А я в ответ говорил о том, что не нравится мне, что я хочу твоего внимания и не понимаю, почему его не получаю если оно было, если нам хорошо вместе. Я не понимал, что же случилось... Кстати, многое, что ты говорила – я теперь понимаю, что делал неправильно. Даже то, что пытался получить твое внимание, когда ты в плохом

настроении, когда тебе было плохо. Прости меня за это. Я уже получил хороший урок. Не надо больше. А недавно мы вообще поссорились из-за собаки, это же так глупо. Как я был неправ. Я сам губил отношения. Это все привело к тому, что один день ты говоришь как тебе хорошо со мной, другой – ты говоришь, что хочешь быть друзьями.

И вот так общаясь, мы дошли до того, что начали повышать голос друг на друга, ты начала показывать свое неуважение ко мне и моим чувствам. Начала все чаще говорить о том, что мы не будем вместе. Я слышал это и раньше, ты со стопроцентной уверенностью это говорила, и все менялось. И я знаю почему.

И из-за этого всего тебе стало плохо. Тебе стало просто ужасно. Ты очень чувствительный человек. Ты переживала за меня и за себя, и к чему это привело. Ты начала пить лекарства. Я ненавижу себя за это. Я пытался что-то изменить, а ты это не принимала. Из-за этого получалось еще хуже, как сейчас.

Милая, я не хочу говорить о том, как я себя чувствую, насколько мне плохо, как я не хочу, чтобы наступало утро или как смотрю на телефон, надеясь на твой звонок. Или что не могу сосредоточиться на работе. Нарисуй самую ужасную картину похожей ситуации – у меня так. Но не надо об этом сейчас, это не важно по сравнению с тем, что чувствуешь ты.

То, что сейчас важно – это ты. То как ты себя чувствуешь, и что ты будешь делать.

Я не смогу быть с тобой друзьями. И я не хочу. И я в глубине души верю, что ты тоже не хочешь. Сейчас очень сложно... Ты говоришь, что я стал частью твоей жизнью, что видишь меня как своего мужчину в этой жизни. Это было тогда, когда у нас все было хорошо.

Я прошу тебя понять, почему сейчас все так. Из-за того, что все слишком сложно – мы ссоримся, ты хочешь меня оттолкнуть, ищешь способы меня уязвить. Ты хочешь просто хорошей и спокойной жизни, хочешь быть счастливой. И это прекрасно! Я хочу того же для тебя. Если ты будешь счастлива – я буду счастлив.

Я больше всего в своей жизни хочу, чтобы ты была счастлива. Счастлива со мной. Это означает, что мне придется сделать многое – быть самым лучшим мужчиной, быть тем, кого ты любишь и с кем хочешь быть вместе. Быть прекрасным отцом, смотреть на тебя и на детей как на самое ценное в моей жизни, делать все для тебя, и сделать так, чтобы ты хотела делать все в мире для меня. Чтобы ты любила меня. Чтобы каждый день, понимаешь, каждый, ты была благодарна Богу, что все именно так, как у нас с тобой.

Я могу это сделать, но для этого мне нужна ты.

Ты говоришь о том, что мне будешь нужна мне только на некоторое время, на несколько месяцев, что не веришь в такую любовь, что она бывает лишь в книжках и в любовных романах. Это не так. Ты нужна мне не на месяц или два, ты нужна мне на всю жизнь.

Те клятвы, которые дают в церкви, я готов дать уже сейчас, так как я уверен в себе. Я буду с тобой и в болезни и во здравии, неважно, что случится. Только оставайся той женщиной, которую я люблю.

Мне надо чтобы ты развивалась, занималась своим делом, была интересным человеком и прекрасной женщиной, чтобы я с гордостью говорил «Моя жена, самая лучшая в мире», и даже не для кого-то, а для себя. А когда я ночью просыпался с тобой, я бы думал о том, как мне повезло, что я с тобой. Я и сейчас вижу что ты самая лучшая женщина в мире. Для меня. Для меня ты самая лучшая. И всегда такой будешь.

Мне не надо искать кого-то, чтобы сравнивать тебя. Я уже знаю, что ты самая прекрасная.

И я обещаю тебе, что ты будешь просыпаться ночью, смотреть на меня и думать о том, как тебе повезло, что ты со мной. Я тебе обещаю. Я буду лучшим для тебя. Самым желанным, мужественным, сексуальным, умным, начитанным, любящим – я буду твоим. Милая, я люблю тебя. Ты самый близкий и важный человек в моей жизни. Я никогда не буду тебе другом или кем-то еще, даже не проси меня. Я тебя люблю. Искренне, понимая,

что означают эти слова, понимая, что они накладывают на меня обязательства перед тобой. Мне не нужна ни одна другая женщина не только сейчас, я вижу, что ты именно тот человек, с которым я могу и хочу быть всю жизнь. Я хочу, чтобы у меня не было больше женщин кроме тебя. Я хочу, чтобы я был твоим мужчиной.

Счастливая семья с тобой. Как я хочу детей с тобой. Чтобы в твоём животе был мой ребенок...

Я это вижу, я это чувствую. Как важно чтобы это чувствовала и ты. Милая, я хочу быть нужным тебе. Чтобы ты чувствовала себя со мной женщиной, лучшей женщиной. Я вижу, что ты можешь меня любить, и очень легко.

А сейчас нам сложно... Сейчас очень сложно. Но мы же не живем одним днем. Посмотри в будущее. Поверь в меня и в нас.

Я обещаю, что когда будем вместе – я не припомню тебе всех этих обид и унижений, которые были, и постараюсь сделать так, чтобы ты ни разу не вспомнила о них.

Я клянусь, что буду лишь твоим, и ты будешь мной гордиться.

Прости за то, что я сделал тебе, что твои нервы так расшатаны из-за меня. Я вижу, что я тебе дорог, и ты переживаешь за нас.

Я верю в тебя больше, чем ты сама в себя веришь. Я тебя люблю».

Прочитав это письмо, я некоторое время просто молчал, а он отрешенно улыбался, смотря в окно. Казалось, что сейчас из его глаз пойдут слезы. На самом деле, как уверял меня Андрей, чувства остались далеко в прошлом, и теперь ему просто не хочется думать о своем прошлом с Илоной. Они больше не общались, и лишь однажды пересеклись на бензоколонке, заправляя свои автомобили. Ее BMW пятой серии, так знакомая ему по многочисленным поездкам, довольно резко подъехала к соседней колонке. Он увидел это через окно магазина, в котором уже расплачивался за бензин, сигареты и упаковку ред булла.

– Ты знаешь, у меня тогда так сердце застучало, казалось, что сейчас выскочит, – Андрей усмехнулся.

– И как, поговорили тогда?

– Нет, - он опустил глаза, – сказали друг другу «привет», и всё. Но стало легче, как-то по-другому. Если раньше я еще надеялся, что всё будет хорошо у нас, то тогда понял, что лучше ее ненавидеть. Так легче.

– Ненавидеть? – я удивленно поднял брови.

– Да, легче было думать, что я ошибался в ней, что она меня недостойна, хоть на самом деле и не так. – Он, грустно улыбнулся, - просто так легче.

Я смотрел на Андрея и видел, что не всё прошло бесследно. Эти отношения были, и, возможно, останутся в его жизни надолго. И что хуже всего, как он сказал мне, это то, что сейчас он не подпустит близко к себе ни одну женщину. Естественно, в его жизни будут женщины, возможно, те, с которыми он будет жить вместе. Но теперь он будет крайне осторожен при выборе той самой, с кем захочет просыпаться утром. Разбитое и еще не до конца склеенное сердце долго остается таким.

На северном берегу Темзы начинались пробки, и мы решили расстаться здесь. Ему нужно было ехать на север, а мне нужно было проехать несколько кварталов на запад, в Челси. Остановившись на Horseferry Rd. его водитель переложил мои вещи в багажник им же пойманного такси. Мы договорились с Андреем поужинать с нашими девушками завтра вечером и я, продиктовав колоритному лысому таксисту адрес, направился на Cheyne walk.

Двигаясь вдоль реки по Millbank, мы уже проехали пару сотен метров, когда я нервно приподнялся на сиденье и буквально крикнул таксисту “Turn around. Take me to Victoria embankment, have to make a short stop there and then back to Cheyne walk”.

– Right away sir, wherever you want, – ответил водитель, глядя на меня в зеркало. Через несколько минут черный кэб с рекламой Gatwick Express на дверях, остановился недалеко от Темзы.

С того времени, когда я только познакомился с Wiki, у нас появилась своего рода традиция – в каждый мой приезд, я обязательно приезжал к реке и оставлял ей какое-нибудь послание, написанное на перилах. Глупо, но надписи шариковой ручкой на перилах способствовали какому-то особому общению, которое всё еще сохранялось у нас.

Это место было выбрано неслучайно. В первые же дни нашего с ней общения, мы решили иногда устраивать “see`n`hear по one days”, когда мы надевали джинсы, кеды, легкие короткие куртки, надевали большие, в пол-лица солнечные очки, и, обязательно кепки на головы. Таким образом, мы пытались слиться с толпой туристов, надеясь, что нас (вернее ее) никто не узнает. Мы передвигались по городу пешком или на метро, отключая телефоны и изображая влюбленную парочку, которой, по сути, мы и были. И в один из таких дней, когда после долгой прогулки по берегу Темзы, и, как всегда, очередной порции ее неиссякаемых историй о Лондоне, мы остановились напротив London Eye. Вика, повернувшись ко мне и сказала:

– Promise me something, – она встала передо мной, и, вытянувшись, быстро поцеловала меня в губы.

– What?

– No, you have to really really promise me. I swear it`s nothing bad, – Вика сняла с себя очки и взялась за массивную дужку моих, снимая их.

– Ok, I do. I do promise something I don`t know, – я торжественно и глупо ухмыльнулся.

– Promise me, that every time, when you fly to London, – она пристально и тепло смотрела на меня, – you will come to this exact place and you will leave something written for me. If you still care, – Вика взяла меня за руку, – then I promise I will keep on coming here either.

Оказалось, что много лет назад, когда Викиной маме было лет двадцать, молодой парнишка попросил ее руки. Ситуация была немного похожа на ту, в которой и мы находились сейчас – различное положение в обществе не позволило ей тогда выйти замуж. Но с того момента, как в детстве мама рассказала Вике об этом, побережье Темзы стало одним из ее самых любимых мест.

В тот раз она достала из кармана куртки помаду и на обратной стороне перилл, где точно никто не мог бы увидеть ее надпись, она нарисовала небольшое сердечко, а после бросила помаду в воду.

– Now, I will check it time to time.

С того времени, в каждый свой приезд, (а иногда и по несколько раз за время пребывания в этом городе) я приезжал сюда, посмотреть, нет ли какой-нибудь новой записи от нее, а также выводил обычной шариковой ручкой какую-нибудь фразу. Со временем, описания наших чувств переросло в выражение наших желаний или просьб – в следующий раз прийти на встречу, надев какую-нибудь особенную деталь одежды, или же кое-что не надевать. Или заняться сексом в парке рядом, или поехать на футбольный матч. Получались некие пожелания, которым всегда было суждено сбыться, только мы не знали когда именно.

Выйдя из такси и перебежав дорогу, я подошел к этим давно знакомым перилам. Присев, я увидел многочисленные наши фразы на внутренней стороне, которые мы оставляли в течение этих лет. В этот раз, справа от давней надписи “Dinner Angus Soho” я, достав из портфеля ручку, написал “Fly to me”, зная, что, скорее всего, этого никогда не будет. Мне просто было приятно вспомнить нашу милую забытую традицию. Поставив восклицательный знак, я обвел надпись толстой линией.

Вернувшись в такси, я, довольный позвонил Насте, и сказал, что через несколько минут уже буду у нее:

– Давай, я уже заждалась. Кушать будем дома или пойдем куда? Я купила всего, могу сама тебе сделать ужин.

– Посмотрим. Тебя вначале буду, – я улыбнулся, – всё, целую. Сейчас буду.

В этот раз я прилетел в Лондон по двум причинам. Первая, и не особо важная – это желание после небольшого перерыва опять оказаться за Ла-Маншем, где, как и в Москве, я чувствовал себя как дома. Заодно созвониться и встретиться с одним из клиентов, то есть вроде и лишние деньги появятся, которые я тут же истрачу, и, как таковой работы не будет. Вторая же, более существенная причина – я летел увидеть девушку, с которой познакомился в середине апреля, а также, просто отдохнуть от рабочего настроения и всех своих знакомых.

14 апреля, в субботу, у меня с моими студентами (как я их называл), была «клубная ночь» – с полуночи и до самого утра мы были в клубах Москвы. Тогда, Никита взглядом указал мне на кого-то позади меня. Я резко обернулся и увидел высокую стройную девушку, с длинными светлыми волосами, до середины спины, и маленькими зелеными сережками в ушах. Правильные черты лица и пухлые губы создавали впечатление, что это не девушка, а какая-то ожившая кукла. Она смотрела куда-то вдаль, на сцену, или же осматривала людей. Мне показалось, что я уже видел эту девушку. Еще раз окинув ее взглядом, я отвернулся.

«Где же я мог ее видеть? Точно не в Москве», – я ответил сам себе и опять повернулся к ней. Девушка заметила мой взгляд и, посмотрев в ответ, вопросительно кивнула головой. Я покачал головой, давая понять, что не хочу продолжения общения. Отвернувшись, я посмотрел на Никиту, который следил за нашим немым диалогом, и, желая всё-таки узнать, где, если не в Москве, я с ней виделся, опять повернулся к блондинке. Сделав шаг по направлению к ней, и поднявшись на ступеньку выше, я жестом показал, чтобы она наклонила свою голову к моей.

– Привет. Слушай, а мы раньше не общались?

– Привет! – она прокричала мне в ухо так громко, что я немного отодвинул голову, и, поморщившись, опять наклонился к девушке, – не знаю, а что? – она улыбалась, смотря на меня.

– Кажешься знакомой, – я положил руку ей на волосы и придвинул ее левую сторону ее головы к своим губам, – а я обычно людей запоминаю, вроде.

– Ты тоже вроде знакомый, – прокричав мне, она продолжала двигаться в такт музыке.

– Слушай, сейчас точно не выясним. Давай потом.

– Давай. Запиши номер.

В ответ на ее слова я протянул ей свой телефон и она, взяв его, прокричала мне в ухо, – классно, у меня такой же!

В ноябре я купил себе черный телефон Nokia. Он очень подходил под черные часы и под пару аксессуаров – металлический кулон в форме маленького цилиндра, на черной каучуковой нити, и под браслет, выполненный также в черно-металлических тонах. В конце января, прилетев в Санкт-Петербург, в аэропорту, меняя сим карты в телефонах, я по своей оплошности оставил телефон возле одной из стоек. Вспомнил об этом я лишь в такси, по дороге в центр города. В тот же поздний вечер, после тренинга, я заехал в круглосуточный магазин Nokia на Невском проспекте и взял себе такой же, только в этот раз на клавиатуре присутствовали и русские буквы. Русская замена.

Девушка ввела в телефон несколько цифр и свое имя, сохранила контакт и позвонила себе. Она полезла в сумочку, и, через мгновение, на ее телефоне высветился мой номер

– Настя, – она представилась, и я, перекрикивая клубную музыку, сказал ей в ответ свое имя.

– Я позвоню тебе, – поцеловав ее в щеку, я направился в сторону Никиты.

На следующий день я был занят, и с Настей мы созвонились только в первой половине понедельника. Встретившись с ней в «Европейском» чуть позже, мы пошли в один из ресторанов на третьем этаже. Усевшись рядом в самом тихом углу заведения и заказав что-то из напитков, мы начали неспешно рассказывать друг другу о себе. Было около трех часов дня.

Настя рассказала мне, что в Москве она проводит не так уж много времени, так как учится в Англии (тогда я и подумал, что вполне мог видеть эту девушку в каком-нибудь Лондонском клубе) и завтра утром она улетает в Лондон из Шереметьево-2. Это было довольно забавно, так как через пару часов после ее рейса, из первого Шереметьево я летел в Санкт-Петербург ради очень короткого разговора по работе. Девушка поведала о том, что изучает искусство, сама неплохо рисует (в чем я, впоследствии, убедился) и обставит меня по знаниям в области живописи и биографий многих деятелей искусства.

В половину восьмого она должна была встречаться со своими друзьями, которые устраивали ей прощальную вечеринку, а в шесть у меня начинались очередные занятия с группой студентов. Было понятно, что нам придется скоро расстаться, но полтора часа общения пролетели так незаметно и интересно, что мне не хотелось отпускать эту девушку. Как мне показалось, она не хотела расставаться тоже. Эти полтора часа нас сделали значительно ближе, и мы уже договорились обязательно пересечься в Лондоне, когда я буду там. А пока что нам нужно было расстаться.

– Настя, – я хитро улыбнулся, – а поехали со мной на тренинг.

– Я не могу же. Я же сказала. Да и, наверное, неудобно будет перед всеми там.

– Не, насчет этого не переживай, наоборот, мне приятно будет, если ты будешь, да и остальным тоже. Вообще, мне нравится, когда ко мне заходят девушки, и слушают, что я рассказываю. Я всегда тогда слежу за их реакцией и иногда сам им вопросы еще задаю. Таким образом, я как бы сам себе еще раз показываю, что все те вещи, которые я рассказываю – они действительно верные. В этот раз ты бы очень помогла.

– А долго сегодня? – казалось, что Настя действительно хочет поехать со мной.

– Я сегодня два часа веду. Но, если ты хочешь, можешь просто посередине занятия встать и тихо уйти, никаких проблем с этим. Если понравится и захочешь побыть – останешься там.

– Даже не знаю, – она посмотрела на телефон.

– Давай так, – я начал уверенным голосом, словно расписывая то, что ей необходимо делать, – ты сейчас едешь со мной, потом ты созваниваешься или списываешься со своими друзьями и говоришь, чтобы они тебя забрали, или же ты в середине занятия сама поедешь, как считаешь нужным. Договорились?

Она не возражала. Спускаясь по эскалатору, я взял пакеты с купленными немного ранее ботинками и рубашкой в левую руку, а правую протянул Насте. Девушка взяла мою ладонь и уже не отпускала ее.

Подъехав к залу не совсем в нужном месте, я понял, что мы с Настей вовремя не успеем на занятие. От необходимого нам здания нас отделяла массивная стройка, и потребовалось бы минут пятнадцать минимум, чтобы ее обойти.

– Так, подожди, немного, – сказал я девушке и позвонил Антону, зная, что он тоже должен заехать в зал.

С Антоном я уже некоторое время вместе работал в Москве, и он неоднократно выручал меня в разных нелепых ситуациях. Он постоянно оказывался в нужном месте в нужное время. И сейчас, позвонив Тохе, я был приятно удивлен, узнав, что он как раз поворачивает на ту улицу, где мы были. Эта ситуация в очередной раз подтвердила мою теорию о его незаменимости.

– Чтобы ты без меня делал, – улыбнувшись, сказал Тоха, когда мы с девушкой сели в его машину.

В тот вечер Настя не уехала с моих занятий. Пока я общался с группой и делился с ними новой информацией, которая помогла бы им в их отношениях с женщинами, Настя рассылала смс своим друзьям, сообщая им о том, что у нее появились неотложные дела, и вечеринки не будет. Мне было очень приятно ее желание побыть со мной, так как оно было взаимным. Часа через четыре после того, как мы распрощались с группой и уехали вдвоем, она направилась к себе домой. Следующим утром, я немного раньше поехал в аэропорт и заехал в Шереметьево-2. Она, даже зная, что я собираюсь приехать, до самого последнего момента не верила, что я появлюсь ее провожать.

– Это первый раз, когда я не хочу улетать в Англию, – она сказала мне, когда мы сидели в аэропорте.

– Ну, так не лети. Потом вылетишь.

– А я однажды уже опоздала так на рейс, летела потом через Франкфурт, – она залилась смехом.

– И сейчас так сделай, – я посмотрел на табло в центре аэропорта, – я как раз в Питер полечу, а ты к немцам, а потом в Лондон.

– Блин, что делать, – она наигранно захныкала, – не хочу лететь.

– Не, малышка, надо, – я поцеловал ее.

Проводив Настю, я полетел в Питер, и вернулся в Москву несколькими часами позже. На следующий день я познакомился с Аней.

С Настей мы созванивались практически ежедневно, и понимали, что нам необходимо встретиться опять. В один из дней она сказала мне, что сможет освободить для меня три дня в Лондоне. И будет более чем счастлива, если я прилечу. Таким образом, мы договорились, что несколько дней в начале мая я проведу с ней.

Промучившись несколько минут с домофоном и с лифтом, который как-то нехотя поднимал меня с чемоданом с ground floor, я оказался на третьем этаже. Настя бросилась мне на шею, как только дверь лифта открылась, и лишь мое тихое «Спина!», немного остановило ее.

Сегодня у нас должен был спокойный вечер. Пока я принимал душ, Настя готовила ужин в черном обтягивающем платье, в которое она была весь день. Позже, после того, как нам опять пришлось принимать душ, мы отправились гулять по вечернему городу. Пройдясь до Трафальгарской площади и, выпив вина в одном из ресторанов в Сохо, мы решили сходить в кино, в котором я уже не был слишком давно. Пробравшись вместе с, наверное, более чем тысячью счастливых обладателей билетов на премьеру “Spiderman 3”, мы на пару часов развалились в креслах. Мне это было просто необходимо, так как боли в спине начали усиливаться, и небольшой отдых в полулежащем положении мне был просто необходим. Вооружившись колой и попкорном, я делал вид, что смотрю фильм. Хотя на самом деле, после двух перелетов и почти что бессонной ночи в Москве, мне хотелось спать. Договорившись с Настей, что после этого ночного сеанса мы поедem домой, я прикрыл глаза.

Позавтракав рано утром в субботу, мы решили посвятить весь день простому праздному времяпрепровождению. Из запланированных мест, куда мы обязательно должны были попасть, значились музей и St. Paul’s Cathedral. Все остальное – лишь по желанию, и в зависимости от моего состояния. Я чувствовал себя довольно неплохо, и даже подумал о том, что не стоит надевать корсет, но Настя сказала, что если я его не одену на себя, то мы вообще никуда не пойдem. Мое здоровье и сохранность моего позвоночника - прерогатива номер один для нее сейчас. Нельзя сказать, что ее забота мне не нравилась. Она относилась ко мне так, словно я был самым ценным человеком на свете, и это очень подкупало.

Утро было пасмурным и не было известно, пойдет ли дождь позже. Надев пальто, мы выдвинулись на улицу. Решив, что сейчас более предпочтительна культурная программа, мы поймали такси и направились в Victoria and Albert Museum. Настя изучала

искусство, “Art”, как она его постоянно называла, и хотела посетить выставку Сальвадора Дали. Я и раньше интересовался его творениями: картинами, украшениями, одеждой, но в тот день, вместе с ней, все немного предстало в другой форме. Рядом со мной был кто-то, кто с наслаждением и восторгом рассказывал о жизни и творчестве этого неординарного человека, и я глубоко проникся не столько самими фактами его жизни, сколько энтузиазмом и энергией моей девушки. Мы ходили из зала в зал, останавливались, рассматривали экспонаты и неспешно подобрались к последнему залу. Это было большое просторное помещение, с множеством скульптур и картин, которые даже после посещения всей выставки казались уж слишком странными и чудными. Но в каждой из них можно было увидеть что-то свое, провести некоторые незримые параллели со своей жизнью или хотя бы с некоторыми ситуациями в прошлом. А в середине этого зала стояло совсем небольшое глиняное изваяние, напоминающее стрелку, указывающую вверх. Центр зала, главный экспонат. Я посмотрел вверх. Через весь потолок (до которого было, по крайней мере, восемь или десять метров) красовалась надпись “Dreams are a second life”. Самое главное на тот момент, было так очевидно. В этой фразе, там высоко, была моя жизнь на тот момент.

Мы покинули музей и поехали в итальянский ресторан на одну из узких оживленных улочек города, прямо за Selfridges.

– Вот увидишь, это нечто! – восклицала она по дороге, прерывая свои рассказы о Сальвадоре Дали. – Ничего похожего больше в Лондоне нет, там безумно вкусно.

Еда в ресторане действительно была замечательна, но и она не смогла остановить мою девушку от выражения восторга от посещенной выставки. Я время от времени одобрительно кивал и вставлял бессмысленные фразы. Меня словно вообще не было рядом. Мои мысли были где-то далеко. Я думал о себе и о том, как сильно изменилась моя жизнь за последний год. Кем я был раньше? Счастливым, устремленным в будущее человеком, которому всё казалось настолько несущественным и временным. А сейчас? А сейчас, да не только сейчас, а уже больше года я, по сути, лишь некое напоминание, прообраз того, кем я был раньше. Недочеловек, что ли. И пытаюсь убедить всех, и себя в первую очередь, что у меня все будет хорошо. Сам не могу нормально встать по утрам, теперь еще со сломанным позвоночником и в корсете, с синяками под глазами и с вечной температурой. При этом девушки меня считают безумно сексуальным, а парни завидуют. Я невольно улыбнулся. Если я сейчас, в самом своем ужасном состоянии, разваливающийся буквально на глазах, могу быть для кого-то самым лучшим, что же будет тогда, когда я вылечусь, и больше не будет этого грёбаного рака? Кажется, я опять понял, почему за последний год, я так часто заводил новые знакомства. Все просто – какое-то внутреннее скрытое желание в очередной раз доказать себе, что я «прежний». Так, надо перестать столько думать. Много думать – вредно.

Я посмотрел на девушку передо мной и сказал сам себе – «Всё будет хорошо».

Настя прервала свою восторженную речь и ответила на телефонный звонок, а я вернулся из своих мыслей. Выпив апельсинового сока, я недовольно посмотрел по сторонам.

Было жарко и душно. Серое утро давно осталось позади, и сейчас мы уже прятались от солнца в тени громадных зонтов, покрывавших несколько столов на летней террасе. Мое пальто давно было снято и уложено на соседнем стуле. Итальянка, сидящая за столиком, находящимся слева от меня, уже в который раз просила принести еще льда и что-то высказывала своей подруге, обмахиваясь меню. В те редкие моменты, когда мы смотрели друг на друга, ее измученному взгляду вторило слово “Hot!”, и я лишь поддакивающее кивал головой.

– Ты что такой грустный? Всё нормально? – Настя заботливо наклонилась ко мне.

– Да, жарко просто, – я опять сделал глоток сока и кинул в него очередной кусок почти растаявшего льда.

– Ага, не то слово.

– А на мне этот корсет еще, все чешется уже, – я постарался незаметно почесать спину.

– Не вздумай снимать, – резко сказала Настя.

– Не сниму, не маленький, – я наигранно обиделся, и она показала мне язык.

– Как тебе тут? Правда, вкусно?

– Очень, – в подтверждение своих слов я утвердительно кивнул головой, – серьезно. Я в Лондоне такой пасты не ел давно.

Настя довольно улыбнулась. Ей было приятно, что я оценил это заведение, – Что делаем потом? Хочешь домой?

– Не, – откинувшись на спинке стула, я посмотрел на часы, – давай в St. Paul's идем. Я хочу, чтобы ты на самый верх забралась. Там просто обалденно.

– Не, я не пойду. Я на каблуках.

– Какая разница. Там просто потрясающе. Ты себя уважать больше не будешь, если туда не заберешься.

В первый раз я забрался на крышу собора три года назад. Тогда саму идею забраться на самый верх, я посчитал неким безумием, которое могу исполнить при наличии свободного времени. Ведь кроме прекрасного вида и многочисленных надписей наподобие “I've made it. John 15/02/02” или “Matt. 07/07/00” – там нечего созерцать, как я думал. На самом деле, награда за преодоление этой тысячи (примерно) ступенек по винтовой лестнице, где порой приходилось сгибаться вдвое, скрывалась совсем не в прекрасном обзоре города. Самое начало пути кажется довольно забавным, и в открытую смеешься на фразы измученных людей, которые предупреждают тебя о том, что не стоит идти наверх. Ближе к середине, начинаешь задумываться о том, что может всё же не нужно куда подниматься. И лишь потом, когда видишь десятки людей, которые вместе с тобой двинулись наверх, но решили передохнуть на услужливо расставленных скамейках, понимаешь, что не будешь себя уважать в дальнейшем, если не заберешься на самый верх. Сам процесс покорения этой вроде бы ненужной туристической забавы, открывает в себе многое. А еще, на самом верху, в те редкие моменты, когда там никого нет, можно устало и размеренно заняться сексом.

– Я в другой раз туда полезу, честно. Я на каблуках сейчас, – Настя не очень хотела лезть наверх сегодня.

– Давай так, как туда придем, там посмотрим, Окей?

– Хорошо. А как твоя спина, нормально? Тебе же нельзя напрягаться?

– Слушай, милая моя девушка, – я усмехнулся, А Настя захлопала ресницами, – как сексом заниматься, то спина не болит. Всё нормально будет.

– Да я и так боялась, что как-нибудь не так повернешься.

– Как видишь, – я довольно растянул улыбку до ушей, – даже при таких травмах всё на высоте.

– Иди сюда, – Настя наклонилась над столом и поцеловала меня.

– Ешь, давай, – я кивком указал ей на ее тарелку и начал наматывать спагетти на вилку, – остынет.

На крышу в тот вечер мы не забрались. Дойдя до собора и сделав по пути несколько десятков фотографий, мы уселись на мою любимую скамейку рядом с тем местом, где раньше стоял крест Святого Павла. Здесь был еще один небольшой оазис спокойствия в центре Лондона. Неспешно прогуливающиеся туристы, кусты огромных чайных роз, и удивительная тишина. Было около шести вечера, и мы (я точно) сильно устали. На восхождение уже не было ни времени, ни сил. К тому же, было ощущение, что скоро начнет накрапывать дождь, что, собственно и произошло. Поймав на улице такси, мы доехали до King's rd., где купили в магазине вина и еды на вечер. Настя решительно отодвинула меня от кассы, сказав, что за все продукты и другие расходы, связанные с домом, она всегда рассчитывается сама. Она прекрасно готовила, и вчерашний домашний ужин был тому подтверждением.

Все время, когда я был с Настей в Лондоне, я чувствовал себя виноватым. Я не хотел, чтобы у Насти появлялись сильные чувства, так как сам я не был готов к ним. Я не мог ответить ей тем же. Не в моем состоянии, не сейчас, и, наверное, не с ней. Мы просто хорошо проводили время, как мне казалось, как мне хотелось. Для этого она подходила просто прекрасно – молода и красива, со своей идеальной жизнью и своей темной стороной, которую я еще не успел увидеть. Со своими амбициями, и импульсивностью, вызывающей опасения.

В субботу вечером, перед тем как проехать по клубам, я одевался в спальне.

– А когда ты поняла, что в меня влюбилась? – спросил я Настю, как бы невзначай. Я стоял перед зеркалом и застегивал рубашку, смотря в отражении, как она лежит на кровати.

– А с чего ты взял, что я в тебя влюблена? – она села на край кровати.

– Ну, как же, – я усмехнулся, – видно же когда человек влюблен. Сказать, почему я так думаю?

– Давай.

– Хорошо, – сказал я, осторожно, чтобы не заболела спина, садясь рядом.

– Ну?

– Смотри. Вообще состояние влюбленности можно разделить на несколько составляющих, как бы признаков. Первое – это некие новые эмоции и переживания. То есть, ты, в данном случае, общаясь со мной, чувствуешь, как в тебе или появляется что-то такое, чего не было раньше, какие-то новые чувства и ощущения, или же это повторения старых чувств, но, которые со мной кажутся свежими и яркими. Следующее – страсть, секс, желание твое заниматься со мной сексом, раствориться практически со мной. Дальше, то, что ты себя очень хорошо со мной ощущаешь в любой момент. Тебе со мной комфортно и классно. Вообще это и со знаком минуса может быть все, но это не сейчас. Так, потом – заинтересованность. Когда человек влюблен – ему зачастую хочется знать все, чтобы точно знать, что все эти чувства, не к какому-то образу, что он не обманывается. Вот и ты – помнишь, когда я в Казани был, как ты полчаса по телефону меня расспрашивала насчет всех фотографий, что ты в интернете откопала. Так то. Ладно, дальше. Следующий признак влюбленности – привязанность. Желание всегда быть рядом, ощущать человека по близости. Это и на расстоянии может быть, как у тебя со мной. Все эти сотни звонков и смс. Потом три немного похожих признака. То, что после все этого, с учетом всех эмоций, которые я в тебе вызываю, как себя веду и каким я являюсь – ты считаешь, что я самый лучший мужчина на свете. По крайней мере, сейчас. Из-за этого, ты сама хочешь становиться лучше. Видишь, книги читаешь, которые нам нравятся, выглядишь сногшибательно, ведешь себя замечательно, хочешь, чтобы я тобой гордился. И, вследствие всего этого, ты сама себя начинаешь считать себя чуть ли не самой лучшей в мире. А из-за того, что ты понимаешь, что эти все чувства сейчас из-за меня, – я опять посмотрел в ее удивленные, широко раскрытые глаза, и, первый раз, за время всего объяснения, улыбнулся, и сказал уже не профессорским тоном, – малышка, это если коротко все. Поэтому и видно, что влюбилась.

Настя наигранно недовольно покачала головой:

– Не, ну и как с тобой таким быть!? От тебя ничего не скроешь!

– Так, я ничего не говорил, я ничего не знаю, – я рассмеялся.

– Все, никуда не пойдём сегодня. Из спальни не вылезем за твои такие объяснения, – она рассмеялась и осторожно потянула меня к себе.

В воскресенье утром, к одиннадцати утра, мы выехали завтракать. Также я хотел купить новый чемодан для сегодняшнего перелета, а Настя хотела посмотреть себе новые

туфли. Но в итоге, после того, как мы по дороге заехали в Harrods, в моих руках были многочисленные пакеты с одеждой, но никак не новый чемодан.

В городе лил дождь. Это очень сильно контрастировало с сегодняшней ночью, когда, мы объехали с десятков ночных клубов в центре Лондона, и завершили турне по клубам, оставшись в “Ministry of Sound”, который мне нравился с давних времен. Часов в пять утра, выйдя из клуба, я даже не стал одевать пальто. В воздухе чувствовалось скорое приближение лета. Такие ночи часто бывают в последних числах августа – темные, теплые, пропитанные ощущением предстоящего безумно жаркого дня, но при этом, и ощущением скорой осени. В эту ночь вместо осени, я ощущал то, что мне все сложнее притворяться, что я хорошо себя чувствую. В один момент, Настя, прижавшаяся ко мне и слушающая истории из моей жизни, заметила болезненную гримасу на моем лице. Позвоночник давал о себе знать. Также как и увеличившиеся лимфатические узлы под моей кожей. Тогда Настя сказала, что она устала и хочет поехать домой. Но, я понимал, что она просто волнуется за меня, и хочет, чтобы я оказался дома.

Утренний дождь заставил нас завтракать в самом Harrods, а не в выбранном Настей ресторане несколькими милями севернее. Я улетал после обеда, а она хотела, чтобы я взял билет на понедельник, или же, по крайней мере, поменял его на вечерний рейс. Уже было поздно что-то менять. Дома она собрала мне чемодан и вызвала такси. Простившись с Настей, и не загадывая, когда мы увидимся вновь, я улетел из Англии.

Я хотел вернуться домой и немного отдохнуть, а также, мне хотелось побыть одному. До поездки в Лондон у меня было три недели работы, когда мне удавалось поспать по четыре часа в день. Точно такие же две недели должны были начаться уже через четыре дня в Санкт-Петербурге. Мне нужно было прийти в себя, иначе бы я не выдержал таких нагрузок. Мне было плохо, но это уже не слишком меня волновало. Наверное, я смирился со своей ситуацией.

* * *

*Обрывки газеты, плюнешь, и станет легко,
Богов силуэты, сколько их мне все равно.
Помятые крылья, можно запить и не пить,
Ты же разбился, не попытавшись взлететь.*

*Если сияешь, можно светить для других,
Если рыдаешь, слезы лишь для двоих.
В городе этом нас долго пытались согнуть,
Все изменилось, но многое можно вернуть.*

- Привет, Кристина, это Олег.
- О, привет, сколько лет, сколько зим. Ты как, где пропал?
- Да так, в разъездах был.
- Всё еще лягушка-путешественница?
- Да, бывает. У тебя какие планы на сегодняшний вечер?
- У меня сегодня свидание через три часа. Познакомилась с одним мальчиком, в девять вечера встречаемся. А до этого свободна.
- А я сижу дома. Скучно как-то, и тебя давно не видел уже.
- Ну, смотри, я до девяти свободна.
- Приезжай ко мне.
- Хорошо. Ты где, там же живешь?
- Да. Через сколько будешь?
- Где-то минут через тридцать.
- Давай, жду.

Кристина перед зеркалом в ванной подкрашивала ресницы. Я же смотрел на нее, стоя под струей воды в душевой кабине, и смывал с себя пену, оставшуюся после геля.

Я познакомился с ней четыре года назад, Тогда она заканчивала факультет медицины, а также подрабатывала – танцевала в клубах, на выставках раздавала приглашительные и флаера, участвовала в показах одежды, и уже два раза на лето уезжала танцевать в клуб Amnesia. В общем – занималась всем, что приносило деньги и позволяло весело проводить время. Тогда она еще казалась такой легкой и беззаботной девушкой, которая в один день могла, быть в Праге, обедать в кафе на Целетной улице, нацепив солнечные очки. А вечером другого дня уже могла сладостно кончать под почти незнакомым мужчиной в Лиссабоне. Под мужчиной, с которым познакомилась в Праге лишь вчера, и который уже был готов на всё, лишь чтобы Кристина была его. Один из таких мужчин оплатил ее превращение из беззаботной и легкомыслящей брюнетки в роскошную блондинку, обладательницу “D cup” и пухлых губ. А следующий безумный роман перерос в свадьбу, которая, в свою очередь, стала началом конца ее семейной жизни. Через семь месяцев она уже была разведена и хорошо обеспечена. И она была другой.

Она была прекрасной. В кино, иногда, показывают красивых женщин. Сочных, загорелых, самодостаточных, сексуальных – словом, самых-самых. А она была лучше. И кроме потрясающей внешности и безупречных манер – у нее было что-то внутри, что осталось с тех времен, когда она еще была самой собой. Мужики все также стелились перед ней как собаки перед хозяином, не зная, даст он им с ноги тяжелым ботинком, или погладит по пузу. А она их не ценила. Вернее видела, что ценить-то уже нечего. Время от времени появлялись короткие

спутники жизни, которые также быстро исчезали, столкнувшись с ее подозрительностью и странностями, как им казалось. Однажды, рассматривая каталог больших и мягких (и безумно дорогих) кроватей с разными фенечками в бело-розовых тонах, она презрительно поморщилась, увидев на одной из фотографий статного, загорелого мачо, призывно расположившегося на постели.

– Это для старушек реклама. Я бы такое не купила уже только из-за этого.

У нее была прекрасная жизнь. И все, что она хотела – это семью. И ребенка первого к тридцати. И не быть преданной, как раньше. И без измен. И боли поменьше. И чтоб успокоительных не надо было пить. И из дома не выходить. И вытащить из четвертого размера силикон и поменять на второй. И губы опять свои. И любить и быть любимой. Обычные женские вещички. И все.

А еще она почти никогда не смотрела в глаза.

Кристина подала мне полотенце. Я, стерев остатки воды на коже, бросил его на пол, (где уже валялось такое же, только синего цвета, которым Кристина вытиралась после душа) и подошел к ней. Обняв ее сзади, получив поцелуй и услышав «не мешай мне», я шлепнул ее по правой ягодице и пошел включить телевизор.

– Кристин, а что за парень? – Я поинтересовался ее сегодняшним кавалером.

– Да есть один, на работе у подруги познакомились, он туда приходил. Хороший такой. Может что-то получится с ним, посмотрим, – она подошла к дивану, на который было брошено ее маленькое черное вечернее платье, и не спеша надела его. Приподняв свои волосы со спины, она, повернув голову в мою сторону, сказала, – застегни.

Мы попрощались как всегда, не поцеловавшись.

Через минут сорок после ее ухода, она прислала сообщение, «Звони, когда будешь свободен. Целую!» А еще через минут десять на телефоне, одновременно со звонком отобразился номер человека, которого я знал очень давно. Поднеся трубку к уху, я услышал знакомый голос с уже привычным акцентом:

– Олег?

– Да, здорово! Ты как, где ты?

– Я в Клайпеде, прилетел днем. Завтра же лето начинается. Где сейчас?

– Я дома сейчас уже.

– Слушай, у меня несколько дней свободных вообще. Ты завтра что делаешь?

– Завтра дела есть, а что такое?

– Давай утром позавтракаем. Я ж тебя сто лет не видел!

– Давай, – я радостно согласился.

– Где?

– Можем в десять в Радиссоне.

– Всё, в десять жду.

– Давай, до завтра.

Бросив телефон на диван, я довольно улыбнулся, зная, что завтрашний день точно не будет скучным.

После долгого, как оказалось, дня, я сидел за столом в уютном ресторане на двадцать первом, последнем этаже здания. Через окна, которые были от самого пола и до потолка, открывался роскошный вид. Можно было наблюдать залив, и следом, за косою, море. Замечательное место, где свысока можно было полюбоваться солнцем, уходящим в море. Напротив меня сидел черноволосый мужчина лет тридцати, в темно-синем костюме и в белой рубашке – Давид.

– А знаешь, Олег (последние пару лет он ставил ударение в моем имени на первый слог), проскочила мысль, что я сейчас у себя на York ave, а передо мной чуть изменившийся остров Roosevelt, и за ним Квинс накрыло цунами.

– Ага, – у меня не было никакого желания поддерживать разговор (я уже немного устал от того количества информации, которое он рассказал мне с утра, с момента нашей встречи в ресторане гостиницы Radisson SAS), и я опять взял в руки телефон. Со стороны могло показаться, что я очень заинтересован в сообщениях, или просматриваю телефонные номера, а на самом деле я высчитывал, сколько в году часов и минут.

– А ты знаешь, что Манхэттен был разрезан и перевернут? – Давид слишком выделил букву «э», что у него часто проскакивало с тех пор, как он перебрался жить в Америку.

– Что? – я оторвался от телефона, – я читал, что там какой-то канал у Гарлема прорыли раньше. Ты об этом?

– Нет. В сороковые годы 19 века, какой-то чудаковатый человек сказал, что остров проседает и скоро уйдет под воду. А причина этому то, что большими темпами идет застройка. И очень скоро вода будет на том месте, где сейчас дома.

– Тогда же там еще не было всех этих небоскребов.

– Неважно, – парировал Давид, – главное, было создать шум и проблему. Он сказал, что надо распилить остров и перевернуть его наоборот, южную часть на север.

– Удалось, распилили? – я усмехнулся.

– Неа, – он потянулся за стаканом с виски, – а и не надо было. Люди начали скупать землю в северной части Манхэттена, потом стали платить этому парню, чтобы он в своих проектах повернул остров получше, солнце, закаты, виды на Гудзон и прочая ерунда. Парень насобирал бабла с населения и смотался. А тогда это легко было сделать, Классический развод в древние времена. Это я к чему, что если бы Квинс просел, то вид был бы такой же, как здесь, он поднял руку и показал за окно, – земля, вода, земля, вода.

Некоторое время мы сидели в относительном молчании и тишине – изредка перебрасывались фразами, как-то отстраненно ели – я суп, а Давид салат из каких-то овощей с труднопроизносимым названием. Мы попросту тянули время до начала ночной жизни. Оставалось часов пять.

Пустая тарелка из-под рыбного супа стояла в стороне от меня, когда официантка принесла еще два виски и, опять улыбнувшись, сказала:

– Я вспомнила, где Вас видела, вы приходили со своей девушкой в китайский ресторан, а я там работала.

Когда мы только сели за столик, к нам подошла официантка, чье лицо и манеры мне показались очень знакомыми. Я спросил, могли ли мы где-то раньше видеться, и она ответила что возможно, так как она помнит мое лицо. На этом тема была закрыта и она лишь как-то особенно улыбалась мне каждый раз, когда подходила к столику.

– Да, – я вспомнил ее, обслуживающую нас с Дианой, – точно. Решила теперь здесь поработать?

– Новое место, тут интереснее сейчас.

– Понятно, – я улыбнулся.

– Вам понравился суп?

– Очень вкусно, серьезно, можешь передать повару мое искреннее и огромное «спасибо».

Девушка красивым движением руки подхватила тарелку и удалилась.

– Ты ее тоже?

– Нет, ты что, видишь же, что незнакомы.

– А, понятно. Ну, если надо будет – всегда вариант с ней есть, – Давид усмехнулся, нанизывая лист салата на вилку, и отправил его в рот. – Ты фсе хахой жы, – он поперхнулся и кашлянул.

– Чего?

– Момент, – он проглотил лист и сделал хороший глоток виски, – ты все такой же говорю.

– Не, – я откинулся на стуле, – не такой же. Надоело все. Знаешь. Действительно надоело. Как-то нет того кайфа как было раньше. Да еще этот позвоночник, достал уже, ни повернуться нормально, ничего. Сейчас еще более менее, а когда только сломал, вообще с кровати минут по пятнадцать поднимался. Если бы кто со стороны видел, – я улыбнулся, – лежит труп в постели, не двигается, потом аккуратно одну ногу на пол, потом другую, сам немного поворачиваюсь, потом аккуратно падаю на пол и потом по стенке поднимаюсь вверх, – все эти слова я сопровождал похожими движениями. Наблюдателям со стороны это могло показаться каким-то странным замедленным брейк-дансом.

– О, смотри, – Давид прервал меня и кивком указал куда-то за мою спину, где был вход в ресторан. Я неспешно обернулся.

В ресторан вошли три девушки примерно двадцати трех – двадцати пяти лет, хотя в наше время возраст сложно определить точно. Две были брюнетками, одетыми в подобие офисной одежды (юбки по колено и пиджаки), скорее всего только что закончившими работу, и позвавшими третью подругу присоединиться. Третья девушка была эффектной блондинкой в обтягивающих джинсах и в темно синей кофте. Судя по ее макияжу и прическе, она не собиралась возвращаться домой до самого утра. Скорее всего, захала забрать подруг с работы, перекусить, поехать к ним (или одной из них), подождать, пока они переоденутся, и потом уже выбраться в город. Или же она вообще не ночевала дома, но это вряд ли. Я увидел, что они выбирают место, и в какой-то момент, одна из брюнеток посмотрела в нашу сторону, потом на меня, и немного приподняла голову, как будто именно в тот момент ей нужно было казаться выше и стройнее. Я улыбнулся, одновременно, самую малость, наклонив голову, и повернулся обратно к Давиду.

– Будешь? – он вопросительно кивнул в их сторону.

– Не, не хочу. У меня есть с кем.

– Ты что, серьезно? Кто такая, я знаю?

– Нет, познакомлю потом.

– У тебя как, все серьезно с ней? – он соорил глупую улыбающуюся физиономию.

– Ну, давно знаем, она вроде что-то хочет, а я так. Классная, потрясающая, – почему-то начал думать о Насте, – но не знаю. Ничего такого, короче. Потом расскажу.

– Ну, тогда давай, возьмем их на сегодня.

В это время девушки сели через два столика от нас. В той части ресторана, где были мы, больше никого не было, слишком рано для вечерних ужинов и пре-пати, и поздно для ланчей. Я еще раз взглянул на девушек. Блондинка сидела напротив двух брюнеток и что-то живо рассказывала.

– Не знаю, потом решим.

Давид наклонился ко мне и тихо сказал:

– Ну, хочешь, можем просто пообщаться. Не обязательно же сразу все в горизонтальную плоскость переводить.

В ответ я рассмеялся, – о-бя-зательно, – протянул я, – так или иначе, обязательно. Окей, бери. Посмотрим, чему ты там пиндосов учишь.

Через двадцать секунд Давид стоял возле столика девушек и немного жестикулировал. Девушки, улыбаясь, смотрели на него. В какой-то момент он представился им, потом девушки,

сами после работы, уже в предвкушении чего-то интересного. И она бы сама пропиарила нас подружкам. Потом мне осталось бы только сказать, чтобы они к нам присоединились, и все. Хотя нет, не получилось бы так. Все равно пришлось бы вставать. Иначе некрасиво бы выглядело. Ну, короче. Вставать или нет, уже решил бы. Но я бы только встал, чтобы озвучить, что на таком расстоянии сложно общаться.

– Но, ты этого не сделал.

– Ну а нафиг надо. Хотя, – я задумчиво улыбнулся. Можно устроить впятером групповуху. Хотя нет, два на два только. Впятером сложно будет.

– Да какой сложно, легко. Я Иру, ты вторую и Олю берешь.

– А тут как раз и проблематично немного. Если просто брюнеток, то их легко. Сливаем блондинку в конце вечера, и все. Ты свою берешь, я – свою. А если эту Олю еще, то тут сложнее. Моей брюнетке может не понравиться, что я клею блондинку, и она сольет всю коммуникацию. Или же мне вначале надо будет влюбить свою брюнетку, так чтобы Оля не заметила, а потом уже клеить Олю.

– А ну да, – Давид криво усмехнулся. – Ну, так что?

– Не, ты ж знаешь, мне один на один больше нравится. О, а кстати, если я буду клеить блондинку, то тебе с твоей девчонкой может обломаться. Эта вторая брюнетка одна останется, на меня обидится и твою домой потянет, – я рассмеялся. – Спать тебе с ней или не спать, мне решать.

– Ни фига, – он рассмеялся в ответ.

– Ладно, я шучу. Я просто предположил. Они сейчас вообще, придут и тебя в туалет уволочут. И надругаются. Или они смотались уже, – я наигранно нахмурился.

– Ага, и сумочки оставили, – Давид кивнул в сторону их столика.

– Да шучу же я. Короче, можно было бы и легче.

– Ну что, век живи, век учись.

– На самом деле, – я придвинулся ближе к столу, – это же не факт. Просто со стороны так выглядит, а я и ошибаться могу, хотя не думаю.

– Знаешь, чем больше я в это соблазнение влезаю, – Давид шмыгнул носом, – тем больше я понимаю, что есть много каких-то тонких моментов, о которых порой даже не задумываюсь. Как сейчас, например.

– Слушай, да нет тут никаких тонких моментов, о чем ты говоришь, – я сделал недовольную гримасу, – самого соблазнения как такового не существует.

– Ну, как же, есть, смотря как на это посмотреть.

– Давид, это же фигня полная. Это мы просто так называем. Ну, вот смотри, ты же сам преподаешь, обучаешь парней. Вот чему вы там учите народ? Методики, приемы, еще что-то, рутины, ах да, как же пиндосы без рутин. И что в итоге? Твоим студентам это надо? Нет. Абсолютно не это. Есть какая-то притча про то, что голодному не рыбу дали, а удочку. Так вот тут в основном дают только рыбу. Ну, будет у них плюс пять девушек, а потом что? А потом опять назад. Не это – соблазнение. Мы слишком короткий период рассматриваем. Вернее, на короткий период надо рыбу, а на долгий – удочку. Хотя опять, если соблазнением называть то, что девушке специально дается то, что она хочет, вследствие каких-то манипуляций, то тогда это соблазнение, которое никому нафиг не нужно. Вернее нужно. Тем, у кого спермотоксикоз. Блин, это не сейчас обсуждать, тут такое сейчас нагородить можно, особенно при нашей с тобой скорости поглощения этого чудесного напитка, – я сделал глоток виски.

– Слушай, но ведь все равно же ты сам обучаешь, как чувствовать девушку, это тогда что? Допустим, эта ситуация.

– Ок, давай. Смотри, это другое. Тут не девушку чувствовать надо было, а ситуацию. Есть девушка. К примеру, эта блондинка. Не, давай брюнетку, удобнее будет. Как ее зовут там?

– Катя.

– Вот, есть девушка Катя, которая очень красивая девушка, точеная фигурка, рост метр семьдесят с копейками, она одинока, и, в принципе, как и любая девушка, ищет себе мужчину. Не обязательно для брака, хотя об этом думает, естественно, но, по крайней мере, для

времяпровождения или отношений. И абсолютно не важно, есть ли у нее сейчас молодой человек или нет. Потому что с учетом того, о чем она сейчас думает, это уже лишь детали. Вернее, о чем она сейчас, возможно думает, – я произнес «возможно» медленнее. – И эта девушка приходит в компании своих подруг в ресторан, озирается по сторонам, видит, что никого нет, думает о том, что надо было идти в другое место, где больше народа, и были бы интересные потенциальные «ее» мужчины, и потом, она смотрит в нашу сторону и видит меня. Сейчас я возможные материальные моменты вообще не рассматриваю, так как это еще отдельная тема. Так вот Я неплохо выгляжу, хорошо одет, ты точно также. Мы оба подходим под ее какой-то выдуманный образ. Откуда она этот образ взяла, это уже дело двадцатое. И я смотрю на нее одобрительно и улыбаюсь, как бы делаю первый шаг сам. И тут важно то, что она уже сама становится той, кому наше общение, еще до момента его наступления, нужно больше чем нам. То есть изначально ситуация уже меняется, не нам она нужна, а мы ей. Могло вообще бы быть еще проще. Ты бы просто посмотрел на нее, бросил бы на нее взгляд, а остальное она бы сама уже дорисовала.

На лице Давида промелькнула самодовольная ухмылка, ему было приятно, что я так высоко оценил силу его взгляда, хотя бы даже гипотетически.

– Это, кстати, часто бывает у женщин, которые со стороны выглядят абсолютно счастливыми и у кого более менее размеренная устоявшаяся жизнь. Нужны приключения, впечатления. Хотя не так даже, не приключения. Нужен роман. Но это не про Катю. О чем мы говорили? – я потерял ход разговора.

– Образ, ей надо больше чем нам.

– Да, так вот. И она уже сама, скорее всего, говорит подругам какое это прекрасное место, давайте тут останемся. И в итоге мы видим девушку, которая уже сама нам, в данной ситуации мне, дала тот самый огромный аванс. Все, что мне остается делать – это просто ничего не испортить и показать, что я действительно такой, каким кажусь. Все! Где здесь тонкие моменты? – я развел руками.

– Ну а если бы ты сразу не понравился. Как, например этой Оле, блондинке.

– А, вот тут-то уже самое интересное, тут как раз та ситуация, когда все немного интересней. Я тебе могу показать и сразу комментировать, как и что я делаю. Давай? И тебе и девушкам будет интересно, а заодно и они все прокомментируют.

– Супер. А групповухи, как я понимаю, тогда не будет? – Давид отпил виски из одного из стаканов, которые нам принесла официантка во время нашей беседы.

– Наверное, нет, – я рассмеялся. Хотя посмотрим, но я не хочу.

Я сделал большой глоток виски, и, улыбнувшись, посмотрел на Давида. Он расстегивал и застегивал на запястье свои черные часы, похожие на мои, и, также улыбаясь, рассматривал проходящие корабли.

– По-моему, что-то интересное намечается. Или просто посидим, попьем хорошо.

– И первое и второе. И интересное, и выпьем. Да и не только выпьем.

– Я тоже так думаю.

– А что тут думать? Кто-нибудь другой, кто здесь живет, смотря на них, скорее всего думает «Где-то я тебя уже трахал».

Давид рассмеялся,

– Слушай, Олег, а ты подведи все к тому, чтобы они сами рассказали, как у них что творится. Просто интересные вроде девушки, думаю, будет прикольно послушать.

– Ты сам на это мастер, тебя хлебом не корми, дай кого-нибудь проинтервьюить, тьфу ты, – запнулся я, – проинтервьюировать.

– Так, не оборачивайся, идут.

– Окей,

Девушки пошли в направлении их столика, а Ира опять подошла к нам.

– Не замерзли, – спросил Давид?

– Ветер там, на крыше, немного. Но там так красиво, такой вид классный! Ну что, мы поговорили уже. Мы к вам?

– Да, давайте.

Ира направилась к своему столику, что-то сказала девушкам и они, взяв свои сумочки, подошли к нам.

– Это Олег, это Оля и Катя, а Иру ты уже знаешь, – сказал Давид.

Катя, смазливая загорелая брюнетка, с которой я переглядывался, села слева от меня, а Оля по правую руку, возле окна. Ира уселась напротив блондинки, и, протискиваясь возле Давида, немного не удержалась, и ухватилась за его плечо.

В этот момент подошла официантка.

– Девушка, будьте добры, перенесите сюда напитки с того столика, – попросила Катя.

– И можно еще меню, – добавила Ира.

– Чем же вы тут занимаетесь, молодые люди? – спросила Оля.

– Давно не виделись с другом, уже месяцев пять, наверное.

– Да, где-то четыре-пять, – добавил Давид.

– И такое ощущение, что совершенно новый человек передо мной. Естественно, есть много прежнего, но то, каким я его сейчас вижу, это нечто. Другие события, другие места – сильно меняют людей, – продолжил я.

– Какой он сейчас, мы, я думаю, узнаем, – сказала Ира, – а каким Давид раньше был? – она посмотрела на него.

– Раньше, раньше он был более дерзким, старался все узнать и постигнуть, все опробовать...

– О, да, вы не представляете, что я в своей жизни делал, – вклинился Давид.

– А сейчас, – я продолжил, – сейчас, это мужчина достиг в своей жизни определенной черты, такого чекпойнта, когда можно остановиться, посмотреть на окружающих, понять, где ты на данный момент, насладиться этим, и идти дальше. Наверное, он стал мудрее и более снисходительным. Хотя порой очень умело это прячет за своей какой-то непосредственностью.

Давид благодарно кивнул головой, – это мнение человека, к чьим словам я прислушиваюсь.

– За это можно выпить, – сказала Катя.

Девушки пили красное вино. Оказалось, что две брюнетки, Ира и Катя, работают вместе в банке, отделение которого находится в соседнем здании. Катя занимается вопросами лизинга для крупных предприятий, а Ира – менеджер по работе с vip клиентами. И, что еще более интересно, они соседки по подъезду. Этот факт вызвал одобрение со стороны Давида. Третья девушка, Оля, ей было двадцать шесть, моя ровесница, приехала на два месяца из Стокгольма, куда она уехала учиться и после этого начала работать в компании, производящей косметику. В Клайпеде ее компания открывала представительство, и Оля приехала присмотреть за работой отделения на начальном этапе. Работы, по ее словам, было не так много, и у нее было достаточно свободного времени.

Давид в свою очередь рассказал о себе, о том, как он, получил предложение из Arrow Electronics заняться развитием главного Северо-Американского рынка, после того как он успешно зарекомендовал себя в Arrow Northern Europe. Рассказал про свое детство, (я дополнил этот рассказ интересными деталями) и как мы вместе воровали яблоки и груши из садика в парке скульптур Мажвидаса, и о том, как зимой играли в хоккей.

– Видите это шрам, – Давид приподнял прядь черных волос, которые немного закрывали его лоб. Он указал на маленькую светлую линию на правой стороне лба, почти рядом с виском, – мне было лет восемь или девять, когда мы во дворе играли в хоккей, и Олег бил по шайбе, – он сопровождал свои слова движениями, как будто мы и сейчас играли, – и попал клюшкой мне в голову.

– Да, мне потом досталось от его мамы. Она меня отчитала по полной программе и запретила Давиду со мной играть.

– Она вообще мне сказала, чтоб я больше в хоккей не играл. Это тогда она меня записала в музыкальную школу.

– Ты играешь? На чем? – оживилась Оля.

– Я на фортепиано и фаготе. Играл. Сейчас только на синтезаторе иногда что-то сыграть могу. Насчет этого лучше к Олегу.

– И ты тоже? – Оля посмотрела на подруг, – откуда такие интересные мужчины берутся?

– Если честно, то играл я раньше, если это можно было так назвать. Помню, третье место в городе занял однажды. А сейчас, все что помню, это полонез Огинского и какое-то либретто.

Разговор плавно перешел к историям из детства, и в какой-то момент я почувствовал себя старым. Еще и тридцать не скоро, а уже говорим так, как будто даже студенческие годы где-то очень далеко. С одной стороны, желание увидеть взрослую жизнь было тогда настолько сильно, что сейчас, если не вдаваться в детали и не пытаться специально вспомнить какие-то интересные моменты из прошлого – то того самого счастливого отрочества как бы и не было.

Мы заказали еще еды и выпить. Девушки взяли салаты, а мы с Давидом по стейку. Он взял из страуса, а я стейк из говядины.

После наших общих разговоров Ирина все чаще говорила только с Давидом, а мне пришлось общаться с двумя другими девушками. Иногда он смотрел на меня, и я встречал в их разговор, заодно подключал и девушек, сидящих рядом со мной.

– А вы знаете, обратилась Ира к девушкам, – что Давид тоже изучал психологию, как и я.

– И ты тоже, – я одобрил, – умница.

– И он сейчас консультирует мужчин и женщин по семейным вопросам, – восхищенно завершила она.

– Well, в смысле, ну, это не совсем семейные вопросы. Скорее сам процесс общения между мужчинами и женщинами, как это происходит, как люди начинают друг другу нравится, и что случается потом.

Давид занимался тем же самым, чем и я, работал с клиентами, желающими соблазнить красивую девушку. Если я этим занимался в Европе и в России, то он обучал за Атлантикой, в Нью-Йорке. Отличительной его чертой было то, что он не слишком сильно вдавался в самую суть отношений с женщинами. Он просто выдавал обращающимся мужчинам некоторые прописные истины (которые находил в интернете, или же слышал при общении со своими коллегами), высказанные другими словами. К этому прибавлялись некоторые интересные фразы, используемые в общении. В результате и деньги за работу были неплохие, и клиенты довольны.

– Так ты эксперт в этом, – Ольга поставила бокал с вином в сторону и вытерла уголки губ салфеткой, – посоветуй нам, где найти хорошего мужчину.

– Это становится интересно, ну-ка, просвети нас, – я довольно уставился на своего друга.

– Без проблем. Вначале скажите, какой именно мужчина считается хорошим для вас.

– Давайте я скажу, – начала Оля, – одинокий, без детей, интересный, забавный, мужественный, хорошо выглядящий.

– Выше ста восьмидесяти, – вставила Ира.

– Да, высокий, с хорошей фигурой, со стабильными финансами, и чтобы добрый и отзывчивый был.

В этот момент Давид сделал глоток воды и немного кивнул мне, показывая на Олю и давая мне понять, чтобы я брал инициативу в свои руки.

– Оля, – перебил я девушку, – ты сейчас обозначила абсолютно правильные для каждой девушки критерии, но давай более конкретно. Вот если бы ты могла выбирать себе мужчину, вернее не так. Если бы был мужчина, с которым тебе было бы хорошо, к которому у тебя были бы самые искренние чувства, возможно любовь. Если бы это был человек, с которым ты бы хотела быть вместе и родить от него детей – каким бы он должен был быть? Почему ты была бы счастлива с ним? Девушки, – я обратился ко всем девушкам, – ведь у каждой из женщин есть какой-то образ того мужчины, которого они хотели бы видеть рядом с собой. Естественно, если уже нет мужчины, которого они искренне любят (девушки в знак согласия сказали что-то наподобие «да» и кивнули). Вот ваш мужчина, какой? Оля? – я обратился к девушке по правую руку, – а? То есть я хочу сказать, что какие-то общие вещи, они стандартны – гигиена, хорошее тело, добрый, интересный. А еще что?

– Он обязательно должен быть выше ста восьмидесяти, даже ста восьмидесяти пяти, чтобы он был выше меня, когда я на каблуках.

– А у тебя сколько?

– Сто семьдесят семь.

– Очень хорошо, – я улыбнулся и подумал, что у моей Юли, с которой я познакомился на Новый Год, тоже был точно такой рост. – Что еще? Блондин, брюнет, или не важно?

– Брюнет, или темно-коричневые волосы. Но ни в коем случае не испанского или итальянского типа. Никаких мачо.

– Интересно, что дальше?

– Обязательно сексуально привлекательный для других, но чтобы при этом я знала, что он только со мной.

– А как же немного ревности, или это не нужно?

– Я думаю, мы сможем подсластить отношения и по-другому, – она заманчиво улыбнулась.

– Хорошо, дальше. Ум?

– Чтобы был умнее меня. Я не смогу быть с человеком, которого я не буду чувствовать умнее и сильнее меня. Я просто не буду с таким.

– Умничка, что еще?

– Он должен любить детей и хотеть их, и еще он уже должен быть, по крайней мере, за двадцать пять и у него должен быть богатый опыт, во всех смыслах.

– То есть он должен везде побывать и все перепробовать, что только возможно?

– Нет, не так. Он должен себя понимать. Чтобы не было такого, что через какое-то время, когда мы бы хотели серьезных отношений, он не сказал, что еще точно не знает, чего он хочет.

– Да, такое бывает, особенно с молодыми, – прервала девушку Ира.

– Ага. И не только с молодыми, у меня тот, помнишь, Паша был, – сказала Катя.

– Паша? Who is Паша, – усмехнулся Давид.

– Да был один. Мужу тридцать два года, и он решил, что все эти отношения, которые у нас были – это слишком рано, и он еще многое не попробовал.

– Да, мудаков хватает, – я многозначительно заметил, – то есть, вставляем обязательно то, чтобы знал, чего он именно хочет, и из-за своих бзиков не соскочил. Еще что?

– Так, – Оля задумалась, – что бы я была самой любимой, вернее единственной, потому что если «самая», то значит, что еще кто-то есть. Чтобы я чувствовала, что я у него одна и чтобы так было на самом деле.

– Но ведь нельзя никогда на сто процентов знать, что тебе не изменяет твой партнер, можно только верить и делать так, чтобы ему не захотелось идти налево. Чтобы какие-то мысли, если уж они когда-то возникают, так и оставались мыслями и не имели продолжения.

– Мне не будут изменять. Я смогу это сделать.

Когда я заканчивал свою предыдущую фразу, я посмотрел на девушек, и теперь, после ответа Оли, на их лице на доли секунды проскользнули какие-то тревожные эмоции, и они переглянулись. Возможно, они знали что-то о жизни Ольги и об ее не очень удачных прошлых отношениях, или же они подумали о себе. Тем временем Оля продолжала:

– Или же чтобы он был настолько умным, чтобы у меня даже мысли не возникало об этом.

– То есть, ты согласна на то, чтобы твой мужчина тебе изменял, и под ним кончала другая женщина, и он ей точно так же, как и тебе, говорил какая она прекрасная. Получается, от другой он будет получать то, что не получает от тебя. Значит ты не настолько замечательная для него. Ты понимаешь, то ты только что сказала сейчас?

– Нет, он не будет мне изменять. Он не захочет этого, – Оля выглядела совершенно подавленной.

– А почему он не захочет? Не, – улыбнулся я и попытался разрядить ситуацию, – я в этом уверен, что он не будет изменять. Только абсолютный дурак мог бы изменять такой девушке, а ты бы точно не была с таким. Тебе, и вам, девушки, – обратился я к брюнеткам, – на этот счет можно не волноваться.

– Олег, – обратилась ко мне Ира, – а почему сейчас мужчины девушек бросают через некоторое время, по твоему мнению.

Давид уже некоторое время был вне дискуссии, и я хотел, чтобы он присоединился:

– Ир, у меня свои мысли на этот счет, давай Давид скажет, что он думает по этому поводу.

– Не, – парировал он, – я потом, мне сейчас интересно, что ты расскажешь.

– Окей, если вкратце, то сейчас все немного поменялось по сравнению с тем, как люди общались раньше. Если раньше более ценилась какая-то внутренняя составляющая – любовь, доверие, какие-то искренние позывы при выборе человека, то сейчас, в основном, все по-другому. Если даже посмотреть на то, какие сейчас критерии начала отношений, да и вообще знакомства. Это внешний вид, материальный достаток, известность и перспектива. Причем перспектива не просто в формате хорошей семьи, а финансовая стабильность. А то, чтобы человек хороший был, это как бы по умолчанию должно быть. Все об этом знают, но почти никто не придает этому значения. А по девушкам, сейчас же большинство девушек себя подают как товар. Вообще интересно. Вот смотрите – какой является успешная и счастливая женщина? В современном понимании это красивая, сексуальная женщина, которая работает не слишком много, зарабатывает более чем достаточно и большую часть времени проводит в ресторанах, на тусовках или в магазинах. Что мы имеем – прекрасный образец современной женщины. И я не говорю, что это плохо. Даже в данной нашей ситуации – Давид, и указал на него, – вряд ли подошел бы к вам, если бы вы не были прекрасно одеты и настолько сексуальны. Почему – потому что мы, мужчины, так или иначе, оцениваем вначале глазами. Хотим видеть то, что сейчас красиво и притягательно. То есть даже в такой ситуации, пока мы с вами не стали общаться, мы все равно на вас в какой-то мере смотрели как на товар. Но, – я почувствовал, что надо немного смягчить выражения, – вот почему вы действительно думаете, Давид подошел к вам, а?

– Понравилась? – робко предположила Ира.

– Да, ты права, – я ответил ей и продолжил немного тише, вкрадчивым голосом, – но даже, несмотря на то, что вы понравились внешне, таких же красивых как вы, мы бы увидели сотни только за сегодняшний вечер. Дело не в красоте. Дело в том, что Давид подумал, и как я вижу и верю, он не ошибся, что в вас кроме внешней красоты присутствует и внутренняя начинка. А именно – интересное общение, те внутренние качества, которые вы можете показать, а мы принять, шарм, обаяние, чувство собственного достоинства и значимости, которое основано не на пустом месте. И что еще важно – мы себя считаем хорошими и интересными людьми, но такими мы не показываем себя каждому встречному, потому что это просто не нужно. И в вас Давид увидел тех девушек, которые заслуживают того, чтобы мы им открылись, показали, какие мы есть на самом деле. Это не означает, что мы такие супер мужчины, и вам несказанно повезло. Нет, хотя кто знает, – я улыбнулся, – это означает что вы те, кому мы дали какой-то аванс доверия, и кого захотели узнать лучше. Также как и вы нас. Сейчас.

Я сделал глоток виски и продолжил:

– А, возвращаясь к основному вопросу, почему люди не продолжают дальнейшего общения – потому что тот образ, который был вначале создан и подтвержден в самом начале, он потом не соответствует действительности.

– То есть, – спросила Ира, – вы думали только о том, какие мы хорошие и как бы мы хорошо поговорили и открылись друг другу?

– Нет. Если абсолютно честно, то с того момента, как вы сели за столик, и я вас разглядел, то у меня появились мысли о том, что я хочу заняться сексом с одной из вас. Это если честно. Можете сказать, что у вас в процессе общения не промелькала такая малюсенькая мысль насчет этого, – я посмотрел на девушек, и вернул взгляд на Иру, – а?

Ира растерянно рассмеялась и окинула взглядом девушек. Похоже, она хотела что-то сказать, но ее опередила Катя, которая к тому моменту пила больше всех.

– Если уже так начали, то я, думала о сексе с кем-то из вас. Но это не означает, что он будет. Это просто фантазия, просто мысли. Я женщина, и мне это свойственно.

– Я тоже, когда за столом сидели, еще девчонкам сказала, какие мужчины сидят. Да, конечно, у меня были мысли, – поддержала подругу Ирина. Я подумал что, скорее всего, у них есть опыт совместного лесбийского секса. Девушка гей. Как-то забавно звучит.

– А у меня не было, – сказала Оля.

– Да ладно тебе, – усмехнулись брюнетки.

– Нет, я думала об этом, но это были мысли касательно флирта.

– Правильно, – решил я одобрить слова блондинки, так как где-то в своих мыслях думал, что из всех девушек, она мне нравится больше всех, – мы же зачастую думаем о сексе не в формате только физического наслаждения. Нам важно чтобы мы к нему подошли уже так, чтобы он был уже некой кульминацией, какой-то критической точкой, когда общение перейдет на другой уровень. А вам, девушкам, важно, чтобы этот переход был как можно более естественный. И вы порой готовы даже специально заблуждаться, лишь бы это казалось красивым. Козлы этим и пользуются, – я усмехнулся, – а потом уже и горькое разочарование, и то, что все не так, как вы себе представляли. И что еще хуже, вы сами тогда понимаете, что это не тот человек, с которым вы, девушки, могли бы себя почувствовать самой прекрасной, самой роскошной и счастливой женщиной. И все это потому, что такой мужчина вас просто бы не смог прочувствовать и этого понять, а вы бы, видя это, вы бы ему не открылись. Отсюда и поиск новых людей, и измены, и так далее.

Я допил виски и обернулся назад, пытаясь найти официантку. Ее не было.

– Олег, а откуда ты это все знаешь. Ты же достаточно молодой еще, не профессор с бородой и в очках, – спросила Оля.

Решив, что женского внимания и расспросов мне пока что хватит, я перевел разговор на Давида:

– А мне это все объяснил и разложил по полочкам он, – я кивнул на друга, – он в этом признанный мастер, а я только учусь у него.

– Да ладно, тоже мне, ученик, – Давиду было приятно, что я преподнес его перед девушками.

В это время появились две официантки с тарелками в руках, и мужчина лет пятидесяти, также с тарелкой, в черно-белом фартуке, который держался только на подвязках на талии. Верхняя же его часть не была завязана на шее и свободно свисала. Официантки ловко расставили тарелки перед нами, а в это время мужчина обратился к нам:

– Добрый вечер. Меня зовут Марк, я шеф-повар этого ресторана. Как вам понравились блюда?

Я выпрямился, – Я ел ваш рыбный суп, и он был восхитителен. Я бывал во многих ресторанах в Европе, и могу перечислить по пальцам те, где это блюдо было бы таким вкусным. Спасибо большое.

– Салат тоже был хорош, – поспешил поддержать меня Давид.

– Я обязательно порекомендую это место своим друзьям, – добавил я.

– Это небольшой комплимент от меня лично, – сказал Марк, ставя на стол тарелку, доверху наполненную разными видами сыров и орехов, – и, я надеюсь, вам понравятся и другие блюда. Приятного вечера вам.

– Спасибо, – получилось, что мы всей компанией сказали это практически хором.

– Я более чем уверен, что понравятся, – улыбкой подытожил Давид, – спасибо.

Повар пожелал приятного аппетита еще раз и ушел.

– Так, теперь точно надо оставить большие чаевые, – усмехнулся мой друг.

– Ага, от прошлых клиентов обеды остались, вот нам и вынесли, – я пошутил, и почувствовал, что зря это сделал, так как Катя немного напряглась.

– А вы часто здесь бываете, – спросила она

– Не, первый раз, – я пожал плечами, – а что?

– Просто вышел повар. Показалось, что частые гости тут.

– Нет, – просто вы ему понравились, – вот он и решил подойти, – я улыбнулся девушке в ответ.

– Ну что же, мои милые дамы и господа, – поднял стакан Давид, – предлагаю выпить еще раз за знакомство, за вас, – он посмотрел на каждую девушку, – и за шеф-повара этого ресторана, Марка.

– Да, и за вас, за то, что мы здесь встретились, – добавила Ира и первой пригубила вино.

– В телку лезет Пасифая, желая похоть утолить с бычком! – я сделал большой глоток, а Давид, рассмеявшись, поперхнулся.

– Это о стейке, – пояснил Давид Ире, вытирая внезапно выступившие от смеха слезы.

Наши разговоры мы решили отложить на более позднее время, а пока что действительно наслаждались едой. Уже был пятый или шестой стакан виски, и Давид казался немного навеселе. Девчонки, похоже, тоже. Ира вовсю флиртowała с Давидом и сама кормила его. Кажется, тут все было ясно. Что касается меня, то тут сформировалось интересное противостояние между Олей и Катей. Они, каждая из них, пытались перехватить инициативу. Только Катя это делала более открыто, что немного отталкивало, так как она была более доступна. А блондинка же наоборот, показывала свою некоторую отстраненность. Но то, как она смотрит на меня и отводит взгляд, говорило об ее желании, по крайней мере, заняться сексом сегодня ночью.

Мы закончили ужинать. Последним был Давид, рассказывавший в процессе еды о своей жизни в “Big Apple”, как он порой называл Манхэттен. Он также объяснил, почему у него присутствует некоторый акцент, и что он пытается от него избавляться здесь, на Родине. Но постоянная работа за океаном и постоянное общение на английском языке привело к тому, что иногда он даже думает на английском. Он заранее извинился за возможные английские фразы, которые проявятся в его лексиконе, если он продолжит пить свой JD. К моменту опустошения очередного стакана Давид настолько сильно ощутил дружелюбие и интерес всей нашей компании и настолько сильно увлекся рассказом о Нью-Йорке и как хорошо и весело ему живется, что в итоге пригласил нас всех прилететь к нему на выходные. Это было одно из тех предложений, которые можно делать, прекрасно понимая, что они никогда не осуществляются. Он доел свой стейк из страуса и довольно откинулся на стуле.

Девушки активно обсуждали, чем именно заняться сегодня вечером, и решили, что им стоит поздним вечером пересечься с нами. Эту тему они собирались продолжить чуть позже, как сказала Ира, а пока, они хотели сходить покурить на крышу.

– Вы идете? – она обратилась ко мне с Давидом.

– Я схожу, – ответил он, – свежий воздух будет полезен после такой еды, – он поднялся.

Я отрицательно покачал головой, показывая, что не пойду с ними.

– Идем, – позвала меня Катя.

– Не, не хочу. С вами Давид сходит, будет в вашем расположении. Я подожду вас.

– А я тут тоже посижу, – сказала Оля, – как-то после вина так лень куда-то идти.

– Идите, – обратился я к брюнеткам и Давиду, – а мы здесь посидим. Кстати, могу пиджак дать, на случай, если холодно будет.

Я уже собирался снять его, когда Давид весело сказал, что если будет холодно, они втроем что-то придумают.

Катя холодно посмотрела на Олю, улыбнулась мне и пошла за моим другом, которого взяла под руку Ира.

Я сидел рядом с этой блондинкой и ничего не хотел говорить. Мы оба смотрели через окно на проходящее судно. Это был небольшой буксир, который за собой тащил платформу с древесиной. На фоне всего залива и моря он был лишь небольшим пятном с несколькими яркими точками – фонарями. Этих ярких точек было намного больше. В порту горели прожекторы, а на улицах включили городское освещение. Солнце уже собиралось уходить в море, и этот большой темно-желтый круг через несколько минут должен был соприкоснуться с горизонтом. Небо было светло синего цвета, постепенно светлеющего и принимающего всевозможные оттенки оранжевого ближе к месту захода солнца. И было лишь несколько перистых облаков, которые больше походили на следы от пролетевших самолетов.

Этим всем молча любовалась Оля, а я, большую часть времени смотрел не в окно, а разглядывал ее.

Под тонкой темно-синей кофтой, скорее кофточкой, которая застегивалась на ряд пуговиц посередине, была черная майка. И я поймал себя на том, что при ее рассмотрении, я часто бросаю взгляд на ее грудь второго или третьего размера. У Оли были длинные прямые светлые волосы, которые опускались чуть ниже лопаток, и сидя рядом с ней, я чувствовал, как вкусно они пахнут.

Со стороны могло показаться, что мы просто наблюдаем за закатом, но на самом деле между нами уже давно было что-то особенное. У меня возникало ощущение, что если мы сейчас прикоснемся друг к другу, то между нами проскочит как минимум электрический разряд. Это состояние, когда прекрасно осознаешь, что будет дальше, и немного мучаешь себя, дожидаясь идеального продолжения, давало, по меньшей мере, столько же эмоций и ощущений, как если бы мы уже занимались сексом. Я немного наклонился к Оле, показывая ей внизу на дом, куда я в школьные годы приходил к одному своему другу играть в компьютерные игры. А перед ним площадка, где мы играли иногда в футбол. Показывая и рассказывая это, я правой стороной тела и плечом прикоснулся к ней и почувствовал, как она немного подалась назад, ко мне, и приподняла голову, дотрагиваясь своей щекой до моей головы. Было очень приятно ощущать, что она также тянется ко мне, как и я к ней, и понимает, что все, по сути, происходит именно сейчас. Она глубоко дышала и изредка прерывала меня небольшими вопросами, чтобы я более подробно описывал ситуацию, и уже положила руку мне на ногу, как бы совершенно случайно. Я тихо спросил:

– Оля, вы сейчас переодеваться?

– Да.

– Тебе самой надо себя в порядок приводить?

– Нет, но девчонки мне что-то хотели показать, мне с ними надо поехать, – она еще сильнее прижалась ко мне, а я взял ее руку, которую она тотчас же сжала, скрестив свои пальцы с моими, – мы потом увидимся.

Одновременно с этой фразой раздался возглас Иры:

– Господи, там так холодно!

Давид с брюнетками вернулись с крыши, и от них довольно сильно несло запахом сигарет. Я отстранился от девушки и сел прямо, Оля взяла стакан с вином.

– Не замерзла там, наверху? – я заботливо поинтересовался у Кати.

– Нет, там не так уж холодно было. Ирка замерзла.

– Мне ее отогреть пришлось, – Давид повернулся к Ире и рассмотрел ее взглядом специалиста, – вроде должна выжить. Девушки рассмеялись.

Мы договорились созвониться примерно в пол одиннадцатого вечера и решить, где именно встретимся. Мы с Катей обменялись номерами, а с Олей визитками. Давид переслал свои контакты Ире по блютузу. Девушки хотели попросить счет, но мы с другом сказали, чтобы они даже не думали об этом. После того как мы распрощались с девушками (прощаясь с Олей, мне показалось, что вообще было бы неплохо с ней сходить в туалет минут на десять, и тогда можно было бы не встречаться с ней после), Давид сказал:

– Ну, что я могу сказать – просто супер.

– А ты сомневался? – я вопросительно посмотрел на него.

– Нет, просто давно уже нигде не были, приятно было посмотреть, как ты общаешься с девчонками.

– Ты и сам неплох, особенно когда начал про свой Манхэттен рассказывать, – я с усмешкой выделил букву “э”, на манер Давида, – там они вообще твои были

– Кстати, там, на крыше вообще классно было. Оказывается, Ира с Катей часто ночуют друг у друга, и пригласили к себе как-нибудь. Ты как, едем сегодня после клуба?

– Я не знаю. Я думаю, может Олю домой взять, если лень не будет. Определимся уже на месте.

Мы решили поехать сейчас ко мне, где я хотел переодеться и принять душ, а заодно Давид проверил бы почту (ему должны были прислать какие-то документы на проверку). Он настоял на том, чтобы он оплатил счет, ссылаясь на то, что я раньше очень часто это делал. Оставив большие чаевые официантке и еще раз попросив передать «спасибо» повару, мы пошли к лифту. Перед этим я пообещал ей, что вернусь сюда очень скоро.

* * *

С девушками мы увиделись около половины первого, в ресторане над клубом. Они уже ждали нас. Брюнетки были одеты в черные платья, и от бывшего образа офисных работников не осталось и следа, а Оля (оказывается, она тоже съездила домой переодеться) была в темно-красном платье на бретельках, заканчившимся на середине бедер. Мы подошли к ним.

– Девушки, добрый вечер, вы шикарно выглядите, хотя другое бы я и не мог предположить, – все еще не садясь за стол, я продолжил, более располагаяще, – идем, может вниз уже, пока еще народа не слишком много там.

Катя посмотрела на подруг и сказала, – можно, только мы не допили еще, она приподняла фужер.

– Девушки, там возьмем. Пора развлекаться, – весело вставил Давид.

– Хорошо, сейчас расплатимся, и можно идти.

– Это долго, – Давид подозвал проходящую мимо официантку и сказал ей, – мы вниз, в клуб, счет туда за столик принеси. По левую сторону, у стены. Увидишь.

– Вы уже внизу были? – спросила Оля.

– Нет, позвонили, столик взяли. Идем? – я улыбнулся девушкам.

В клубе уже было довольно тесно. Несколько сотен квадратных метров были полностью забиты теми, кто ждал конца недели. Администратор проводила нас за стол, и мы сели на диван.

Через часа полтора, чередуя шампанское с текилой, брюнетки были уже навеселе. Давид заботливо заказывал им убойные коктейли, и сам что-то мудрил, смешивая жидкости в стаканах и приукрашивая их дольками фруктов, которые брал с тарелки.

С того момента, как мы уселись рядом в клубе, у нас продолжилось то же самое общение, которое было на 21 этаже, когда садилось солнце. После нескольких глотков шампанского (она) и виски (в моем стакане), мы начали целоваться. Катя уже не проявляла никакой ревности, и, судя по всему, договорилась с Ирой, что сегодня поделят Давида между собой. Они уже чуть ли не занимались сексом прямо за столом. Мне показалось, что если бы наш столик стоял в более укромном месте, то член Давида давно был бы в губах одной из брюнеток. А может и двух сразу. Забавно, что когда мы с Олей целовались, то он весело кричал “Get a goom!”, хотя об этом скорее нужно было позаботиться ему.

Я танцевал с блондинкой, которая, похоже, расслаблялась за всё время, проведенное в Швеции. Мы были недалеко от колонок, поэтому всё общение сводилось только к взглядам и жестам. Она терлась о низ моего живота, облизывала меня, и, в один момент, горячо поцеловала и прокричала в ухо:

– Идем на улицу!

– Что? – я вначале не расслышал.

– На улицу идем, – она улыбнулась и кивнула в сторону выхода.

Сейчас я точно не хотел с ней секса. Вернее, я хотел, но тогда бы мне пришлось заканчивать вечеринку, так как оставаться с ней после своего семяизвержения я бы не хотел. Естественно, мне было бы очень классно, но она была бы уже, как бы правильно сказать, опробованной? Я бы и дальше тусовался с ней в клубе, но я бы уже не хотел везти ее домой. Я бы нашел новую девушку, или присоединился бы к брюнеткам и Давиду. А как правильно избавиться от Оли – я бы точно придумал.

– Не, не сейчас, мне с Давидом надо поговорить, – я прокричал ей в ухо.
Она удивленно пожала плечами, и было видно по ее губам, что она сказала «как хочешь».

– Оль, – я наклонился к ней, – возьми девчонок потанцевать, а я с Давидом на несколько слов. Он вроде напился уже.
Девушки пошли танцевать, а я уселся рядом с другом.

– Ну, как?
– Great! Just great! – он опять перешел на английский, и мне захотелось пнуть его по ноге.
– Э, давай нормально, – я усмехнулся,
– Класс! Я уже с ними договорился поехать ко мне домой потом. Присоединяйся к нам с Олей, у меня кровать огромная. Такое устроим.

– Не, я не хочу. Она уже звала на улицу, и, наверное, мы бы отсюда смотались, если бы пошли. Потом с ней домой поеду.

– Давай ко мне. Обещаю ее не трахать, – он рассмеялся.

– Не, серьезно. Завтра можем с этими брюнетками еще раз, отдельно. Как раз расскажешь, кто из них что умеет. – Мы рассмеялись. – Я сегодня с Олей одной хочу. Ты же знаешь, как я люблю, чтоб всё красиво было. Чтоб потом вспомнить было что. А эти простые трахи и групповухи, это так, на пьяную голову.

– Ну, так давай напиваемся, чтоб у всех пьяная голова была, – он взял стакан в руки и сделал глоток.

– Не, – я усмехнулся, – я плохо пьянею.

– Да, заметил. А почему?
– Не знаю, – я пожал плечами, – может из-за таблеток. Организм привык уже к разной херне.

– Так на тебя теперь только продукты переводить, – Давид рассмеялся, – зачем пьешь тогда?
– Не поверишь, нравится сам вкус, – я взял стакан и повертел его в руках, разглядывая тающий лед. – Конечно, если много пить – то еще как вставит. А так, что мы пьем – вообще, как будто ничего не было, просто настроение хорошее.

– Слушай, а что ты такой загруженный днем был? – я посмотрел на него, и потом на девушек. – Что-то не так?
– Когда?
– Ну, днем, когда ты о Нью-Йорке рассказывал.
– А, не, всё нормально.
– Уверен? – я скользнул по нему взглядом, а потом опять вернул взгляд на девушек. Оля мне определенно нравилась.

– Ну, как сказать. Просто какие-то люди странные вокруг. Не такие как я, как ты, как еще кто.

– Это как?
– Просто все в своих каких-то проблемках, как на хлеб заработать, как машину получше. А повыше не смотрят.

– А как же иначе? В первую очередь о земном думать надо, что есть и где жить, потом уже о высоком. А то получим кучу высокоморальных бомжей.

– Да, само собой, только надо по-другому.

– О, – я усмехнулся, – welcome to the club. – Заливисто захохотав, я повернулся к Давиду, взяв мобильный и поднеся его к лицу, на манер интервью сказал: – Уважаемый Давид Батькович, журнал «Гении современности». Расскажите нам, пожалуйста, о вашем видении ситуации, сложившейся в социуме на сегодняшний день. И, конкретно, о вашей роли в формировании всего, – я запнулся, придумывая конец фразы, – всего это, – я обвел рукой клуб, показывая на всех присутствующих.

– Одна из проблем, даже, скорее не проблем, – Давид, громко выдохнув, сел прямо, резко поставил стакан на стол, и по инерции выплеснул виски, – недостатков моей жизни, это то, что я не могу найти таких двинутых людей, как и я сам. – Он довольно улыбнулся и указал на себя

пальцем. – Чтобы они были в хорошем смысле сумасшедшими. Талантливыми, умными, умнее всех, чтобы могли делать всё на свете и еще больше. И чтобы они могли всё бросить, и отдаться одному делу, одной верной идее. Хорошей, просчитанной идее, – он прищурился, как будто знал вселенскую тайну. – Сделать что-то потрясающее, и обязательно запретное, или, по крайней мере, на грани закона чтобы было. Чтобы был риск. Это ж благородно. Рисковать же благородно.

– И что за идея? – мне было интересно, что он сейчас придумает.

– А какие идеи бывают? – он усмехнулся, – деньги, власть и что-то интересное. Сделать что-то невозможное, получить власть над чем-то. Обмануть систему.

– Какую еще систему?

– А неважно. – Закон, безопасность, что-то новое, из банка деньги перевести, фондовый рынок вздернуть – какая разница.

– А ты что хочешь сделать? – мне всё это казалось простыми пьяными разговорами с его стороны. Еще у меня дома, пока я принимал душ, он открыл бутылку Baileys и выпил больше половины. Было бы всё нормально, но с учетом всего алкоголя, который он сегодня в себя принял, и продолжал принимать – Давид был изрядно пьян. Хорошо, что это проявлялось лишь в его повышенной болтливости.

– Не скажу, – он коротко ответил. – Потому, что не знаю еще. Но что-то хочу. А иначе скучно. А они не хотят, – Давид рукой указал на людей впереди. В основном это были девушки, которые разменяли третий десяток, и мужчины, примерно наши ровесники, которые танцевали на танцполе или же стояли у барной стойки.. Были люди и постарше, но в основном, они спокойно сидели за столиками, общались в своей компании поглаживали на танцующих перед ними. Движение рукой Давида заметили девушки, и помахали в ответ. Катя с Ирой обнялись и показали, чтобы мы подошли танцевать, но в ответ я лишь поднял большой палец вверх. Не знаю, что бы это могло означать с моей стороны, просто хотелось, чтобы они еще некоторое время нам не мешали.

– Не обращай внимание. Завтра поговорим. – Давид виновато взглянул на меня. – А сейчас, – он поднялся, – у нас пати! Двигай телом мув ё бади! Пошли, – он крикнул в мою сторону, и, не дождавшись ответа, сам пошел к девушкам. Катя и Ира сразу же обнялись с ним, и он начал целовать их обеих. Оля же опять махнула мне рукой, и в ответ на мое «нет», сама подошла ко мне.

– Олег, идем!- она схватила меня за руку.

– Не, не хочу. Лучше садись сюда.

Она села ко мне, обняла и сладко поцеловала меня. Я положил руку на внутреннюю сторону ее бедра и, немного отодвинувшись от нее, начал продвигать пальцы выше. В это же время я смотрел в ее глаза. Она оглянулась, по сторонам, убеждаясь, что никто со стороны не может увидеть, где сейчас моя рука. Ее глаза заблестели, и она немного развела ноги, чтобы моей руке было легче скользить по коже. Пальцам становилось все жарче. В тот момент, когда я дотронулся до трусиков, она вздрогнула, а я дальше протянул руку, и сел ближе. Она прижалась ко мне, и казалось, что она хочет, чтобы я отодвинул ее стринги в сторону, чтобы она смогла насадить свое тело на мои пальцы. Она горячо дышала в мое ухо. Я прикрыл глаза, пытаюсь прочувствовать, как ей сейчас будет хорошо. Прижавшись вплотную к ней и ощутив, как напряжено ее тело, я решил сам убедиться, что никто на нас не смотрит. Но, посмотрев через ее плечо, я увидел высокого парня в черной обтягивающей рубашке с короткими рукавами, скрестившего руки на груди, который стоял в паре метров и, с улыбкой до ушей, наблюдал за нами.

Я рассмеялся и медленно убрал руку. Оля открыла глаза.

– Оля, я на секунду отойду, друга увидел, – я кивнул в сторону парня. Она посмотрела в его сторону, и он помахал нам рукой.

Я подошел, и мы, рассмеявшись, обнялись.

– Вадька, здорово! Ты где пропадаешь!?

– Здорово, да везде. Как сам?

– Живой еще. Ты с кем тут, с Веркой?
– Не, пятница для тёлок – суббота для жены, – он кивнул в сторону двух девушек, стоящих у барной стойки и смотрящих в нашу сторону.

– Это почему? – я, не поняв, усмехнулся.

– А потому что в воскресенье утром уже с мелким гулять надо, – он рассмеялся.

– Ясно. Как сам вообще, как Вера? Она тебя отпускает?

– Я ей говорю, что по работе или с партнерами надо, – он рассмеялся, – А так всё хорошо. Недавно из Испании вернулись, отдохали там. Мелкий у ее мамы был. А что за девчонка у тебя?

– Сегодня познакомился. Хорошая девушка.

– Я вижу, – Вадим наклонился влево, чтобы еще раз посмотреть на Олю и его качнуло. Если бы я его не поддержал, то, он, скорее всего, приземлился бы на рядом стоящий столик.

Вадима я знал лет пять. Мы познакомились на теннисных кортах, куда он периодически приезжал поиграть. Играл он очень хорошо, по крайней мере, лучше меня. Я ни разу не смог выиграть у него полной партии. Там же я познакомился и с Верой, с которой он был обручен, и которая через несколько месяцев вышла за него замуж. Они отыграли шикарную свадьбу, и, если был бы европейский конкурс на самую красивую пару – они точно были бы в первой десятке. Вера была натуральной блондинкой (цвет волос), которая приковывала взгляды всех мужчин вокруг. Я искренне недоумевал, почему Вадим проводит время с какими-то новыми девушками, когда у него такая красавица жена. Вера не только была красивой женщиной и матерью его сына, она также помогала Вадиму в его бизнесе. Некоторые интересные схемы и предложения по инновациям в фирме – изначально рождались в ее голове.

– Вадь, ты как, нормально? – Я все еще придерживал его руками.

– Да, всё офигенно! Пойдем к нам, выпьем!

Я только сейчас заметил, насколько он пьян. Рабочая неделя, и девушки – понизили его предел сопротивляемости алкоголю.

Вадька, а может ты домой? – я неуверенно спросил.

Он посмотрел на меня, потом взглянул на девушек, поморщился, и как-то обреченно сказал: – А можно и домой.

Самое лучшее, что он мог сейчас сделать, как мне казалось, это поехать спать. Иначе через час его пьяное тело из клуба уже бы выкидывали охранники.

– Пошли, я тебя в такси посажу. Иди с девочками попрощайся.

– Не, – он посмотрел на меня, – не пойду к ним. А давай со мной поехали. Я скажу, что с тобой был.

Это не входило в мои планы, так как если куда-то я бы и поехал, то только домой с Олей.

– Не, я с девушкой, не поеду никуда. Давай сам.

– Олег, слушай, бери и ее. Я знаю, что Верка не спит сейчас, и если я такой заявлюсь пьяный, то мне плохо потом будет. Ты же не хочешь, чтобы мне плохо было? – он улыбнулся, – а так я скажу, что тебя с девушкой встретил, что посидели в ресторане немного после работы.

Я молчал. Отправлять его домой одного, зная, что там Вера, которая, скорее всего, не спит и ждет мужа, я не хотел. Я посмотрел на Олю. В принципе, можно было довести его до дома, не отпуская такси, зайти на минуту, и потом уже поехать с Олей к себе. Давид и так прекрасно проводил время с девчонками, и, похоже, всё у них было замечательно. А Вадим оказался прекрасной причиной, почему я могу уехать из клуба прямо сейчас.

– Ладно. Подожди минут пять. Сейчас поедем.

Я объяснил Оле ситуацию, и сказал, что нам на несколько минут надо будет зайти в дом к Вадиму, а потом мы уже поедем ко мне. После того, как мы посидели на диване, она точно не была против уехать отсюда, даже, если для этого нужно было бы подыграть нам в мини представлении перед женой Вадима. Я поцеловал ее и поблагодарил. Подозвав Давида и девушек за столик, я сказал, что мы уже поедем, что мой друг напился, и нужно сопроводить его домой к жене, и что мы сюда уже не приедем. Брюнетки были не против остаться одни с Давидом, и это было взаимно. Еще он на ухо сказал мне, что если я захочу присоединиться, мне

нужно лишь позвонить. Отказавшись от его предложения и пожав ему руку, я помог Оле выйти из-за стола, и мы направились к выходу.

Уже через пятнадцать минут мы втроем вышли из такси возле дома. Я дал таксисту денег и сказал, чтобы подождал нас минут семь-восемь. Вадим жил недалеко от центра в двухэтажном доме, который он купил в прошлом году. До этого его квартира была прямо рядом с моей. Перед домом были ухоженные клумбы с цветами, а периметр участка был засажен кустарником, который был аккуратно подстрижен. За домом была небольшая баскетбольная площадка и лужайка, на которой летом он устраивал барбекю. В окнах первого этажа было темно, а на втором, в окне справа, горел тусклый голубой свет. Или лампа, или телевизор были включены.

– Так, всё запомнил? Был с партнерами в ресторане, встретил меня с Олей. Потом мы сидели и болтали. Никакого клуба не было. Эй, меня слушай, – я дал Вадиму легкую, но звонкую пощечину, чтобы он полностью пришел в себя. Уже по дороге домой алкоголь, судя по его поведению, выветрился, и Вадим, похоже, был не пьяный, а просто уставший.

– Да знаю я, – он огрызнулся.

– Смотри мне. Чтоб больше меня в такое не впутывал. Олю благодари, что поехали, – я взял ее за руку и обратился к ней, уже улыбаясь, спокойным голосом, – веди себя, как будто ты моя девушка, которая от меня без ума. Мы светская пара, и провожаем нашего благоверного друга домой, к жене.

Она улыбнулась, и мы направились к дому. Как только мы подошли к крыльцу, автоматически включилось наружное освещение. Вадим что-то зло пробормотал себе под нос и открыл замок.

Вадим вошел в дом первым, потом я пропустил вперед Олю и, зайдя, закрыл дверь.

– Мы на кухню, – тихо сказал я Вадиму, и мы с девушкой повернули направо.

Последний раз я был здесь в марте, и за эти, почти что три месяца, ничего не изменилось. По крайней мере, то, что было освещено в прихожей и на кухне. Я подошел к холодильнику, который стоял слева от входа, и достал из него бутылку с водой. Вадим любил холодную воду. Наверное, и по утрам тоже. Оля обошла большой прямоугольный стол серо-металлического цвета, посередине, и подошла к открытой двери во двор. Выглянула наружу, и, услышав, что Вадим заходит на кухню, обернулась.

– Вера спит? – я спросил его.

– Не знаю, – он прислушался, – наверное, нет. Она всегда ждет, пока я приду.

Вот дурак, пронеслось у меня в голове. Его жена дома, с двухлетним сыном, а он, зная, что она без него не ложится спать, веселится в городе.

Послышались какие-то звуки наверху, похожие на шаги. Скорее всего, спускалась его жена. Вадим глубоко вздохнул.

– Оля, всё помнишь, – я подозвал девушку к себе и приобнял ее, а она положила руку мне на плечо. Мы, наверное, были похожи на уставших влюбленных, которые только и мечтают, чтобы поехать домой.

Уже четко слышались шаги по лестнице, ведущей со второго этажа. Вадим стоял позади стола возле раковины, и крутил в руках зубочистку, нервно поглядывая на вход в кухню. Я посмотрел на него, и кивнул в сторону входа на кухню. Потом поцеловал Олю, прошептав ей на ухо «сейчас поедим домой уже». У нее вкусно пахли волосы. Всё-таки хорошо, когда в клубах не курят. Одежда и волосы не пахнут дымом и сигаретами.

Появилась Вера, в джинсах и желтой майке. Похоже, она еще не ложилась спать. Не заметив нас, она направлялась к Вадиму.

– Привет, – он сделал шаг к ней, и резко остановился. В руке у нее был пистолет, который она направила на своего мужа.

– Вера, ты что делаешь? – он сделал шаг назад и осел на раковину.

– Я знаю всё, – она сказала ровным голосом.

– Вера, успокойся, опусти пистолет, – я сказал ей. Оля спряталась за меня, прижавшись к моей спине.

Вера заметила нас и сделала шаг в сторону, направляя прицел на нас. – Олег?

– Да, привет, мы приехали Вадима проводить домой. К тебе.

Она кивнула на Олю и обратилась к мужу. – Это тоже еще одна твоя шлюха? – Тот стоял, не зная, что ответить

– Вера, – я протянул руку вперед, – успокойся. Это Оля, моя девушка. Я хотел вас познакомить.

– Это его девушка. Мы сидели, ужинали, – он запинаясь, – и они меня проводили.

– Вера, опусти пистолет, – спокойно сказал ей.

– Не двигайся.

Я развел руки в стороны, и Вера перевела пистолет на Вадима.

– Я прочитала письма. Ты оставил компьютер включенным.

– Какие письма? – Вадим испуганно посмотрел на нее.

– От Милы. С которой ты сегодня обедал, когда сказал мне, что на совещании. Я видела все фотографии ее, всю переписку вашу. – Вадим, молчал и смотрел то на Веру, то на пистолет.

– Та, с которой ты был, когда тебе звонила, а ты сбросил, помнишь? Ты помнишь?! – Она крикнула ему.

– Вера, ты ошиблась, наверное, – я попытался возразить.

– Молчи, не лезь, Олег! – она крикнула мне, всё еще смотря на мужа. – Я ему звонила, а он мне написал, что на совещании в офисе. – Она сделала шаг вправо. – Это такое у тебя совещание? Я утром поехала к работе, смотрела за тобой. И как ты с ней ехал, и как потом целовал ее, – у Веры потекли слезы, и она, всхлипывая, вытерла их ладонью, и опять взяла пистолет двумя руками.

– Верочка, я тебя люблю. – Вадим произнес отчетливо.

– Ты, ты утром уходишь и целуешь меня, говоришь, что занят на работе, а сам с этими шлюхами спишь, – слезы капали у нее с подбородка, и она быстро смахнула их рукой, – а потом приходишь и говоришь, что меня любишь?!

У нее дрожали руки, и мне казалось, что сейчас она выстрелит.

– Верочка, я действительно тебя люблю, и только тебя.

– Вера, – я сделал шаг в ее сторону, протянув руку вперед.

– Стой, – она направила пистолет на меня, и я замер, а потом опять на мужа.

– Вера, – я повторил, – послушай меня, пожалуйста, просто послушай. Хорошо? Мы сейчас сидели в ресторане с Олей и встретили Вадима. Я его давно не видел. Мы сидели втроем. Я с Олей, и Вадим. Мы разговаривали, так как давно не виделись. Он рассказывал о тебе, о том, как он тебя с Димкой любит, как в воскресенье хочет съездить с вами в Палангу, погулять в парке. Мы вспоминали вашу свадьбу. Вера, он очень тебя любит.

– Олег, я от своих подруг уже столько слышала, и всё не верила, думала, что завидуют. Какая же я дура была! – она вытянула пистолет и выпрямилась, – всё, ты меня не будешь больше обманывать. Я уже много натерпелась! – она сделала шаг к Вадиму, который еще сильнее подался назад и ударился головой о шкаф, висевший над раковиной. В нем зазвенела посуда.

– Вера! – я громко, но спокойно сказал, – посмотри на меня! Повернись ко мне! – она повернулась в мою сторону, и я встал так, чтобы Оля была прямо за мной. – Вера, – я повторил, обращаясь к ней, – ты его любишь?

– Нет! Уже нет!

– Вера, это тот самый человек, который с тобой был всё это время. Это папа твоего сына. Димка – это ваш ребенок! Опустит пистолет. Димка там наверху. Не дай Бог, что-то случится. Опустит пистолет.

Она молчала, но уже смотрела не мне в глаза, а на мою левую руку.

Вадья тебя любит, и только тебя. Я вас уже сколько знаю. Вы вместе. Он только с тобой. У вас Димка. Верочка, опусти пистолет.

Было видно, что она уже на пределе. У нее дрожали руки, по лицу ручьем лились слезы, она всхлипывала, и это уже все больше переходило в рыдание. Я осторожно сделал шаг вперед

Вера, я сейчас подойду, и возьму пистолет, ничего не делай, – я сделал еще шаг и дотронулся рукой до пистолета, слева от себя, и взял его, она свободно выпустила, даже выронила его. В этот же момент она закрыла лицо руками и буквально свалилась на колени, на пол, рыдая. Я опустился к ней и обнял ее.

– Вера, всё, хорошо, – я гладил ее по волосам, прижимая к себе, – все хорошо. Ты! – я повернулся к Вадиму, – стой там. Не подходи.

Вера рыдала, не переставая ни на секунду. Ее тело содрогалось, и она всё также закрывала ладонями лицо. Я помог ей подняться и пошел в конец кухни. Посадил ее на диван и сам сел рядом. Она уткнулась лицом в угол дивана, и всё также рыдала.

– Оля, налей воды стакан!

Она стояла на месте.

– Воды, – я указал на бутылку, – в стакан.

Дима достал из шкафа, о который ударился, стакан, и, наполнив водой, подал его Оле. Она подбежала к нам.

– Вера, попей, – я постарался убрать ее руки от лица. – Выпей воды. – Она обеими руками взяла стакан, который я все еще придерживал, и сделала два глотка, после которых, поперхнувшись, опять закрыла лицо.

– Вера, я сейчас отойду на минуту, а пока с тобой посидит моя (я сказал это слово более отчетливо) Оля, хорошо? – она молчала.

Посмотрев на Олю, я показал ей, чтобы она села на мое место. Она покачала головой, что не сядет. «Сядь сюда!» я скорее кивком головы, чем словами, указал ей. Встал, и посадил Олю, которая приобняла Веру.

Я пошел к Вадиму и показал ему на дверь во двор. Он вышел, а я проследовал за ним, и дернул за дверь, которая, по инерции, закрылась.

– Олег, – он повернулся ко мне, но не смог продолжить, так как я ударил его правой рукой в лицо. Вадим отошел, перебирая ногами на пару шагов назад, и, не удержавшись, плавно, как в замедленных действиях в кино, упал на спину.

– Сука ты. Это тебе за Веру, – я потер кулак и сел на стол во дворе, всё еще держа в левой руке пистолет.

Вадим выплюнул кровь, поднялся, и, покачиваясь, подошел ко мне и сел рядом.

– Что делать теперь будешь? – я спросил его, смотря вперед.

– Не знаю.

– Она тебя пять минут назад застрелить хотела. Ты понимаешь это? – я посмотрел на него, он сидел абсолютно растерянным, и облизывал разбитую губу. – Теперь, если она тебя простит, ты же ни шагу налево не сделаешь, потому что она тебя уже по-тихому прикончит.

– Да, – он сокрушенно посмотрел в сторону дома. – Всё теперь по-другому будет

– Еще бы, – я усмехнулся, и после немного задумался, – Как ты вообще довел до такого? А если бы она тебе изменяла. Доволен был бы?

Вадим промолчал и сплюнул кровь.

– Ей можно было бы? А тогда почему тебе можно трахаться с другими, а ей нет? Представь, что она кончает под другим. Приятно было бы? А потом говорила бы, как тебя любит.

– Не знаю я, что с ней бы сделал, – он огрызнулся.

– О, голос подал, – я злился на него за Веру, за то, что это всё видела Оля, за то, что меня в это впутал, и, наверное, за похожие ситуации у моих подруг.

– А сам тогда почему с тёлками тусуешься? Эх ты, раньше думать надо было. Сука ты, – я процедил сквозь зубы. – Она твоего сына растит. У тебя такая жена классная! Ты когда женился на ней, чего ты хотел? Я же помню, как мы сидели на кортах болтали. Ты же хотел счастливым быть, детей хотел, чтобы Вера счастлива была? Говорил, что если она будет счастлива – то для тебя это самое главное в жизни будет. А теперь что? Она счастлива? – Вадим молчал. – Не надо было тогда вообще жениться, – я плюнул на землю, – ладно, сам всё знаешь.

– Олег, я всё... такого больше не будет.

– Ты не мне это говори, а перед женой оправдывайся своей. Может, надо было, чтоб она тебя пристрелила. И права была бы! – я посмотрел на пистолет, – Димку только жалко.

– Всё, понял я.

– Как губа? – я посмотрел на Вадьку. Он кивнул. – Так, сейчас вернемся в дом. К Вере не подходи пока. Я сам с ней поговорю. Спать можешь ко мне сегодня поехать, или же, если Вера согласится, дома. Не думаю, что в одной кровати спать будете, – я встал со стола и повернулся к нему, – и подумай, как оправдываться будешь теперь. И еще, – я добавил, – Вере ничего не делаешь, даже не вспоминаешь о том, что сегодня было, понял?

– Да, – он спустился со стола.

– А откуда пистолет у нее?

– Это мой, я покупал, на всякий случай. Она знает, где лежит, – Вадим громко выдохнул.

– Молодец. Чуть не получилось, что на свой случай его купил, – я усмехнулся и посмотрел на Вадима, облизывающего губу и поправляющего рубашку, – ты нормально?

Он кивнул в ответ.

– Ладно, идем.

Я зашел внутрь, следом Вадим. Оля сидела на диване рядом с Верой, которая уже перестала плакать, и лишь изредка всхлипывала. Они обе зло посмотрели на Вадима. Вначале я подошел к Вере поговорить, а потом подошел и ее муж. Она отстранилась от него и он встал немного в стороне. Получилось, что он общался со своей женой через меня с Олей. Вадим поговорил с ней и сказал, что у них все будет хорошо, что ее он даже не вспомнит об этом инциденте, и никогда не предъявит его жене в будущем. Они договорились, что Вадим сегодня будет спать внизу, и даже не поднимется наверх до тех пор, пока Вера не разрешит ему. Он долго просил прощение и заверял, что безумно ее любит, и что они могут обо всем поговорить завтра, на свежую голову, а сейчас ей надо выспаться.

Оля, проводив Веру на второй этаж, спустилась вниз и сказала, что взяла ее телефонный номер. С Вадимом она не попрощалась и вышла на улицу, пройдя мимо него. Я же сказал ему, что на сегодня пистолет заберу с собой, и отдам, как увидимся в следующий раз. Мы с Олей пошли к таксисту, который нас уже заждался и сели внутрь.

Я покрутил в руках пистолет. Он с самого начала был на предохранителе.

В такси Оля начала немного дрожать. Видимо только тогда, когда всё закончилось, она действительно начала бояться. Дома мы вместе пошли в душ, и долго стояли, обнявшись под струей горячей воды, словно пытаюсь смыть с себя всё то, что сегодня было. Мы вытерли друг друга полотенцами и не стали накидывать их на тело, пока шли в спальню. Обычно бывает так, что если предстоит пройти даже пару метров до кровати – люди все равно или надевают белье, или накидывают на себя что-то. Я подошел к холодильнику, выпил таблетку от боли, на всякий случай, и, взяв бутылку воды, пошел в спальню.

Мы с Олей лежали в постели. Она положила руку мне на грудь, и уперлась в нее подбородком.

– А ты знал, что Вадим изменяет Вере? – она спросила меня.

– Да.

– И это нормально? – в голосе прозвучало удивление.

– Он знает, что так нельзя. Всё равно делает. Для него это приемлемо. Ну, вот что я могу сказать ему? Пальцем пригрозить, сказать, что это плохо? – я отодвинул голову и посмотрел на нее, – Оля, давай, не надо.

– А Вера хорошая такая. Теперь он точно не пойдет налево, – в ее словах чувствовалась злость, – а ее мне так жалко.

– Да, классная девушка. Я их еще до свадьбы знал. Так влюблены были, – я улыбнулся.

– А сейчас нет. – Она шмыгнула носом.

– Не, они и сейчас друг друга любят, просто забыли.

– Это как? – она удивилась.

– Бывает так.

– Мы опять замолчали, я продолжал гладить Олю по волосам, думая, что она скоро заснет, но, похоже, недавнее происшествие отбило у нее желание спать. И не было больше желание вспоминать всё то, что было. Она закинула на меня ногу и через некоторое время сказала:

– Слушай, а ты тоже, как и Давид работаешь, ну, по отношениям?

– С чего ты взяла?

– Правильно говорил сегодня, когда впятером сидели. Ну, так что, тоже?

– Да. Есть немного. – Я пропустил ее волосы между пальцев и положил руку ей на плечо.

– Мы с девчонками так и подумали.

Я поцеловал ее.

– А ты вообще в брак, в женитьбу, в любовь веришь?

– Насчет первого не знаю, а в любовь – да, конечно. Я вообще-то циник, но в любовь верю. Романтичный циник, – я усмехнулся.

– А почему так получается? Может и нет ее, любви этой. А мы просто называем вообще другие чувства этим словом. Вроде любишь, всё делаешь для любви, борешься за нее, а потом вот так вот, как сегодня.

– Любовь есть. Только это сложно. Везде говорится о том, что люди должны страдать, бороться за любовь. А она, как мне кажется, должна даваться как дар, а не как награда за что-то.

Я замолчал, но чувствовалось, что какое-то волнение еще витает в воздухе. Оля сделала глубокий вздох, заерзала в постели.

– У меня друг один есть, с которым работал раньше. У него вроде была любовь, только какая-то странная, – я смотрел в потолок, – могу рассказать.

И я рассказал Оле об одном мужчине, с которым мне довелось познакомиться некоторое время назад, и которого я уже никогда не забуду.

В позапрошлом году, в конце августа, я встретился со своей подругой, Леной. Я знал ее года три. Познакомился с ней, когда совершенно случайно пересеклись в магазине. Я сразу ее узнал тогда. Она снималась в сериалах, вела свою передачу на радио и играла в театре. Мы разговорились и обменялись телефонами. С того времени, мы очень часто встречались, обедали в городе или у нее дома вместе с ее сыном Сашей, которому тогда было семь лет. Я был в курсе всей ее личной жизни, а она всегда спрашивала меня, нашел ли я себе постоянную девушку. Я отвечал «Зачем, у меня и так каждый день по новой». Она смеялась и говорила, что когда-нибудь я по-настоящему полюблю и стану счастливым.

И вот, в конце августа, она позвала меня к себе домой, и, посадив у камина, рассказала свою историю.

В начале июня, когда она была на острове Сан Мартин, в предпоследний день ее пребывания там, она познакомилась с американцем по имени Стив. Хороший симпатичный мужчина, ему за сорок, всё вроде бы ничего. Она сказала, что первый раз увидела его на берегу. Это был пляж для nudists, так что она смогла хорошо рассмотреть его, точно так же, как и он увидел ее полностью. Из всей одежды – на нем был лишь берет, немного защищавший его от солнца. Они перекинулись парой слов. А потом несколько часов спустя, он уже входил в нее сзади, когда она опиралась о дерево возле пляжа. Лишь потом она узнала, что он довольно богат, и прилетел на остров со своей семьей – с женой и с двумя дочерьми, которым было около двадцати. На этот остров они прилетали каждый год, в первую неделю июня. Это была давняя семейная традиция. Они заказывали билеты и виллу на берегу за много месяцев до самой поездки. Стив с женой решили, что это будет их последний отдых вместе. Брак, который длился уже два с лишним десятилетия, рушился. Чувств давным-давно не осталось, и Стив всецело посвящал себя работе и детям. Для него самого стало откровением, что он может понравиться такой красавице, как Лена. Ведь она была всего лишь второй женщиной в его жизни. Он никогда, за всю свою жизнь не то что не занимался сексом с другой, он даже не целовал другую женщину, кроме своей жены. Строгое воспитание в семье, где он был

приемным сыном, уважение к браку, и его мораль – не позволяло ему делать хоть какие-то действия по отношению к другим, пока он считал, что его брак еще хоть как-то можно наладить. Он хотел других женщин, думал о них, но дальше его фантазий и того, что он давал волю рукам, когда бывал один, никогда не заходило. И сейчас, когда уже не оставалось причин, почему он должен был бы сохранять свой обреченный на развал брак, он встретил Лену. Не нужно говорить, что в ней он увидел ту женщину, ради которой готов был бы терпеть все мучения и лишения, и готов был на всё, лишь бы снискать ее благосклонность. Она казалась ему совершенством. Впоследствии, он много раз мне рассказывал тот момент, когда увидел ее на пляже – невысокую, хрупкую блондинку с маленькой грудью и заливным смехом, который его делал счастливым. Она не была похожа на его американских знакомых женщин с увеличенной грудью, которых они с друзьями называли «пластмассой». Лена была сама собой, прекрасной, жизнерадостной, со своим твердым мнением и любовью ко всему миру. Она стала для него смыслом его новой жизни.

С первого же дня, как только она улетела с острова – Стив заваливал ее сообщениями, на которые она не слишком часто отвечала, так как ее английский был слишком слаб для этого. В ее просторной двухэтажной квартире каждый второй день стали появляться огромные букеты цветов. А через некоторое время, и новые вазы, которые поставлялись с букетами. А она всего-навсего лишь однажды сказала, что цветы положила в ванну, так как их некуда было ставить. Они договорились провести в Лас-Вегасе неделю, чтобы узнать друг друга лучше. Стив хотел поразить Лену всем тем, что она бы имела, если бы согласилась быть с ним. Лучшие заведения, общение с самыми известными людьми, виллы и машины, и, он обещал устроить ее работать на Бродвей. Если было бы нужно – он бы сам спонсировал ее выступления. А пока что, здесь, всё, о чем только можно было бы мечтать в этом развратном городе – было ее. И естественно, он хотел, чтобы она была с ним из-за него. А материальные вещи – это уже на всякий случай. Лена рассказала мне, что все старания Стива так и не смогли приблизить его к ней. В клубе “Rain” он гордо смотрел на Лену, осознавая, что эта изумительная женщина – его. Хотя бы на некоторое время. Но тут же она оказалась за соседним столиком, где праздновался день рождения какого-то двадцатипятилетнего мальчишки. Через несколько минут она уже целовалась с именинником, а после вернулась к Стиву. “Sin city” – она сказала ему. Лена никогда не целовала его, она даже не брала его за руку. Это могло казаться диким, но Стив помнил все моменты, когда Лена хоть как-то проявляла инициативу. При этом – они довольно часто занимались сексом. До тех пор, пока она не узнала, что он хорошо работает языком. После, она получала свои оргазмы, и отправляла его в ванну, разрядиться при помощи рук. Стиву и это казалось божественным. Ведь его любимая женщина довольна.

Так продолжаться не могло. Стив был хорошим мужчиной, но не «её» мужчиной. Она не хотела его обижать, не хотела причинять ему боль. Она просто не хотела его.

– Олег, ты же знаешь, как это бывает, – она говорила мне, – видишь парня, и понимаешь, что вот он. В нем должно быть что-то. Он должен притягивать чем-то. Я же женщина, а не какая-то дешевка. Ну и что, что у него эти миллионы. Я с голода не пропаду. Но, должна заметить, что если бы он не был богат, то я бы на него второй раз уже не посмотрела. А пока я одна, почему бы и не провести некоторое время вместе.

Она всё это говорила и ему. Иногда специально делая больнее, стараясь найти некий порог, когда он сдастся. Лена хотела, чтобы он хоть раз возразил ей, чтобы показал, что он мужчина, а не тряпка. И чтобы он по-настоящему был мужчиной, а не играл в него. Как можно быть с тем, кто не уважает сам себя?

– Слушай, а может ему нравится, когда я над ним так издеваюсь? Может он мазохист? – Она сидела, поджав ноги в своем кресле, и улыбалась мне, – знаешь, наверное, так и есть. После поездок наших лежит и вспоминает, как все было, и как он страдал, а?

Она сказала Стиву, что у них ничего не получается. Единственное, что она может порекомендовать ему и, что по ее мнению может помочь, это если он поговорит со мной, ее другом. Ей это было бы удобно, так как ее английский не был настолько хорош, чтобы она

могла выразить все свои мысли полностью. Чаще всего это была смесь двух языков и жестов. А если бы я взялся помочь их отношениям, то может быть, что-то и получилось.

– Лена, – я спрашивал ее, – ты сама то хочешь с ним быть? Ты хочешь, чтобы у вас получилось, или нет? Определись.

– Не знаю. Мне с ним хорошо, до тех пор, пока он не начнет свое “I love you”. Вообще не мужчина. Или посмотрит на меня, и видно, что сейчас от счастья заплачет. А я не чувствую этого. Нету. Ну не могу я быть с мужчиной, к которому меня не тянет.

Она дала ему мой мэйл и телефон. Стив написал в тот же день, спросив, что он должен делать и когда мы начнем.

На следующий день, первого сентября, ровно в шесть вечера он позвонил мне. Мы общались в день по часу, иногда больше. Поначалу больше говорил Стив, повествуя о своих отношениях с Леной. О них я уже всё знал, и та версия, которую он мне рассказывал, практически полностью совпадала со словами его возлюбленной. Иногда он плакал. Он говорил о том, насколько она ему нужна и не мог сдержать своих слёз. Он был уверен, что это любовь, и ненавидел это чувство, так как оно им полностью завладело. Со временем он начал меняться. Ему всё так же сложно было контролировать свои чувства, но его поведение, его манера говорить, его общение не только с самой Леной, но и со всеми женщинами – оно изменилось. Через полтора месяца, он уже немного другой – провел с Леной выходные в Милане.

В первую ночь в Италии, вернее, уже ранним утром, он прислал мне мэйл следующего содержания:

“There is order in the universice. Venise ahs aligned rith mars. Forever Amen. Steve 1-29+06
PS: yes.”

Если не обращать внимания на ошибки и странные комбинации цифр (связанные, скорее всего, с излишками алкоголя), то можно было бы понять, что ночь удалась.

После этого, уже во время разговора по телефону, он был без ума от счастья:

– Она меня поцеловала! Она меня поцеловала! Сама!

Секс считался самим собой разумеющимся, но чувства, и поцелуй – это было пределом мечтаний. Если бы Лена хотела, она могла бы за день получить от Стива всё, то только пожелала бы. Он уже сам выспрашивал меня об ее предпочтениях, о том, где бы она хотела иметь дом и какую машину бы она еще хотела. Мы с Леной часто обсуждали эту ситуацию, и она иногда в шутку советовалась со мной, что именно ей следовало бы принять в подарок. И никогда ничего не просила. Она прекрасно зарабатывала и сама, чтобы позволить себе хорошую жизнь.

Тем временем Стив сказал мне, что она попросила его меньше общаться со мной. Лена посчитала, что теперь он и сам сможет справиться со сложившейся ситуацией. Но, как он считал, это было из-за того, что изменив свое поведение, стиль, манеру общаться и то, как он смотрел на других и вёл себя по жизни – Стив начал нравиться другим женщинам. Для меня это был успех. Я считал его своим самым сложным клиентом, и уже в самом начале хотел отказаться от работы с ним. Теперь же я был рад за него.

Мы стали общаться еще больше. Ежедневно посылали друг другу десятки мэйлов, обо мне знала его семья и дочери. Высылали друг другу посылки FedEx`ом (он намного чаще) и общались уже как друзья. Он все также называл меня доктором.

А еще он подал на развод. Мы обсуждали это, и данное решение было неминуемо. И он и Лена понимали всю нелепость ситуации. И начало бракоразводного процесса стало еще одним небольшим кирпичиком в построение их отношений. Когда он подписал бумаги на прошение – он плакал. Ведь он прожил с ней долгие годы, хорошие, или плохие, но она была с ним. И теперь – у него новая жизнь. Позже он развелся.

Мы увиделись с ним лишь в декабре, когда встречались с ним во Франкфурте. После тысяч мэйлов, фотографий и многих суток на телефоне – я перед собой увидел того человека, с

которым я работал. Чуть меньше меня ростом, загорелый и худощавый, с глубоким пронзительным взглядом. Очень добрым взглядом и подкупающей улыбкой. Стив встретил меня в аэропорту, и с первых же минут было ощущение, что мы знаем друг друга вечность. Хотя, так и было. Он был в джинсах, и в дешевом пиджаке, который был надет поверх кофты. Я никогда бы не узнал в этом человеке мультимиллионера, владельца нескольких заводов. Он был похож на рядового американца, путешествующего по Европе.

Вечером, мы гуляли по Франкфурту, и я рассказывал, что ему следует делать дальше. А он говорил о том, как через десять дней она прилетит к нему в Нью-Йорк. Он расспрашивал меня о Лене, какой я ее знал, просил рассказать все детали ее поведения, как она ведет себя на сцене в театре. Его очень интересовало, как она общается со своим сыном, которого он уже любил только потому, что он был ее сыном. Стив жил только ею.

Мы сидели в стейкхаусе “Surf 'n Turf”, и он рассказывал о том, какой он видит свою жизнь в будущем. Он был готов жениться на ней сейчас же, если бы только было можно. Он бы женился на ней в первый же день, как он ее увидел. Только она не хотела. У Лены всё это время был еще один мужчина. Моложе ее, она встречалась с ним уже несколько лет, и отношениям практически пришел конец. Встречи носили регулярный характер, но это был лишь секс и немножко воспоминаний о той любви, которая была раньше. И Стив, и этот парень – они знали друг о друге.

– А что я могу поделывать? – сокрушался Стив, – я же не ее муж. И я не могу ей что-то запрещать, и никогда бы этого не делал. Она всё знает сама. Я ее не виню. Это я такой. – По его каменному лицу бежали слезы, и он вышел в туалет.

Я мог лишь представить, каково это, знать, что твоя любимая женщина с другим. Она прилетает к тебе, вы проводите несколько дней вместе – и она опять улетает домой, где спит с другим мужчиной. Жить с этими мыслями, должно быть, невыносимо. Я часто спрашивал его, как он может это терпеть? Он статный мужчина, обеспеченный на несколько поколений вперед, с хорошей фигурой и уже безупречными манерами, щедрый, добрый и отзывчивый – он бы легко мог найти другую. Скорее всего, видя его страдания, я сам хотел подтолкнуть его к тому, чтобы он нашел себе другую женщину. Лена была просто не для него. Она не любила Стива и даже в своих фантазиях не могла бы представить своих искренних чувств к нему. Он ей нравился, ей было иногда хорошо с ним, такого мужчину полезно держать рядом, но не более. Стив говорил, что она для него – это именно то, что ему нужно. Она Божья благодать, всё самое лучшее и ужасное одновременно.

– Ад существует. Он здесь. Ад – это та нелюбовь, которую мы получаем от любимых. Но у меня и ад, и рай смешались. Я не знаю где я. Я знаю лишь то, что я ее люблю.

Когда я вернулся и передал Лене все те подарки, которые Стив ей купил, она сказала:

– Олег, я не знаю, лететь ли мне в Нью-Йорк. Я беременна. Отец – не Стив.

Она была на третьем месяце. Сказать об этом Стиву сама она бы не смогла, не хватило бы знания английского языка. Просить, чтобы я сказал – это было бы жестоко. Я сел за стол, и под диктовку написал на листе бумаги письмо, в котором она объяснила сложившуюся ситуацию, насколько это было возможно. В Нью-Йорке, в гостинице “W”, как только они поднялись в номер, она дала ему конверт и ушла в другую комнату. Через несколько минут Стив зашел к ней. Лена была готова ко всему – что он выкинет ее с вещами из номера, что он наорет на нее, что он не скажет ни слова, может, что даже захочет ударить. Но она не ожидала, что она обнимет и скажет ей как это здорово, что она будет мамой. Она была ошарашена той искренностью, с которой Стив радовался за нее, и как потом заботился о ней, потакая каждой ее прихоти. Она сказала, что отец ее ребенка точно не будет с ней жить, и что она сама будет растить малыша. Опыт воспитания Саши у нее уже имелся. Когда Лене было двадцать пять лет, она развелась с мужем. У них сохранились хорошие отношения, и так как он жил неподалеку, Саша часто у него бывал. Я сам был знаком с ее бывшим мужем и видел, что у них осталось почти дружеское общение. Стив же был счастлив. Он считал, что может быть Лена захочет родить ребенка здесь, в Америке, и они смогут его вместе воспитывать. Это ужасное для него, с одной стороны, событие, оказалось той надеждой, которая может сблизить его с любимой.

Вернувшись домой, Лена не могла решить, что ей делать дальше, но все разрешилось само. На Рождество она попала в аварию, не удержала свой кабриолет на снежной загородной дороге. Она выехала на встречную полосу и врезалась в ехавшую навстречу машину. Ее Мерседес не подлежал восстановлению, после того, как от удара он вылетел в кювет. По счастливой случайности, никто не пострадал серьезно. Но врачи, проверявшие ее состояние в больнице, констатировали, что зародыш внутри нее мертв. Ее ребенка больше не было. А еще они сказали, что если бы не эта авария, то Лена через некоторое время могла бы погибнуть и сама. Ее неродившийся ребенок был мертв уже недели три назад, и начинал разлагаться внутри и отравлять ее организм. Еще немного и было бы поздно. Она прислала мне смс той ночью из больницы, после операции, после чего рассказала, как всё произошло. Лена попросила позвонить Стиву и всё сказать ему. Это было сложно. Я не люблю передавать плохие известия, тем более такие. Он рыдал, как будто это был его ребенок. А я стоял на улице возле ночного клуба, в одной рубашке и смотрел, как внутри, сквозь окна, видны веселящиеся люди, празднующие Рождество Христово. В тот момент мне хотелось сесть на заснеженный бордюр, отделяющий тротуар от проезжей части, и заплакать вместе со Стивом.

Лена вернулась из больницы и всё, вроде бы, стало, как и раньше. А я со временем стал всё меньше переговариваться со Стивом. Мы изредка созванивались, и всё еще обменивались ежедневными мэйлами, но таких постоянных бесед как раньше, не было. И на это была приятная причина – они сами начали больше общаться, и чаще видеться. Мои услуги больше не были нужны. Чуть позже я еще раз виделся со Стивом в Лондоне. Как раз с ним я был тем вечером, когда познакомился с Wiki.

Они много путешествовали. Лена летала со Стивом по всему миру – в Азию, в Европу, в Америку. Шоппинг в Гонконге и опера в Милане, круизы на Карибах и казино в Монако, премьеры фильмов, красная дорожка в Лос-Анджелесе и пляжи в Рио-де-Жанейро – всё было для нее. Стив хотел, чтобы он стал ей ближе. И теперь, в отличие от Лас-Вегаса, его старания не прошли даром. В трехнедельный отдых во Флориду она взяла своего сына и его лучшего друга, а также свою домохозяйку. Стив был вне себя от счастья. Так, как раньше он выспрашивал меня про Лену, точно также он теперь спрашивал и про ее сына. Он баловал Сашу, словно это был его сын, хотя, может, он так его и ощущал.

Лена позволила ему приблизиться к себе еще ближе, и пригласила его к себе. Впервые за всё время. Тогда он познакомился с ее отцом и всей семьей, а также первый раз был на ее спектакле. А мы, единственный раз встретились вместе и сфотографировались. Странно получилось, столько времени и сил тратишь на человека, и лишь спустя долгие месяцы или годы, видишь плоды своей работы. Мне было приятно их видеть вместе, хотя я и знал, что это конец. Конец их отношениям.

Лена поехала в театр, готовится к представлению, а мы со Стивом сидели у нее дома.

– Это всё, – сказал он, – я ее вижу, скорее всего, последний раз. Я старался. Я делал всё, что только мог. Она меня не любит. Я не смогу быть с ней. Я ей не нужен. Если раньше я еще надеялся, то теперь уже нет никакой надежды. Она моя самая большая сила и слабость. И мне кажется, она сама закончит наши отношения очень скоро. Это не отношения, – он выдохнул и сделал паузу. – А знаешь, у нас с ней было девятнадцать поездок по миру. И каждый раз, когда я с ней прощался, я прощался как в последний раз. Я не был уверен, что мы опять увидимся, что она захочет меня видеть. Она, наверное, и не помнит многие поездки, я ее понимаю. А я помню каждую. Каждый момент. У меня дома сохранены все мелочи, фотографии, открытки, даже фишки из казино и спички, все детали, которые могут только быть. Я живу этими воспоминаниями, и понимаю, что так уже нельзя. Я больше не могу так. Но, если она когда угодно меня позовет, или скажет, что хочет встретиться – я примчусь первым же рейсом. И, что самое интересное, – он улыбнулся, – я счастлив. Потому что она счастлива. Хоть и без меня.

Тогда я последний раз с ним выкурил сигару. Раньше мы часто курили, общаясь по телефону. Бывало, что выкуривали по паре за один раз. И всё то время говорили. Он рассказывал о работе и о Лене, а я о своих девушках и о своей работе. Каждый из нас немного

завидовал другому. Я – его финансам и искренности, он – моей молодости и умением обходиться с девушками.

Я в свои двадцать шесть, был не похож на него. Однажды, он прислал мне письмо, в котором описывал свою жизнь, некая автобиография того, как он жил на момент, когда ему исполнилось двадцать семь:

В письме он рассказывал про многое, что было у него в то время. И беременная жена, с которой он был уже семь лет. И баланс в 0 (ноль) долларов. Продукты оплачивались чеками с insufficient funds. Покушать в городе – непозволительная роскошь. Машина – Dodge Omni, самая дешевая машина на тот момент в США. Многомиллионные контракты для работодателя, и ни цента с них себе. На годовщину свадьбы отключили электричество за неуплату. Примерно 18 дней в месяц он был по работе в командировках. Он не был влюблен и не любил. Жена думала, что у него роман с секретаршей. Работал 12 часов в день, и еще 3 часа на дорогу домой. Он носил практически ту же одежду каждый день, не менял лезвия на бритве по месяцу и использовал для бритья мыло. Книги и газеты были из библиотек. Он был в серьезной аварии, он был виноват. Умер отец его жены, которого он безумно любил, он был его лучшим другом в тот момент. Перед смертью он не отходил от него в больнице в течение 20 дней. А сам он – приемный сын.

А потом в какой-то момент он услышал слова из песни – "And in the end, the love you take, is equal to the love you make", а зимой, как он сказал, Бог дал ему весточку, что есть жизнь после смерти, и что в его жизни на Земле есть смысл. И он стал ждать и смотреть в каждый свой следующий день с надеждой. Он сказал что «мы - это наше прошлое, но мы делаем будущее».

Сейчас, двадцать лет спустя, он был счастлив

На сцене Лена отыграла комедию Мольера просто прекрасно. Они подвезли меня до дома, и я обнялся со Стивом и попрощался с ними. Через час они уезжали в Вильнюс. А через две недели, она отказалась от запланированной поездки в Коста-Рику. Просто сказала ему, что это всё. На этом всё должно закончиться. Может, когда-нибудь, они увидятся, но сейчас это всё должно закончиться. Стив пожелал ей всего наилучшего, и поблагодарил ее за всё, что она для него сделала, и за то, что она была в его жизни. Он старался показаться ей сильным, но в разговоре со мной по телефону, немного проскочили те же самые нотки, которые я слышал вначале нашего общения. Для него это был сильный удар.

Мы реже общались. Я, так или иначе, напоминал ему о Лене, просто тем, что я ее знал. Тем, что я был частью его прошлой жизни. Он говорил, что встречается с новыми женщинами, показывал их фотографии и их сайты в интернете – они были прекрасны. И мне казалось, что он просто хочет меня успокоить, хочет показать, что у него все хорошо. Что он остался сильным, после того как разошелся с ней. Но он всё также переживал потерю Лены. Двумя неделями позже произошло несчастье. Его дочь, с которой мы так хорошо общались, которая в июле вышла замуж – попала в аварию. Стив коротко сказал мне об этом в письме. Он написал, что ситуация критическая. Я верующий человек, но к самому понятию «религия» отношусь довольно скептически. В тот вечер я пошел в церковь на Красной площади, возле которой тогда находился. Мне вспомнился тот вечер, когда Лена попала в аварию. А есть ли Бог? И зачем это всё? От Стива не было новостей несколько дней. Я посылал ему письма, и он коротко ответил, что ситуация такая же, ничего нового. Следующее короткое письмо я получил неделю спустя. Его дочь умерла в больнице, после еще одной операции. Для Стива это было невыносимо. За короткое время он потерял двух любимых людей. С тех пор мы лишь изредка переписывались.

Оля вытерла слезы одеялом. Той ночью мы больше не сказали ни слова. Каждый думал о своем. Я провалился в сон.

Утром, после секса, душа, чашки кофе, а также прощального поцелуя, Оля поехала домой. Я еще час валялся в кровати, положив на ноги ноутбук, и просматривал почту. Я позвонил Вадиму, узнать как он, и, что меня волновало больше – как Вера. Оказалось, что Вадим спал ночью на первом этаже, и его часов в восемь разбудила жена. Не думаю, что она вообще спала ночью. Они обо всем поговорили и, как мне показалось со слов Вадима, через некоторое время они вернутся к своей жизни. Скорее всего, она уже не будет такой, как прежде. Будут подозрения и недоверие со стороны Веры, излишние старания со стороны моего друга. Он, наверное, долго не забудет то, что жена наставила на него пистолет. Странно, но может, это и к лучшему.

С этими мыслями я пошел в душ. Теплый душ, зубная щетка, вытереться насухо и решить, что же делать дальше. Работать не хотелось, дома оставаться тоже. Взглянул на себя в зеркало, я глупо улыбнулся – не брился дня два, зарос уже немного. В это же время закипела вода в чайнике, и довольно скоро по квартире распространился запах Starbucks Medium. Держа в руках чашку с кофе, я позвонил Давиду. У него ночка удалась на славу, о чем он начал мне рассказывать, но я решил, что лучше мы поделимся ночными приключениями позже. Мы договорились, то я заеду за ним, и мы поедем завтракать, и заодно немного поговорим по работе. Он предупредил меня, что у него сейчас Катя с Ирой. Я ответил, что подвезем их домой, а потом поедем завтракать. Кинув телефон на диван, я почему-то улыбнулся.

Обычно мой выбор одежды на день зависит от одной вещи. К примеру, я могу решить для себя, что хочу надеть определенные ботинки, и все остальное подберу к ним. Или же захочу надеть новую футболку, тогда представляю, что будет хорошо смотреться на мне в его сочетании. Сегодня решил выбрать черную рубашку KJ Beckett, джинсы и черные кеды. И, естественно очки, которые я купил в начале мая в Харроуде.

Бросаю на заднее сиденье сумку с ноутбуком и свежим номером британского GQ, переданного мне Давидом. Потом сажусь за руль и немного сижу в тишине. Вроде бы обычная процедура для всех, кто хоть когда-нибудь по утрам выезжал из дома. Но для меня именно с первых секунд, проведенных за рулем, становится ясно, как именно пройдет поездка. Какое-то предчувствие. Оно особенно сильное и верное, когда я выезжаю наверх из гаража, поворачиваю направо, проезжаю несколько метров под аркой и, останавливаясь на тротуаре, смотрю на дорогу. Как бы второй старт, направо. Если эти моменты прошли хорошо, то все будет прекрасно. Так чаще всего и бывает.

По пути к Давиду произошло значимое для меня событие. Мне позвонила Wiki. Она прочла сообщение, которое я месяц назад оставил ей на берегу Темзы. Сказала, что увидела его еще дней десять назад, но еще не знала что ответить. А теперь знает точно. В марте, подруга пригласила ее посидеть в ресторане в компании одного художника. Так получилось, что спонсировал этого виртуоза масел, один граф, двадцативосьмилетний парень. Они с Викой перекинулись несколькими фразами и на следующие выходные встретились в одном ночном клубе. Потом несколько раз встречались, и, ей кажется, что может что-то и получиться. Он дворянского происхождения, что так ценилось в ее семье, весьма завидный жених, и, что немаловажно, Вике с ним хорошо и спокойно, и она видела, что он ее искренне любит и заботится о ней.

Вика сказала, что если бы я хоть немного следил за британскими таблоидами в последнее время, то точно был бы в курсе того, что она уже не одна. Ни на страницах, ни в жизни. Она попросила меня, чтобы теперь я специально не искал в интернете статьи о ней и о человеке, с которым она сейчас. Если будет свадьба, она меня с ним познакомит. А еще, она хотела бы, чтобы на возможную свадьбу в будущем я прилетел со своей девушкой. Вика была уверена, что та, кто будет рядом, будет замечательной девушкой. Я пожелал ей всего самого наилучшего, и пообещал, что все равно иногда буду оставлять надпись на периллах. Некоторое время мы не говорили ни слова. Стало немного грустно. Мне почудилось, что в этой тишине она тихо

сказала, может, даже прошептала “I missed you”. Я не спросил ее. Мы молчали, а потом как-то нелепо, совершенно нехотя попрощались. Казалось, что заканчивается что-то хорошее.

– He reminds me of you, – рассмеялась она в трубку, перед тем, как закончить разговор, – he doesn't use sticks.

Подъехав к дому Давида, я позвонил ему, и он спустился с девушками минут через семь. У всей троицы был счастливый, но усталый вид.

– Народ, а вы что такие помятые? – я усмехнулся при виде брюнеток.

– Ой, а на себя посмотрел бы, – протянула Ира, – что у вас там с Олей было ночью, она звонила.

Да так, к другу заехали, а он с женой немного поссорился. Вот и всё, потом спать поехали. Девчонки, вас куда?

Мы отвезли девушек домой, и поехали позавтракать. По дороге мне позвонил Виктор, и, подъехав к летнему кафе в старом городе, я всё еще держал телефон возле левого уха. Отодвигая телефон от губ, и извиняясь за долгий разговор, я уселся за столик.

После кондиционера машины особенно ощущалась жара на улице. Даже, несмотря на то, что мы сидели на узкой улочке, в тени, всё равно чувствовалась летняя духота. Что же будет после обеда? К нам подошла официантка и небрежно кинула меню. Я закончил разговор:

– Сорри, что так долго, – я положил телефон на стол.

– Всё нормально?

– Да, – я взял в руки меню. – Ты что будешь?

– Не знаю еще, – Давид перевернул страницу, – ну, так как у тебя вчера?

– Весело, – я усмехнулся, – у тебя как? Девчонки хороши?

– Да не то слово. Остался бы, сам увидел бы.

– Потом как-нибудь.

Давид рассказал, что уехал с девушками через полчаса, после того, как ушли мы с Олей и Вадимом. Они поняли, что наш поступок – единственно правильный и последовали нашему примеру. Дальше – всё как всегда в таких случаях – домой, секс, спать. Утром, пока Катя была в душе, он еще раз по-быстрому занялся сексом с другой брюнеткой. Оказывается, Ира рассказала Давиду, что Катя очень хотела, чтобы и я присоединился к ним, так как еще в ресторане почувствовала симпатию.

– Прямо как ты и говорил, – усмехнулся Давид.

– Ну, видишь. Бывает иногда.

– У тебя-то как было ночью? Девчонки говорили с Олей, она что-то хотела им рассказать.

– Сейчас расскажу, – я подозвал официантку, и мы взяли кофе, сок и салаты.

После этого я поведал о ситуации, приключившейся ночью. Давид иногда начинал смеяться, причем каждая его усмешка сопровождалась словом “Fuck”, вырывавшемся сквозь его растянутые в улыбке губы. В то же время нам принесли еду.

– Ну и как сейчас? Звонил? – спросил он меня, накалывая кусочек томата на вилку.

– Да, вроде нормально. Только не знаю теперь, как с ними двумя видеться. Сложно будет.

– Да ладно, все нормально. Поживут, забудут. Лучше скажи как Оля вообще?

Я посмотрел на официантку, которая, заметив мой взгляд направилась ко мне. Я покачал головой, показав, что не подзывал ее.

– Оля классная. Кому-то хорошей девушкой будет. Не хочу о ней.

– А что так? – Давид взял зубочистку и начал вытаскивать ее из бумажной обертки.

– Не, ничего. Не хочу просто. Лучше ты мне скажи, милый друг, – улыбнувшись я облокотился о стол и наклонился вперед, – как тебе тут. Не надоело еще?

– С тобой не соскучишься, – Давид довольно фыркнул, – жил бы ты там, в Нью-Йорке, тебе бы цены не было. Ты просто не представляешь, – он немного понизил тон, – какие там тёлки. Тех, что ты видишь тут или у себя в Лондоне, или там, в Москве, это не то. Они там не только ухоженные, но еще и умные, а также богатые. Там миллион – это так, средний класс. А в Манхэттене ты бы за год другой обжился, и там бы вокруг тебя все скакали, поверь мне.

– Классно, – я грустно улыбнулся, – может, будет когда-нибудь такое, если мне это еще надо будет.

– Не, я все понимаю. Серьезно, – он погрузился, как будто прочувствовав мое настроение и вновь появившиеся мысли, – если что, перебирайся ко мне. Я тебя задорого продам там, – Давид рассмеялся и я точно так же, как и он, не хотел сегодня думать о чем-то плохом в будущем.

– Да, – я сказал скорее себе, чем ему, – да, будет здорово. Обещаю, что если я соберусь туда переезжать, хоть на некоторое время, я тебе сообщу одному из первых.

– Самому первому, а не одному из первых, – он наигранно обиделся, а я рассмеялся.

«О да, это будут безумные дни» - подумал я.

Во время нашего разговора за соседний стол сели две девушки. Усевшись, они бросили на нас легкий взгляд. Давид презрительно поморщился и отвернулся.

– Ты что?! – я намного наклонился вперед и усмехнулся, – знакомые? Видеть не хочешь?

– Не, просто.

– Классные же девчонки, что такое? – я не понимал смены его настроения.

– Да я вспомнил вчерашний вечер и ночь, – он опять обернулся посмотреть на девушек.

– Ну, и? Не понравилось?

– Понимаешь в чем дело, – отодвинув тарелку в сторону, он наклонился вперед, и, скрестив руки на груди, оперся локтями о стол, – понравилось очень. Классно было все. Но я как подумаю, что до этого они точно так же еще с кем-то трахались, а как я сметаюсь назад – еще с кем-то, как-то неприятно. И на этих посмотрел, – он кивнул в сторону девушек, – тоже подумал, что сегодня с одним, или даже со мной, а потом с другим будут.

Я громко рассмеялся, и окружающие посмотрели на меня.

– Ну, ты даешь! – сказал я, смеясь, и продолжил чуть тише, – ты вчера снял двух девчонок. Потусовался с ними в клубе. Поехал домой и у вас был групповой секс, я думаю неоднократно. Ты в пятницу улетаешь. Я, верно, все говорю? – Давид кивнул. – И у тебя после этого еще чувство собственника? Bravo!

– Не чувство собственника, а я просто не хочу, чтобы так было.

– Так, так, так, продолжай. Я знаю, что ты хочешь сказать, ну-ка.

Давид, задумавшись, продолжил, – я хочу, чтобы девушки другими были.

– Да, близко, но по-другому немного. О себе скажи.

– Я, – он долго посмотрел на меня, – не знаю, как сказать.

– А я знаю, – я развалился на стуле, – ты не хочешь, чтобы ты так легко снимал девушек.

– Да, именно! – он перебил меня.

– А точнее, чтобы они снимались уже с самого момента, как только проснутся. Чтобы в голове, когда она из дома выходит или в интернете сидит, не было этого бзика «парня бы найти».

– Да, так примерно.

– Классно, – я одобрительно кивнул и усмехнулся. – Давид, а Давид, тебе девушку постоянную надо.

– Думаю, скорее да, чем нет. Устал уже от такого.

– О, почти что мои мысли твоими устами.

– Так вот, познакомишься – а она уже замуж хочет.

– Хочет с тобой быть, поэтому и хочет замуж. Ты классный парень, почему бы не хотеть?

– Ну, так дело в том, что в итоге, ей не я сам нужен, а все, что у меня есть и каким меня видит.

– Ты сам себе противоречишь. В итоге, как ты только что сказал – это и есть ты.

– Я не так хотел сказать.

– А как, – я съязвил.

– Я хотел сказать, что мне же тоже нужна девушка, с которой я бы хотел быть вместе, и которая сама собой была бы.

– Давид, мы вчера это уже проходили. Посмотри выше немного. Полным полно самых лучших женщин, которые не могут найти нормального мужчину.

– Слушай, – он усмехнулся, – а мне какие-то полубляди попадают, – он скривился. – Какая-то латентная проституция в обществе и в моей жизни. Допустим, видишь девушку. С ней заговоришь, а через десять минут о ней все знать уже будешь. Выяснится, что она хочет обязательно умного, доброго, эрудированного, и чтобы был обязательно богат. Сама же она вообще редкой души человек. Читает Ницше, Чехова с Ахматовой, животных любит и детей хочет. А потом заявляет, что любит красивые машины и прогулки на яхте. И кого в итоге мы получаем?

– Все любят, я тоже, – я криво усмехнулся.

– Не в этом дело, я утрирую. Короче, она думает, что она такая необычная, волшебная, духовная, самая хорошая. А, по сути – обертка. Клише современное. Да и потом что от нее ожидать? Желание чтоб все было хорошо – у нее будет, а желание делать для этого что-то существенное – нет. И будет искренняя любовь до первой более привлекательной ситуации, – он фыркнул, – пока кто-то лучше чем я не появится. А где же любовь?

– Жестко ты немного, но, а что ты хочешь? Если с такими, то это как говорить с проститутками о любви – глупо и смешно. А вообще, для многих это нормально уже, – подумав, продолжил я. – Такие женщины уже стали продавать себя так явно, что большинство мужчин начало воспринимать это как само собой разумеющееся, как норму. Мы же вчера это все видели. Ты же сам видел, увез же именно таких. Блин, Давид, – я немного повысил голос, – ты меня только что звал в Нью-Йорк, говорил какие там богатые женщины, превозносил их, а сейчас мне плачешься, что не можешь найти бедную библиотекаршу с чистой душой. Тебе не кажется, что как-то не совпадают твои запросы. Или ты “all in” ищешь?

– Ага. И еще чувства, естественно, – Давид поспешил добавить.

– А, вот как. Тогда все вообще просто. Чтобы таких найти, нужно трезвую голову иметь вначале, и просто нормально женщин понимать. Любить их, читать их.

– Еще нужно знать, как читать, – он назидательно поднял вверх указательный палец.

– Между строк, – я улыбнулся. – Там всегда самое интересное. Только и это не всегда помогает.

*Чтоб не случилось, не будь слишком близко,
Я все продумал, и нас исключили из списка.
Твои подруги одеты в самое модное,
Даже когда нужно самое черное.*

Я отвез Давида домой. На душе было неприятное ощущение, как будто в очередной раз я сделал что-то не то. Что именно, я не мог понять, но сегодняшний разговор и прошедшая ночь оставили неприятный осадок. Я понял, что хочу увидеться с кем-то, кто не будет задавать глупых вопросов, и просто будет рад со мной встретиться. Единственным, кого я бы хотел сейчас видеть, и кто бы меня полностью понимал, был Нильс, который год назад переехал из Норвегии в Литву, на Родину своей жены. Раньше мы не общались с ним слишком много. Но когда мы были в общих компаниях, и он замечал мое недовольное выражения лица, которое появлялось после вопросов о моем здоровье, он улыбался. В такие моменты он отшучивался, чтоб меня оставили в покое, и предлагал мне опять выпить со словами "Fuck them all. It's your life". За то, что он не лезет ко мне с расспросами и не проявляет сочувствия, когда не надо, я его всегда был рад видеть и искренне уважал.

Мы с ним всегда «ссорились» из-за того, кто будет оплачивать счет, каждый хотел заплатить сам. Не для создания какой-то видимости, а для еще одного небольшого проявления уважения. Однажды мы – Нильс с женой и дочкой, и я с девушкой и собакой – весь день провели в одном ресторане далеко за городом. Заехали съесть по стейку и выпить вина, а провели там весь день. За часов девять, которые мы там сидели, было заказано порядочно, счет был немаленьким, и, когда мы уже решили не возвращаться домой, а остаться в гостинице, каждый потянулся за кошельком. Тогда моя девушка даже забрала мою кредитную карту, которую я положил на стол, и сказала, чтобы мы хоть поровну оплатили. Платил он, а официантка тогда получила щедрые чаевые от меня. Через минуту я поднялся и сказал, что сейчас буду, – "I need to make a leak". А когда вернулся, положил на стол ключи от гостиничных апартаментов.

Нильс всегда в такие моменты, да и вообще, часто повторял фразу, приятную фразу, но как-то с грустью – "You are a good man".

В ту ночь мы впервые спокойно поговорили наедине. Он, 38-летний начальник безопасности на нефтяных вышках и в местах разработки новых месторождений, покидающий самые опасные места последним, когда все эвакуированы, клубный парень, любитель выпить, любящий Harley Davidson (и свой бывший и будущий, и все что с этим связано). Любящий свою жену и маленькую трехлетнюю дочку, которые остались с моей девушкой в гостиничном номере. Он в ту ночь раскрылся сам для себя. Наверное, ему нужно было просто выговориться. Вылить все то, что накопилось внутри. Тогда, сидя в кресле и, покручивая в руке стакан с Джеком, он начал говорить, все также, на ломаном английском, с акцентом, делая небольшие паузы между предложениями, и иногда смотря мне в глаза:

– I do not know what to do. It is getting complicated. When you are in a marriage for six years – it's complicated. Especially in our situation. If the daughter would be all right, we would be ok, maybe. I don't know. Nobody knows. I have to decide what to do in my life. Life is never the straight line. It is always up and down. Always was, always will be. Some get it harder, – он посмотрел на меня, – some get it even worse, - сказал он, глядя в пустоту, сделав большой глоток виски.

Я задумался о себе, а Нильс, почувствовав это и увидев мой пустой взгляд, продолжил:

– You know how shitty it can be. Life is never a straight line. There are always ups and downs. You know it. I know it. I do not feel sorry for you. You do just what you have to do and you want to do. Screw them all. It's your life and choices. And even if you fall down and never get up again right this moment – it is you. Some people don't understand you – not many people do. And if I would not be in similar situation now, from other aspects of course, maybe I wouldn't understand either. Life is a tough thing, but you have to look forward, or live your moment. It's hard. You know. You are just like me, you know it all.

Нильс в тот вечер рассказал, как он познакомился со своей женой, как влюбился в нее с первого взгляда. Как они полгода после рождения ребенка провели в больнице, так как у нее были неполадки с дыханием. Трахеотомия. Как это все вначале сблизило их всех, а потом отдалило друг от друга. Как его жена, прикрываясь заботой о ребенке, не делала ничего, чтобы стать лучше, интересней, и более желанной, но при этом находила время на подруг и шоппинг.

– And now it's complicated, Oleg. But such is life. You just do what you have to do. We are alike. Let's sit a little more and then go back to the girls. Just some more time here. Jack is good, and we can call it John, like in "Scent of a woman", you remember. You said you liked this movie. I like it as well. Good one. Cheers to that! – он опустошил стакан.

После того разговора, мы стали часто пересекаться в городе, ужинали со своими вторыми половинами, или же смотрели фильмы и вместе с его женой и дочкой. А позднее, когда начались мои бесконечные поездки, мы стали видеться гораздо реже.

Я набрал номер Нильса, и через несколько длинных гудков, услышал его радостный голос:

– Hello, Oleg!

– Hi man, how are you? – я уменьшил громкость радио в салоне машины.

– Good, good. You? Back home?

– Yeah, for a couple of weeks.

– Do you have time? Come by, I'm free now.

– That's why I called you, – я рассмеялся. – Where are you?

– I just finished my lunch and enjoying coffee now in a restaurant by that optics shop not far from home.

– Oh, I know where it is. I can be there in fifteen minutes.

– Ok, I'll wait for you.

– See you.

Развернувшись на перекрестке, я поехал по дороге вдоль залива и минут через десять, уже искал место для парковки.

Я заметил, что одна из машин выехала недалеко от меня, и направился туда. Подъезжая ближе, мне показалось, что рядом со свободным местом стоит автомобиль Дианы. Да, это действительно был он! Я вздрогнул, и мне захотелось проехать дальше, чтобы нечаянно не увидеться с ней. Не знаю почему, но я бы хотел, чтобы наша встреча с ней, если бы она когда-нибудь состоялась, была не на парковке. И тут, я увидел ее, стоящую недалеко от машины. Она разговаривала с девушкой, и та показала в мою сторону. «Ну, когда-то это должно было произойти», – подумал я, и остановился слева от ее машины. Диана, увидев меня, распрощалась с девушкой, и направилась в мою сторону, поправляя бретельку на легком белом обтягивающем платье.

Я взял с соседнего сиденья зажим с деньгами и телефон, и открыл дверь.

– Здравствуй, – я первым поздоровался.

Диана осмотрела меня с ног до головы, сняла солнечные очки и, растягивая слова, сказала:

– Долго же мы не виделись.

– Да, давно, – я захлопнул дверь.

– И как ты? – она подошла к своей машине, и, подложив ладонь, оперлась о дверь.

– Я нормально, живой еще. Как ты?

– Тоже ничего, как видишь. А ты, я понимаю, еще химию не делал?

– Нет.

– Когда будешь делать?

– Не знаю, не начинай, – недовольно проворчал я, скорее по привычке.

Диана рассмеялась, – ты совсем не изменился, как и раньше. Как здоровье-то. Выглядишь, если честно, как будто сейчас просто свалишься.

– Да все нормально, последняя стадия уже, 4Б, – совершенно спокойно сказал я, – и позвоночник еще сломал, – теперь уже смеялся я. Увидев ее удивление, я сразу продолжил, – да не, все нормально уже. Срастается вроде.

– Дождался, – она подняла брови и покачала головой, – а сломал как, упал?

– Нет, не поверишь, чихнул, – я усмехнулся, – теперь боюсь чихать.

– Как так?

– Какой-то там верхний слой разрушается, кости ломаются. Чихнул, резко наклонился – и все. У меня еще здесь что-то трещит, – я указал на правую ключицу, – и где-то там, в спине еще.

Диана с укором посмотрела на меня.

– Слушай, все нормально. Я уже решил, что буду химию делать, иначе еще месяца три, и не протяну. Кого тогда ругать будешь? – я улыбнулся.

Я почувствовал, что опять люблюсь ей, как и раньше. Похоже, и она заметила это, и у нее появилась улыбка, как раньше, такая же теплая. Мы стояли каждый у своей машины, и я не хотел идти в ресторан к Нильсу. Я не знал, когда я еще увижусь с Дианой. Пока я смотрел на нее, она отвернулась и уставилась на дорогу, у нее исчезла улыбка, и, кинув взгляд на меня, она спросила, почти что шепотом:

– Олег, почему ты так сделал? Почему ты уехал?

– Надо было, – я произнес как можно спокойнее, – все начинало меняться.

– Ты не хотел видеть так, как все было, – она повысила голос.

– Я все видел именно так, как было. Я уже не мог так дальше, видеть, что в любой момент все может закончиться.

– Ты мог! Ничего бы не закончилось! Я лишь хотела нормальной спокойной жизни с тобой!

– Ты хотела спокойной жизни? – я повысил голос, и Диана немного вздрогнула, – так со мной спокойной не было бы, понимаешь! Я по-другому жил, пойми. Уже в июле, того меня, с кем ты познакомилась – не было больше. И никогда больше не будет. Как я мог быть с тобой, когда не знал, проснусь ли я! Всё по-другому, – я замолчал и уставился на Диану. Она зло смотрела на меня, сжав губы, которые превратились в узкую полоску. Я нахмурился и выдохнул через нос. Казалось, что она что-то обдумывает, но как часто бывает, в такие моменты мысли куда-то улетают, и скорее чувствуешь ситуацию кожей, чем понимаешь ее головой.

– Ты знаешь, – я спокойно продолжил, – а ведь как-то странно это всё. Всё поменялось. Все ценности поменялись, по крайней мере, я начал на всё смотреть по-другому. Сейчас я как бы живу одним моментом, тем, что я чувствую, – я начал вспоминать некоторые события, случившиеся за последний год. – Я просто хочу, чтобы людям вокруг меня было хорошо.

– А как я? Ты хотел, чтобы у меня было все хорошо? – она зло спросила.

– Да, – я вызывающе ответил.

– По-моему ты себя обманываешь, – она разочарованно произнесла, – если бы ты хотел, чтобы у меня было все хорошо, ты бы со мной был, а не придумывал отговорки и не свалил в Москву. Я тебе значила так мало, что ты решил меня оставить?

– Нет, Диан, наоборот. Ты была тем человеком, ради которого мне хотелось делать все лучше, быть самому намного лучше, чем я был на самом деле, а я не мог. И я не хотел делать тебе больно.

– Но ты сделал. Ты хоть представляешь, каково мне было, когда ты улетел?

– Нет, но думаю, тебе было плохо, мягко говоря. Ты не хотела никого видеть, ненавидела всех, кто тебе звонил, потому что эти люди не были мной. Ходила в те места, где мы бывали. А

потом наоборот, стала их избегать, даже зная, что меня там нет. А еще позже, ты начала меня ненавидеть.

Диана смотрела на меня широко раскрыв глаза.

– Может, у тебя так было, – продолжил я, – потому что у меня всё было именно так. Я боялся за тебя, за то, что будет с тобой, если еще и меня не станет после твоих родителей. Извини, что напомнил, но это так.

– Я могу тебя понять, я думала об этом, очень много думала, – она положила маленькую сумочку на капот машины, – но не знаю, смогу ли я тебя простить.

– А надо ли? – я перебил ее.

– Не знаю. Ты был дорог. Сейчас ты небезразличен, по крайней мере.

– Я о тебе думал иногда, – мне было больно находиться рядом с ней сейчас, понимая, что я сделал.

Она посмотрела на меня, как будто не слышала последней моей фразы,

– Я знаю точно, что я не хочу тебя видеть, пока ты не пройдешь химиотерапию. Ты не любишь себя. А поэтому и других. А как я могу общаться с таким человеком?

– Значит, скоро меня увидишь, – я был рад, что она не ненавидит меня, что раньше казалось мне таким возможным.

– Олег. Я ведь помню, что ты сделал. И хоть это было из благих побуждений, но ты был неправ. Я сильная, и мне нужно было, чтобы ты был рядом. Ты этого не понял. А теперь, уже все. Любви не осталось, ты ее у меня отнял, спасибо тебе, – она язвительно взглянула на меня. – Ты хотел сделать как лучше, ну что ж, может, кому-то и было лучше, но не мне.

– Я не знаю, что тебе сказать, но я хочу тебя, потом еще увидеть, если у тебя будет время и желание.

– А ничего не надо говорить. Позвони мне, когда в больницу ляжешь. А до этого, я не хочу тебя слышать.

Диана открыла дверь машины и села за руль, опустив стекло.

– Ты знаешь, – сказала она, включая зажигание и смотря на меня, – а когда ты уехал, я не могла на телефон отвечать нормально.

– Почему?

– Потому что я ненавидела всех, кто мне звонит, только потому, что они не были тобой.

Я глубоко вздохнул, не понимая, как ответить ей. А Диана, улыбнувшись, как иногда улыбаются перед тем, как заплакать, надела солнечные очки, и сказала:

– Олег, погуляй неделю, измотай себя так, чтобы ты не встал, ты это умеешь. И все. Не бойся, иди на химию. Хуже уже быть не может. Ты же знаешь, что у тебя может быть в будущем. Удачи тебе. И еще, – она замолчала, и пристально посмотрела на меня. Я видел ее глаза сквозь затемненные стекла очков, – знаешь, – она улыбнулась, – иногда хорошие вещи заканчиваются плохо. Иначе бы они не заканчивались.

Не дождавшись моего ответа, она тронулась с места. Я проводил ее удаляющуюся машину взглядом, и пошел к Нильсу.

Теперь я действительно знал, что нужно делать.